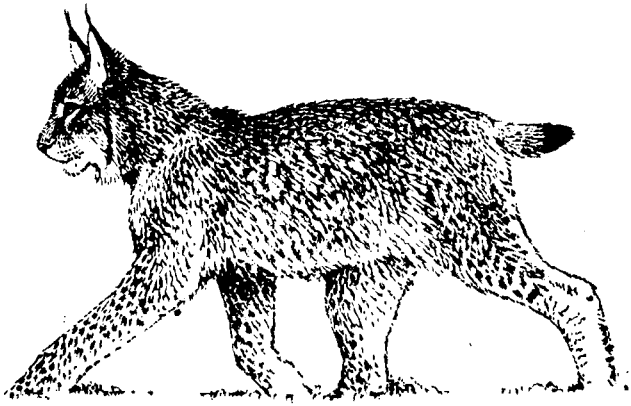
Е. А. КРУТОВСКАЯ



БЫЛИ ЗАПОВЕДНОГО ЛЕСА

1157515

КРАСНОЯРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990

ВОЛОГОДСКАЯ
облас[illegible]тека
им. [illegible]

28.6
К 84

Составитель
и автор предисловия
Т. Р. ВЕЛИЧКО

Фотоснимки
Дж. Г. ДУЛЬКЕЙТА

Художник
В. В. БАХТИН

К $\frac{1603000000-033}{М147(03)-90}$ 60—90
ISBN—7479—0218—0

© Красноярское книжное издательство, 1990

ОБ АВТОРЕ

У Елены Александровны Крутовской было очень много друзей.

«Читала вашу книжку и плакала от радости, что на свете есть такой человек»,— писала ей народная артистка СССР Фаина Раневская.

«Если бы совесть можно было регулировать или настраивать, ее можно было бы выверять по этической позиции Крутовской. Она обладала лучшим человеческим даром — постоянной готовностью общения с людьми»,— говорит о ней заслуженный художник РСФСР Тойво Ряннель.

Как же сложилась жизнь этой необыкновенной женщины?

Е. А. Крутовская родилась 24 сентября 1914 года в Красноярске. Семья ее была очень известной в городе.

Именно в их доме сто лет тому назад начал жизнь наш краеведческий музей. Крутовскими была подарена Красноярску их семейная библиотека, которая стала основой для первой публичной библиотеки в городе.

Один дед Елены Александровны — Всеволод Михайлович Крутовский — был знаменитейшим в Сибири садоводом. Другой — Владимир Михайлович — известным врачом, основателем первой фельдшерской школы и бесплатной амбулатории для бедных. В. М. Крутовский первым приветил ссыльного В. И. Ульянова в Красноярске и помог сделать так, чтобы местом ссылки ему определили юг края — село Шушенское.

В доме деда-врача и воспитывалась Елена Александровна, так как родители ее рано разошлись.

В 1938 году В. М. Крутовский был репрессирован и скончался в тюрьме.

Елене Крутовской, выпускнице Красноярского пединститута, в неофициальной беседе было предложено: «Выйдите побыстрее замуж и смените фамилию. Вас оставят в покое».

Позже Елена Александровна, полюбив, вышла замуж. Но фамилию так и не сменила.

А тогда, в 1938, судьба привела ее в заповедник «Столбы».

Елена Александровна была первым зоологом заповедника (он был еще совсем маленьким, только организовывался). Ей повезло: замечательными людьми оказались и первый директор заповедника Александр Леопольдович Яворский и первый ботаник Мария Николаевна Ширская. Рассказы о них — в разделе «Люди заповедника»— вы прочтете в этой книге.

Рядом с ними Е. А. Крутовская состоялась как ученый. Ею был составлен первый список животных заповедника, особенно полный по птицам. Все последующие исследования, проводимые в заповеднике «Столбы», вносят в ее работу лишь небольшие дополнения.

В это же время Елена Александровна начала опыты по одомашниванию и полувольному разведению глухарей, так ярко описанные в рассказе «Как это было».

В 1942 году Крутовской пришлось уйти из заповедника. В трудные военные годы некоторые ловкие люди пытались использовать в корыстных целях его природные богатства. А Елена Александровна всегда была непримирима к браконьерству. Ее уволили под предлогом исключения ее темы из плана научных работ.

И все же еще в конце войны Крутовская нашла способ вернуться в заповедник, а вскоре была назначена заведующей метеостанцией «Столбы».

В этой должности Елена Александровна оставалась много лет, ведя плодотворнейшую научную работу.

Опыт по одомашниванию и разведению глухарей был завершен. Статья Е. Крутовской, опубликованная в сборнике «Преобразование фауны СССР» (Издание Московского общества испытателей природы), сразу же была переведена на финский, шведский и другие языки.

Занималась она и изучением жизни птиц в туристско-экскурсионном районе заповедника, и сезонных ритмов природы (ведь жизнь животных определяется сменой времен года). Но более всего интересовали Крутовскую поведение, психология, «умственная» деятельность жи-

вотных. Возможно, этим желанием — наблюдать жизнь братьев меньших в максимальном приближении — и обязаны мы появлению Живого уголка — «Приюта доктора Айболита» на Столбах.

Но очень скоро «Приют» перерос узкие рамки зверинца. Во всяком случае, для красноярцев значение Живого уголка всегда было намного шире.

Питомцев, прирученных лесных сирот, у Елены Александровны всегда было много.

В разделе «Наши первые» вы прочтете рассказы о лосе, соболе, волке, марале. С появлением в 1961 году осиротевшего медвежонка Михи Живой уголок был признан официально, на калитке появилась табличка с надписью: «Сюда принимаются попавшие в беду звери и птицы».

Но, по существу, следовало бы добавить — и люди. Многие, многие заблудшие души нашли здесь приют и ласку. Да и столбисты — отважные рыцари гор — именно сюда стремились не только за медикаментами и спичками, а чаще всего просто за мудрым теплым словом.

В городе к ней относились по-разному. Принципиальность, бескомпромиссность Крутовской не всем были по нраву.

Но на Столбах ее авторитет был непререкаем.

Первым помощником и единомышленником Елены Александровны был ее муж Джемс Георгиевич Дулькейт.

Невысокий, согнутый тяжким недугом человек даже в последние годы жизни очаровывал своей неуемной энергией, молодым и задорным взглядом больших голубых глаз.

Джемс Дулькейт был замечательным художником и мастером-золотые руки. Им построены все вольеры, клетки и звериные домики в Уголке. Фотографиями, сделанными им, украшены все книги Е. А. Крутовской, в том числе и эта.

В их маленьком домике на Столбах почти не было мебели, только длинный, длинный стол, за который по выходным дням садились «в две смены». Зато здесь было весело и красиво: от поющих, порхающих на свободе экзотических птиц. Здесь всегда жили большие и маленькие, благородных пород и вовсе безродные, некогда беспризорные собаки.

Каких только легенд не придумывалось вокруг имени Крутовской!.. И только друзья знали: здесь даже ел-

ка не срубается в лесу под Новый год. Ее — живую — украшали во дворе, а в комнатах — лишь веточки.

В последние годы Елена Александровна особенно щедро дарила себя людям. Общению с посетителями Уголка (об этом замечательно рассказано в записках «Люди и зверушки») она жертвовала даже временем работы над книгами.

Именно поэтому, может быть, и не сумела довести до конца издание своей последней книги, самых зрелых рассказов, которые мы попытались объединить в сборник уже без нее.

Елена Александровна страстно хотела научить всех, особенно детей, любить природу.

Остается только удивляться, как хватало ее доброты на всех. Для каждого она умела найти нужное слово. Даже клички животных — воспитанников лесного детдома необыкновенны именно тем, что в них — доброта и фантазия. Например: Солька, Таныш, Ю-ю, Тымой (ты —мой: что может больше утешить обиженного?).

Елена Александровна Крутовская совсем немного не дожила до своего 70-летия, которое общественность Красноярска готовилась широко отметить. Ее активная благородная деятельность пользовалась необычайной известностью. Она была отмечена высокой правительственной наградой — орденом «Знак Почета». Но 19 сентября 1984 года ее не стало. Незадолго перед этим, 27 февраля 1984 года, скончался Джемс Георгиевич Дулькейт.

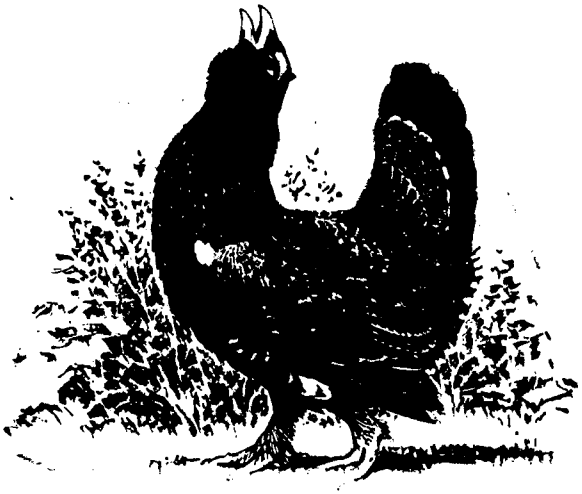
Живой уголок на Столбах существует до сих пор. Его по-прежнему называют «Школой доброты». Ученицы Е. А. Крутовской, ее последовательницы, стараются поддерживать прежние традиции «Приюта доктора Айболита».

Все чаще заходит разговор о создании настоящего зоопарка в Красноярске, ядром которого мог бы стать Живой уголок Крутовской. Об этом так мечтала сама Елена Александровна.

Ее друзьям, всем, кто знал этого замечательного ученого и человека, осталась память о ней, которая заставляет нас быть чуточку строже к себе, добрее в отношении к людям, чище в помыслах и делах. Остались ее удивительные книги.

Т. ВЕЛИЧКО

НАШИ ПЕРВЫЕ



КАК ЭТО БЫЛО

(История одного научного опыта)

Когда я была еще девочкой, меня неотразимо влекли к себе «белые пятна» географической карты. Самой чудесной профессией на свете казалась мне профессия ученого путешественника — открывателя неведомых земель.

Но «белые пятна» существуют ведь не только в географии. Каждая отрасль науки имеет свои, еще неосвоенные «островки» знания. Каждый самый скромный научный работник всегда в какой-то мере открыватель неведомого. И не отзвук ли того, давно забытого детского чувства, заставил меня в 1940 году взяться за преодоление «белого пятна» в зоологии — проблему одомашнивания глухаря?

Глухарь во многих западных странах почти совершенно истреблен. И в нашей стране с каждым годом становится все меньше мест, пригодных для его существования,— тех дремучих, нетронутых топором лесов и таежных крепей, какие любит глухарь. Чтоб сохранить эту чудесную птицу, которой посвящено столько вдохновенных строк певцов родной природы, нужно научиться разводить глухарей в неволе, приучить их жить и гнездиться в парковых лесах, рядом с человеческим хозяйством.

Попытки приручить глухаря делались не раз, но всегда заканчивались неудачей. Глухари необычайно легко поддавались приручению и неизбежно гибли от какой-то роковой болезни...

Передо мной лежит тоненькая книжка, отпечатанная мелким шрифтом,— авторский оттиск моей статьи «Опыты одомашнивания глухаря в заповеднике «Столбы».

Мне хочется рассказать, как это было, не скупыми словами научных выводов. Рассказать о том, о чем не бу-

дешь рассказывать на страницах научной статьи: о любимой работе, которой был отдан кусочек жизни, о радостях побед и горечи поражений, о прекрасной птице — глухаре.

Жили мы тогда вдвоем с мамой в маленькой таежной избушке в глубине заповедника. Избушка эта была построена когда-то работниками Красноярского краеведческого музея и поэтому называлась «музеянка». Была она низенькая, темная, с маленькими окошечками. Ну, ни дать ни взять — классическая избушка бабы-Яги, только не на курьих ножках. А выйдешь на порог — и откроются перед тобой бесконечные таежные дали...

Мама моя всю жизнь работала. Сначала фельдшерицей, потом директором медицинской школы. А когда я стала зоологом заповедника, поселилась вместе со мной в тайге и принялась помогать мне, как умела, в моей работе...

Принесла я найденные мною глухариные яйца, а белая курица, которую мы прочили в наседки к нашим лесным питомцам, соскочила с гнезда и убежала в лес. Сколько мы за ней ни гонялись — не могли поймать. Другой наседки нет. Яйца стынут. Что делать?

Только через два с половиной дня удалось мне достать, наконец, надежную наседку. Все это время мама согревала глухариные яйца за пазухой.

Из обоих яиц глухарята вывелись благополучно.

Так появились на белый свет наши пионеры — глухарочка Детка и ее братишка — толстяк Голован. Смешные, разрисованные черными узорами по желто-зеленому фону, глазастые лесные цыплята...

Впервые мы тогда познакомились с глухариным языком — разнообразными звуками, которые издавали наши питомцы и которые нам необходимо было научиться понимать. Тихим спокойным «фить-фить» выражалось удовольствие, «тии» — удивление и испуг при виде какого-нибудь незнакомого предмета и отчаянным воплем «пиа!», «пиа!»— жалоба и призыв.

Ничего-то мы тогда еще не знали. И в книгах не было ответа на самые важные для нас вопросы: чем нужно кормить глухарят, чтоб они правильно росли? Как тепло должно быть в помещении, где они живут? Может ли курица заменить глухарятам мать? На все эти вопросы предстояло ответить нам самим.

В углу нашей маленькой избушки стоит большой фанерный ящик. На дне его мох, с краю прикреплены пихтовые ветки (чтоб походило на лес!). В ящике, распушив перья, сидит крупная бурая курица. Глухарята спят, пригревшись под ее большими крыльями. Мама и дети взаимно довольны друг другом и не понимают пока, что они — существа разной породы.

Но вот глухарята проголодались и высунули пушистые головки из-под крыльев наседки. И тут начинается трагедия. Наседка не понимает языка своих лесных приемышей. Глухарята ее не слушаются и с криком мечутся по ящику. Встревоженное квохтанье курицы их только

Глухаренок

пугает. Несчастные, голодные, напуганные глухарята бегают вдоль стенок, взлетывают, ушибаются...

Приходится вмешаться нам, людям.

Мы берем малышей из ящика, садим их на койку у окна, насыпаем на одеяло свежих муравьиных яиц. Про муравьиные яйца мы вычитали в одной из зоологических книг. Это первый корм для глухарят в природе.

Не берут. Вопят: пиа! пи! Бегут от нас куда глаза глядят...

Может быть, они еще сами не умеют клевать? Может

быть, глухарка кормит их первые дни из клюва? Про это в книгах ничего нет.

Я осторожно беру Детку, пытаюсь разжать ей двумя пальцами клювик. Другая рука наготове с пинцетом, чтоб с его помощью вложить в рот малышке муравьиное яичко. Но что это? В тот момент, когда я нажала пальцами на уголки клювика, Детка беспомощно повисает в моей руке. Ой! Неужели я как-нибудь нечаянно ее задавила? Нет! Детка просто испугалась и прикинулась мертвой. На самом деле она живехонька! Шевелится, открыла черные глазки. Но я уже теперь боюсь раскрыть ей клювик насильно.

Однако что же делать? Покормить-то ведь малышей надо! Наседка взлетела на край ящика и тревожно хвохчет: беспокоится за цыплят. А я держу в руках Детку и беспомощно гляжу на нее, не зная, что предпринять.

— Пиа!— Детка широко раскрыла в крике клювик.

Ага! Теперь я знаю, что делать. А ну-ка крикни еще!

— Пиа!— Клювик снова раскрыт на секунду. Я пользуюсь этим моментом, чтоб вложить в рот глухаренку приготовленное муравьиное яичко. Детка поперхнулась, дернулась, закрыла ротик. Ура! Проглотила! Вкусно? Хочешь еще!..

После двух-трех раз Детка начала сама склевывать яйца с пинцета. Скоро к ней присоединился и Голован. Дело пошло на лад. Глухарята успокоились, перестали кричать и рваться, начали кушать по-настоящему. Съев несколько муравьиных яиц, они вполне насытились и захотели спать. Пришлось унести их обратно под курицу, которая охотно приняла их под крыло.

Так получилось, что мы с наседкой поделили обязанности в воспитании наших лесных питомцев. Курица обогревала глухарят теплом своего большого тела. Мы кормили. И, в общем,— все было в порядке.

Вот только очень уж хлопотно оказалось быть в роли глухариных кормилиц! Малыши требовали есть каждые четверть часа.

Скоро глухарята совсем освоились с обстановкой и решительно признали нас за «мам». Они весело гуляли по койке, упруго вспрыгивали на подоконник, грелись на солнышке, охорашивались, забавно задирали друга друга, тихонько переговаривались с нами нежными довольными голосами: «фить... фить...» Наевшись (оба скоро

выучились сами склевывать муравьиные яйца прямо с одеяла), глухарята бежали к нам в ладони греться.

Курицу же, как она ни квохтала, как ни волновалась, глухарята не слушались. «Мамы» были мы, а не она. Самое большее — это поспать у нее под крылом. А только проснулись — до свидания!

— Пиа! Пиа!— кричит Детка, стоит нам оставить ее на минутку одну. (— Мамы, мамы! Где вы?!) Подойдешь, и сразу успокоится, забормочет, начинает деловито клевать муравьиные яички.

Скоро Детка осталась у нас одна. Голован объелся муравьиных яиц и погиб.

Мы тогда еще не знали, что муравьиными яйцами надо кормить очень осторожно. Это тяжелая пища. А толстяк Голован был, на беду, большим обжорой.

Потеряв Голована, мы стали еще больше возиться с Деткой. Ведь она была теперь нашим «единственным ребенком».

Не помню, мне или маме принадлежало открытие первого растительного корма для глухарят в условиях неволи — цветочных стебельков одуванчика. Нежные сочные стебельки эти, изрезанные на мелкие кусочки, Детка стала охотно есть еще совсем маленькой. Потом оказалось, что ей очень нравятся мясистые листочки скрипуна — травки, которая во множестве растет на столбовских скалах.

У меня вошло в обычай, возвращаясь из тайги, приносить Детке на пробу пучок разных таежных травок. От некоторых Детка отказывалась, другие охотно ела, и они прочно входили в ее дневное «меню».

Но главным Деткиным кормом до глубокой осени все же оставались муравьиные яйца. Добывать их в нужном количестве оказалось нелегким делом. Каждый день я или мама отправлялись с рюкзаком в тайгу на поиски муравейников. Скоро мы уже истощили все муравейники в окрестностях избушки, и ходить за ними приходилось все дальше и дальше.

Отыскав муравейник, мы палкой или ботанической лопаткой разрывали его с той стороны, где предполагали найти главные склады яиц. Иногда ошибешься, разроешь не там, и приходится снова рыть. А разъяренные муравьи целыми полчищами идут на тебя в атаку, защищая свое богатство.

Наконец найден склад. Теперь за работу. Выгребали

мы яйца просто голыми руками, ссыпали в рюкзак вместе со всякой растительной трухой и муравьями, завязывали потуже, закидывали на спину и — домой! А по дороге муравьи выбирались через какую-нибудь дырочку и ну нас жечь! Шея, руки — все у нас горело после таких походов за Деткиным кормом.

Потом мы уже не могли брать яйца голыми руками. Под действием едкой муравьиной кислоты на наших руках появились ожоги. Кожа с них сходила клочьями, а укусы муравьев в пораженные места причиняли почти нестерпимую боль. Пришлось защищать руки старенькими перчатками. Но и их муравьиная кислота разъедала с катастрофической быстротой. Мы от всей души радовались, когда наконец осенью муравьиные яйца в муравейниках исчезли и наша Детка перешла целиком на растительный корм.

Скоро мы так сжились с нашей глухарочкой, что отлично понимали друг друга.

Мама хозяйничает у печки, а Детка — уже голенастенький рыженький подросток — гуляет в небольшой вольерке, пристроенной к избушке с солнечной стороны. В углу вольерки из смеси песка и золы устроена ванна, в которой Детка любит пурхаться на солнце. На земле насыпаны муравьиные яйца, в поллитровой стеклянной баночке — свежая вода. К решетке привязан роскошный букет таежных трав, который Детка теребит. Полное хозяйство.

Время от времени Детка запрыгивает на барьерчик у сетки вольерки и, привстав на цыпочки, вытянув шею, тревожно зовет: пиа! пиа!.. Немедленно из окна избушки выглядывает мамина голова:

— Детка, ты что это плачешь? Я здесь!

Услышав знакомый голос, Детка сейчас же успокаивается и, спрыгнув с барьерчика, принимается за еду.

Детке было совершенно необходимо, чтобы с ней время от времени разговаривали. Иначе она начинала кричать и волноваться.

Однажды маму вызвали к заболевшему метеорологу, который жил в двух километрах от нашей избушки. Я была в тайге. Мама очень беспокоилась: как оставить Детку? Ведь заплачется одна! Потом решила попросить студентку-практикантку Люсю побыть с Деткой.

— А что я должна делать? — озабоченно спрашивает Люся.

— Да ничего. Просто возьмите книжку, сядьте около вольеры и время от времени разговаривайте с Деткой. Вот и все.

Осталась Люся с глухарочкой и размышляет: «Чудачка же Елена Владимировна!.. Зачем это с птицей говорить?..» Мама вернулась, спрашивает:

— Ну как?..

— Да все хорошо,— говорит Люся.— Только вот, Елена Владимировна, вы уж меня извините... Никак я не могла придумать, о чем мне с вашей Деткой разговаривать?

Долго мы потом смеялись над Люсей, что не могла она найти тему для разговора с глухарочкой.

Со страхом ждали мы, что наша Детка начнет осенью болеть и погибнет, как гибли глухари у наших предшественников. Но опасения оказались напрасными. Детка благополучно пережила роковой для глухарят период.

Мы всегда знали, что хочет от нас Детка. А она так привыкла к нам, что предпочитала любой корм получать из наших рук. Проголодается и вместо того, чтобы искать еду, требует ее от нас. «Тюкает» настойчиво, переступает на месте лапами, тянется к рукам и удивительно сознательно смотрит, словно хочет сказать: «Ну что же вы? Прошу, прошу у вас... Видите же, что проголодалась!..»

Эта привычка — ждать от нас корма и помощи во всякой беде — сохранилась у Детки на всю жизнь. Не всякая курица-наседка спокойно подпустит человека, а Детка доверчиво разрешала нам брать в руки яйца и птенцов.

Из всех диких животных и птиц, которых мне пришлось воспитывать, только немногие так трогательно доверялись человеку.

Детка прожила у нас больше всех других глухарей — целых четыре года. Каждую весну она несла яйца. Но яйца были, как выражаются хозяйки, «жировые», без зародыша. Самца-глухаря нам заполучить так и не удалось.

Продолжать опыт нам пришлось уже не в заповеднике, а в поселке Улень, в Хакасии, где я во время Отечественной войны работала заведующей птицефермой. Детку и вторую, выращенную нами летом 1941 года глухарочку — красавицу Ману, мы увезли с собой.

Тут только вполне поняли мы, какую замечательную помощницу приобрели себе в нашей Детке.

Кого-кого только не растила нам Детка! И диких кряковых утят, и цыплят-легорнов, и глухарят, и тетеревят, и даже крошечных рябчиков. Всех принимала Детка и для всех была ласковой и заботливой матерью.

Первыми Деткиными питомцами (еще в заповеднике) были три цыпленка. Их она высидела сама. Мы заменили снесенные ею яйца куриными. Во время высиживания Детке сильно досаждала вторая наша глухарочка Мана. У Маны своего гнезда не было, и она страшно интересовалась Деткиным «хозяйством». Бывало, целые дни сидит, распушившись, возле ящика. А только Детка на минутку отлучится с гнезда — поесть, заберется в ящик, нежно мурлычет, перекатывает яйца клювом. Один раз укатила яйцо совсем из гнезда. «Ох-ох-ох»,— волнуется Детка, застав разбойницу на месте преступления, но тронуть Ману почему-то не решается, и спасать положение приходится нам.

Через двадцать один день вывелись под Деткой цыплята. Детка целые дни проводит с ними в вольере, заботится о своих маленьких приемышах, как настоящая наседка. А вот кормить их предоставляет нам. Если цыплята начинают кричать, требуя есть, ведет их в комнату. Является со всем своим семейством к порогу озабоченная, деловитая, охает, просит нас своим говорящим взглядом: помогите же. Разве вы не видите? Дети есть хотят.

А Мана не унялась. Только и ловит момент, чтобы цыплята отбежали от Детки подальше. Сейчас же подзовет их к себе, отведет в сторону и спрячет под крылья. Сидит с ними, распушившись, довольная, а Детка мечется по вольере, зовет, ищет... Куда пропали?

Зато, когда налетал какой-нибудь пернатый хищник — ястреб-тетеревятник или ворон, сразу было видно, кто из глухарок настоящая наседка. Цыплята скоро научились понимать язык своей приемной матери. Только крикнет Детка по-глухариному «тревога!»— их уже нет. Попрятались, кто куда. Осторожная Мана тоже затаивалась где-нибудь... Одна Детка оставалась в вольере на виду у врага. Подняв гривой перья на шее, распустив веером хвост, она с шипеньем пригибала к земле голову, как рассерженный гусь, бороздила землю опущенными крыльями, грозная, готовая к бою...

На другой год (было это уже в Хакасии) принесли нам из леса трех еще совсем маленьких глухарят. В

этот день под одной из фермерских наседок начали выводиться цыплята. Под эту наседку мы и подпустили глухарят. Дымчатая курочка отличалась спокойным покладистым нравом. Она охотно приняла глухарят в дети, а глухарята за день, пока наседка еще прочно сидела на гнезде, привыкли к своей приемной матери и признали ее. Мы радовались такой редкой удаче и надеялись, что курица вырастит глухарят вместе со своими цыплятами.

Но вышло иначе.

Через некоторое время, когда глухарята уже оперились, мы выпустили курицу с ее сборным выводком в вольеру.

Беленькие цыплята мирно и бестолково суетились вокруг квохчущей наседки. Кушали то, что им найдет мама, и не интересовались больше ничем на свете. Три же глухаренка, очутившись в большой просторной загородке среди зарослей цветущих трав, на солнце и ветру снова превратились в лесных дикарей. Глухарята ведь с самых первых дней жизни гораздо самостоятельнее и инициативнее цыплят. Они рано начинают охотиться за насекомыми и далеко отбегают от матери-глухарки.

Прокравшись, словно дикие индейцы, сквозь заросли трав, глухарята наткнулись на Детку. Детка сидела в углу вольеры в большом, поставленном набок, фанерном ящике: насиживала очередные куриные яйца. Ей еще целых шесть дней оставалось сидеть, и она сердито прогнала каких-то чужих птенцов, которые самым нахальным образом полезли к ней в ящик.

Но глухарята не сдались. Еще бы! Наконец-то они нашли свою настоящую маму!

Когда я на следующее утро снова выпустила их с курицей в вольеру, они тотчас побежали к Детке.

Первые минуты Детка, как и вчера, сердито охала и отгоняла их от себя. Но они, не смущаясь, настойчиво льнули к ней. Вот маленькая глухарочка Улень с ласковым «фить... фить...» пристроилась возле Детки. А когда Детка хотела ее клюнуть, доверчиво спрятала голову ей же под крыло. Оба ее долговязые братишки тоже кружились около, видимо, решившись, не отступать. И Детка вдруг разом забыла о драгоценных яйцах, на которых сидела столько долгих дней, решительно встала с гнезда, встряхнулась и вышла из ящика.

Посреди вольеры дымчатая курочка мирно грелась

на солнце. Она не ожидала нападения и страшно перепугалась, когда на нее внезапно налетела огромная золотисто-рыжая птица и обрушила на ни в чем не повинную бедняжку яростные удары могучих крыльев. Прогнав «врага», Детка еще несколько секунд стояла посреди вольеры, распустив веером хвост. Потом ласково-властно, по-матерински, подозвала к себе глухарят и взяла их под крыло...

Через несколько дней под наседками на ферме вывелось шесть тетеревят. А уленские ребята принесли нам из леса еще одного глухаренка-пуховичка Володушку. Вся эта компания первые дни жила у нас в фанерном ящике у печки, обогреваясь у бутылочек с горячей водой. Выпущенные в вольеру тетеревята и Володушка присоединились к Деткиному выводку.

Старшие Деткины воспитанники-глухарята стали к тому времени уже совсем большими. Тем не менее они никогда не обижали ни маленького пуховичка Володушку, ни тетеревят, которые по сравнению с ними были еще совсем малыши. Вся семья жила удивительно дружно. Только, устраиваясь на ночь под Детку, ребятишки немного толкались — каждому хотелось занять местечко потеплее.

Все Деткины питомцы благополучно выросли и к августу превратились в красивых крупных птиц. Особенно хороши были самцы-глухари Караташ и Саян. Огромный Саян был совсем ручной. Когда на ферму приходили посетители, я всегда выпускала к ним Саяна, и нужно было видеть, с каким гордым достоинством разгуливал мой глухарь среди гостей! Саян совсем не боялся чужих. Он подходил, брал из рук хлеб, спокойно позволял себя гладить по блестящим шелковистым перьям.

В этот год нас впервые постигла неудача. В сентябре глухари внезапно начали гибнуть от какой-то, тогда еще неизвестной нам болезни. Болезнь эта косила совершенно здоровую с виду, веселую птицу в два-три дня. Как и наши предшественники, мы оказались бессильны спасти своих питомцев. Один за другим они погибали у нас на глазах. К октябрю в живых остались только Детка и четыре тетерева-косача.

Сильна была горечь первой неудачи, но мы утешали себя, что на следующий год нам удастся избежать ее, что гибель птиц этой осенью просто случайность.

Главное — наша верная помощница Детка уцелела!

Следующей весной Детка высидела пять беленьких пушистых цыплят-леггорнов. Через несколько дней мы подсадили под нее трех кряковых утят. Детка не протестовала. Утята так утята. Цыплята сбежались, любопытные, как мальчишки, и теребили утят за носики-лопаточки и за перепонки на лапах...

Многие жители поселка Улень собирались к ограде птицефермы, как в кино. Токующие косачи — зрелище, которое редко кому, кроме охотников, приходится видеть.

Еще издали было слышно, как за оградой в открытой вольере, словно ручей журчал,— самозабвенно пели свою весеннюю песню Черныш и Микезин — прошлогодние

Джемс Георгиевич Дулькейт с глухарем.
Фото З. А. Курдюмовой

Деткины воспитанники. Время от времени песню прерывал задорный выкрик: чуффы! чуффы! Это один из пернатых «акынов» вызывал другого на рыцарский поединок. За вызовом обыкновенно следовал сигнал атаки: кур-курррea!.. Затем раздавались удары крыльев, а после короткой паузы снова звучала волнующая сердце каждого охотника весенняя песня.

Токовавшие на солнце косачи напоминали какие-то неестественно яркие цветы, переливавшиеся всеми оттенками радуги. Брови их пылали так, что казалось — притронься и обожжешь руку, как о пламя костра.

Буренькие самочки Сулико и Паника скромно сидят в сторонке и делают вид, что рыцарский турнир в их честь совершенно их не интересует...

Здесь же, в вольере, можно было увидеть и Детку с ее выводком. Забавно было смотреть, как бегут за Деткой врассыпную беленькие цыплята, а позади переваливаются три утенка, чинно вытянувшись в ниточку...

В этом году развернулась очередная «глухариная эпопея». С самой зимы мы надоедали разговорами о глухарятах и глухариных яйцах всем, с кем ни встречались. И наша «глухариная агитация» имела небывалый успех. Сначала нам несли бесконечное количество яиц... кряковых уток! Потом начали носить утят. Мы не знали, куда с ними деваться. Потом принесли три тетеревиных яйца. Несколько позже наступил такой период, когда на нас, как из рога изобилия, посыпались глухариные яйца и глухарята всех возрастов.

Незадолго до того, как под наседками начали выводиться первые глухарята, Детка заболела — стала слепнуть. Вялая, апатичная, она целыми часами сидела теперь неподвижно, распушив перья. Поэтому заботы по воспитанию глухарят целиком легли на наши плечи.

Днем малыши часто отдыхали под Деткой, согреваясь живым теплом ее большого тела, но на ночь, после того, как она едва не придавила двух из них, мы стали садить их в ящичек, приставленный одним боком вплотную к печке. Для лучшего обогрева глухарят в ящичек были положены наполненные горячей водой бутылочки. Вода в бутылочках сменялась по мере охлаждения, а мягкий фланелевый лоскуток, в который были завернуты бутылочки, предохранял птенцов от ожогов.

Под окнами нашей комнаты для глухарят был устроен просторный выгул. Здесь мы обычно гуляли с ними в яс-

ные теплые дни. Без нас глухарятам оставаться на выгуле было опасно. Можно было неожиданно наткнуться на пригревшуюся на солнце «утиную банду». Диких утят водил самый крупный утенок Атаман Селезняк. Они накидывались на маленьких глухарят все разом, ловили их, как лягушек, за лапки и пытались заглотить целиком. Кроме того, на глухариный выгул часто перелетали из цыплятника наседки. Это было еще опасней. На глухаренка, замешавшегося среди цыплят, наседки накидывались с неистовыми воплями, били клювом, крыльями, топтали ногами до смерти...

Несмотря на гибель некоторых наших питомцев, число их у нас не только не уменьшалось, а, наоборот, увеличивалось. Их продолжали нам приносить. В конце концов, у нас оказалось около пятнадцати глухарят разных возрастов, не считая тетеревят и рябчиков. Наша маленькая комната при уленской птицеферме превратилась в настоящий Ноев ковчег. Знакомые перестали ходить к нам. Еще, чего доброго, задавишь кого-нибудь или перепачкаешься в глухариной «смолке». Я подозреваю, что многие из них считали нас, мягко выражаясь, «не совсем нормальными».

И все-таки это было хорошее для нас время! Первый раз, с начала моей работы с глухарями, я располагала таким количеством подопытного материала.

...Как сейчас вижу нашу тесную комнатку, залитую веселыми лучами утреннего солнца. Время первого завтрака, и все наши питомцы на полу. Тут и вкрадчивые, драчливые маленькие косачки в рыжих тюбетеечках на круглых головках. Тут и глухарята: младшие еще в пуху, словно в мягких пижамках (точь-в-точь малыши в образцовом детсаду). Тут и крошечные рябчики —«птички блохи». С необычайным проворством бесстрашно снуют они под ногами у старших глухарят-великанов, которым ничего не стоит убить их одним ударом клюва. Тут же пара цыплят и даже дикий утенок — несчастный общипанный заморыш. Собратья-утята его не признают, а глухари приняли в свою компанию.

Глава этой пестрой семьи — Детка, все еще величественная, несмотря на свою слепоту, сонно сидит посреди комнаты, распустив крылья.

Утолив голод, малыши разбрелись кто куда. Вот несколько старших глухарят затеяли «пляску диких индейцев». Вихляясь всем корпусом, подрагивая короткими

хвостиками, упруго подпрыгивая на длинных ногах, они наскакивают друг на дружку, издавая задорные крики. Три рыженькие глухарочки забрались в мусорный ящик у печки и «пурхаются» в золе, поднимая пыль столбом. Неподалеку в солнечном пятне несколько глухарят и два цыпленка принимают солнечную ванну. Тут же утенок. Он уютно устроился под крылом у одного из глухарят.

Этот год был «лебединой песней» нашей Детки. Осенью она погибла. И вместе с нею все наши лесные питомцы. Только два косача — Черныш и Сулико — остались у нас после очередной осенней волны болезни. Вторично потерпели мы поражение. Теперь уже не осталось никакого сомнения, что гибель птиц прошлой осенью — не случайность, что нас, как и всех наших предшественников, преследует какая-то закономерная неудача.

После Детки и ее приемышей я еще дважды в заповеднике «Столбы» пыталась выращивать глухарей. Но только одна глухарочка благополучно пережила роковой для глухарей в неволе период — первую осень. Она прожила у нас два года. Остальные неизбежно погибали все от той же болезни.

Когда у меня опять погибли одна за другой все, выращенные мною, птицы, я решила отказаться от продолжения опыта.

Вскоре умерла моя мама. В ее лице я лишилась единственного, почти незаменимого помощника...

Тяжело было вспоминать наши с ней оказавшиеся напрасными многолетние попытки завоевания «белого пятна». «Не буду больше заниматься глухарями! Кончено!» — решила я. Но, оказывается, не так-то легко отказаться от дела, которому был отдан кусочек твоего сердца.

В 1950 году, когда моя собака — рыженький Ю — подняла выводок глухарей и попался мне в руки маленький десятидневный глухаренок Фитька, я не удержалась, чтоб не взять его с собой из леса.

Фитька — это особый рассказ... Но знаете что? Я все-таки не жалею, что тогда взялась за «глухариную проблему». Разве в любимой работе, как и в большой настоящей любви, можно измерить, что в ней было для тебя больше — радости или горя?

А может быть, мне все-таки удастся когда-нибудь завоевать «белое пятно» *.

ФИТЬКА

Сплю. Голова моя лежит на подушке, а рука осторожно придерживает под подбородком теплый пушистый комочек. Этот комочек — живой. Когда я нечаянно во сне слишком сильно прижимаю его к себе, он начинает шевелится и сонно бормотать: «Фить... фить...»

На рассвете я уснула очень крепко и разжала ладонь. Серая кошка Кисана, спящая у меня на одеяле, настораживает уши и медленно приоткрывает большие изумрудные глаза-фонарики. Глаза щурятся, кончик хвоста подрагивает. Потом Кисана вспоминает, что за такие дела больно бьют по носу, и, чтоб не поддаться искушению, снова зажмуривается. Фонарики потухли.

А из-под моей ладони на подушку осторожно вылез крупный пушистый цыпленок, весь разрисованный по желтовато-зеленоватому фону маскировочным узором из черных черточек и точек. На плечах четыре ряда развертывающихся перышек, чем-то напоминающих квадратики на шахматной доске. Лапочки у цыпленка толстые и тоже пушистые, словно в длинных фланелевых брючках цвета хаки. Глаза большие, черные,— таких глаз никогда не бывает у обыкновенных цыплят.

Конечно, это не простой цыпленок. Это Фитька, будущий глухарь. Дней пять назад я принесла его за пазухой из леса...

Сев на подушке около моей головы, Фитька деловито чистит измявшиеся за ночь перышки-шахматы.

На стуле, придвинутом вплотную к кровати, небольшой ящик-клетка с открытой настежь дверцей. В клетке на полу насыпаны муравьиные яйца. Фитька упруго спрыгнул с подушки в клетку и с аппетитом принялся завтракать.

Вдруг ему показалось, что он совсем один. И, должно быть, стало очень страшно, потому что он выскочил на порожек клетки и, широко разинув клюв, громко закричал: «Пиа! Пиа»!

---

* Этот рассказ был написан Е. А. Крутовской в 1955 г. «Белое пятно» до сих пор не завоевано. — *Ред.*

Я сплю. В комнате больше никого нет. Только снова зажглись два изумрудных фонарика — раскрылись кошачьи глаза.

«Пиа! Пиа!» — все отчаяннее кричит Фитька, вытянув шею и встав на цыпочки.

Мне трудно проснуться — я ведь всю ночь спала вполглаза, боясь придавить пригревшегося у меня под подбородком Фитьку. Но уже слышу сквозь сон этот жалобный и вместе требовательный вопль глухаренка и, не открывая глаз, зову:

— Фитька! Ты что это, маленький? Фитька!

Услышав мой голос, Фитька немедленно замолкает

Глухарь Фитька.
Фото С. Пасечникова

и с довольным «фить, фить...» принимается за муравьиные яйца.

Фитька был последним из глухарят, которых я воспитывала. Растить я его решила совсем иначе, чем всех прежних питомцев.

Все Фитькины предшественники у меня погибали. Не потому ли, что я лишала их необходимого условия существования — свободного полета? Птица должна летать. Весь ее организм приспособлен к полету. Как только Фитька немного подрос, я предоставила ему полную свободу.

Обилие ягодных кормов — тоже немаловажное условие для выживания глухарят. Я решила кормить Фитьку ягодой досыта, благо он был у меня в этом году «единственным ребенком», а значит, и обеспечить его ягодой было не так уж трудно.

Ночью Фитька спал у меня под подбородком, а днем — в нагрудном кармане моей лыжной куртки. Выспится, высунет из кармана пушистую головку и скажет: «Фить!» Это значит: «Выпусти меня — я гулять хочу!» А нагуляется — и сам бежит ко мне в ладонь греть озябшие лапки.

Если мне почему-нибудь некогда было сразу взять его к себе, он вспархивал на мою кровать и устраивался там на меховой шкурке, возле теплого бока Кисаны.

«Фить... фить,— сонно твердил Фитька, поудобнее обминая местечко на шкурке,— фить...»

Кисана откроет глаза-фонарики, глянет, а я строго:

— Кисана!

Сощурится. Только кончик хвоста шевелится, как у тигра, притаившегося в джунглях.

А Фитька возьми да и вскочи к этому «тигру» на спину! Мягко, тепло.

Кисана подумала, подумала, спрятала когти и замурлыкала ласковую песню. Лень уходить со шкурки. Раз уж нельзя съесть, пусть себе сидит...

Подрос Фитька.

Теперь уже всем видно, что это не обычный цыпленок. Высокий, голенастый, с толстыми, как у страуса, пятками и борода растет — растрепанная, словно у старика. Целые дни Фитька гуляет во дворе метеорологической станции, охотится в зарослях крапивы на разных букашек, купается в теплой сухой земле с краю морковной

грядки, а время от времени прибегает в комнаты с воплем: «Пиа! Пиа!»

Двор большой, зарос наполовину всяким таежным бурьяном, Фитьку в нем и не видно. Кто его знает, где он там бродит в этих таежных джунглях. Да Фитька к тому же так раскрашен, что можно и за два шага от него пройти, не увидев. Но стоит только мне показаться на крыльце и крикнуть: «Фитька!»— где-то в зарослях бурьяна тихонько в ответ: «Фить... фить...»

И вот зашевелился куст цветущего морковника, вылез из бурьянных джунглей на тропинку мой Фитька: «Здравствуйте, вот он я, никуда не девался. Зачем звала?»

Скучно было Фитьке одному, и он все приставал к моим ребятишкам — Итке и Люсе. Ребята играют в песке на солнце — и Фитька тут же. Устроится рядышком, протянет крыло и лапу — принимает солнечную ванну. Стали лепить на крылечке из глины зверят — прибежал Фитька. Лезет прямо в ладони, отнимает намятые кусочки глины; съел глиняного зайца у Люси. Пошли в лес — и Фитька за ними. Летит с криком вдогонку.

Вечерами никак не хотел садиться один на насест — кричал, волновался. Должно быть, для полного счастья необходимо ему было, чтоб и ребята садились на ночь с ним на насест по-птичьи.

К осени вырос мой лесной цыпленок в великолепную могучую птицу — глухаря. Оперение — бурое с пепельно-серым, отливает на груди зеленым. На плечах — два ярко-белых пятнышка. Хвост — роскошный, веером, черный, в мраморно-белых разводах, а над сверкающими глазами пылают широкие алые брови.

Что значит свобода и хороший корм! Обогнал Фитька в своем развитии не только всех моих питомцев, но и диких глухарей — своих сверстников.

Лето в тот год было отличное — ягоды уродилось много. Съедал у меня Фитька по целой пол-литровой баночке черники, по три-четыре горсти муравьиных яиц сразу. Ну, да и за нашим обедом ему всегда кое-что перепадало. Во время своих прогулок в лесу Фитька тоже много находил для себя вкусного.

Вот и рос он, как на опаре, и вымахал с доброго гуся. Сядет вечером подремать на письменный стол и займет его чуть не весь целиком.

Никто бы не подумал, увидев Фитьку, что это выра-

щенная в неволе птица. Перо у Фитьки гладкое, блестящее, взгляд живой, движения упругие, стремительные. Могучие Фитькины крылья легко носили его всюду, куда ему хотелось. Нередко теперь я слышала:

— А вашего глухаря утром под Митрой * видели.

— А мы вашего глухаря сегодня хлебом на стоянке под Первым * кормили.

— А ваш Фитька на черничнике у Беркутов * пасется.

А Фитька тем временем уже на подоконнике распахнутого окна. Сидит и чистится — прилетел домой!

Совсем ручным вырос Фитька. Но все-таки из всех окружавших его людей он по-настоящему признавал только меня и немножко Люсю, мою дочку. С Люсей они часто дружной парочкой прибегали со двора к обеду. Итку, который его дразнил, Фитька как-то загнал в сарай и держал там в осаде, пока я не пришла на выручку.

Был Фитька бесстрашен и очень любопытен. Однажды к нам во двор ввели два мотоцикла. Фитька сейчас же вышел из дому. Он смело вертелся под самой грудью механических чудовищ и даже, привстав на цыпочки, клюнул один мотоцикл в блестящий глаз — фару.

Как-то во двор забежала чужая собака. Я вышла поскорее прогнать ее, боясь, что она задавит Фитьку. Но Фитька, выскочивший вслед за мной на крыльцо, накинулся на нее и так сильно ударил своим крепким клювом в глаз, что собака с воем кинулась прочь.

У знакомых он всегда проверял рюкзаки и требовал угощения.

Ко мне Фитька был очень привязан. Когда я уезжала на несколько дней в город, он явно скучал. Домашние жаловались мне потом, что с Фитькой без меня «просто сладу нет». Капризничает, злится, раскидывает корм, подолгу исчезает из дому, вечером не хочет садиться на насест...

Когда я вставала с постели, он выражал свою радость бурными прыжками по комнате. Грива поднята, хвост раскрыт веером. Прыжок влево, вправо, громкий удар крыльями — так играют молодые глухари между собой где-нибудь на лесной полянке погожим осенним утром.

На столике у меня были установлены циферблатные

---

* Митра, Первый, Беркуты — название скал в заповеднике «Столбы». — *Ред.*

весы с платформой. На таких весах взвешивают продукты в гастрономах. Фитька привык, что я всегда даю ему на этих весах какое-нибудь лакомство, и сам поутру заскакивал на платформу взвешиваться.

С Фитькиной помощью я надеялась подытожить мою многолетнюю работу по изучению развития глухариного молодняка.

Однажды мне сообщили, что в Красноярск приехала киноэкспедиция снимать цветной фильм па «Столбах». Главный режиссер, узнав о ручном глухаре, рассчитывал использовать моего Фитьку для съемки.

Очень мне хотелось увидеть Фитьку на экране!

...Гаснет свет. Сотни глаз устремлены на освещенный экран, на котором проходят знакомые картины сибирской тайги.

Уголок соснового бора. Золотятся на солнце стволы сосен. Ярко рдеют среди зелени осенние рябинки. На поваленном дереве, подставив солнцу отливающую изумрудом грудь, сидит огромный глухарь. Спокойно охорашивается, расправляет могучие крылья. Сверкают глаза. Горячим пламенем вспыхивает в солнечном луче алая бровь. Он здесь, близко. Он снят самым крупным планом. Можно различить каждое перышко в его оперении.

Десятки тысяч людей нашей страны увидят его таким: во всем великолепии его дикой и гордой красоты.

И много-много лет пройдет, а мой Фитька все будет жить на освещенном экране.

Так я мечтала.

Но съемка не состоялась. За день до приезда кинооператоров на «Столбы» Фитька исчез. Большая это была для меня неудача. Осталась неоконченной интересная работа.

Я думала, что глухарь просто отбился от дома — зажил свободной жизнью своих диких родичей.

Только через год я случайно узнала, каков был на самом деле конец моего Фитьки.

Тысячи туристов из всех городов Союза посещают заповедник «Столбы». Это наши лучшие друзья. Многие из них знали моего Фитьку, кормили его хлебом, оберегали от всяких бед, переживали вместе со мною все неудачи и успехи моей работы по его воспитанию. Но нашлось трое или четверо негодяев, для которых ручной глухарь был только куском мяса, и ничем больше.

Фитьку поймали, убили и съели.

Вот уже сколько лет прошло, а все еще больно горько вспоминать...

ТАНЫШ

Его принесли к нам в маленькой корзине, с каким обычно ходят по грибы, вместе с приданым — бутылочкой молока и соской. Наверное, ему было тогда не больше одного-двух дней от роду.

Весь он, казалось, состоял из ножек — необыкновенно длинных, тонких, которые беспомощно разъезжались на гладкой поверхности пола,— огромных подвижных ушей и глаз — больших, блестящих, с густыми, загнутыми ресницами. Ножки, уши и глаза... А хвостик? Хвостика не было совсем. У косуль хвостиков не бывает.

Сам ярко-рыженький, с белыми пятнышками по всему телу, веселыми, как солнечные зайчики, а глаза, носик и копытца — черные.

Совсем еще малыш, он был трогательно бесстрашен (как всякий здоровый ребенок) и доверчиво принял наши заботы. Соска оказалась не нужна. Косуленок отлично пил молоко прямо из блюдечка. Захлебывался от торопливости, брыкал ножками и требовал еще. Аппетит у него был отличный, и вообще он вовсе не казался угнетенным разлукой с матерью.

Уже на вторые сутки он стал бегать за нами, как маленькая собачка.

Назвали его Таныш. «Таныш»— по-тувински — «дружок». Скоро он уже отлично знал свое имя и послушно прибегал на зов.

Мы стали брать его с собой в тайгу. Первое время Таныш быстро уставал. Часто значительную часть пути мне приходилось нести его на руках. Маленькие ножки не справлялись с большими расстояниями. Постепенно наш питомец окреп. Вместе с нашими «рыжиками» (двумя небольшими собачками — Тымоем и Ю) он всюду сопровождал нас в наших экскурсиях.

Несколько раз мы едва не потеряли его в лесу. Залежит где-нибудь в траве и лежит тихо-тихо, не отзываясь на наши призывы. Шкурка в пятнышках, и на траве повсюду светлые солнечные зайчики. Пройдешь рядом — и не заметишь. Так он мог лежать очень долго. Но как

только видел, что мы на самом деле собирались уходить, вскакивал и с жалобным писком бежал за нами.

С «рыжиками»— Тымоем и Ю — Таныш жил в полной дружбе. Отлично уживался он и с маленькой серой кошечкой Кисаной, которая нередко вылизывала его шкурку вместе с мягкими шкурками собственных котят. Наша пегая монгольская лошадка Горбунок также пользовалась доверием Таныша. Он бесстрашно лазил у нее под грудью.

Однажды осенью, когда Таныш уже сменил свою пеструю детскую шкурку на серовато-бурый зимний мех взрослой косули, в поселок заповедника, где мы жили, случайно забежала чужая собака. Собака, зачуяла запах косули, пошла по ее следу.

Я бежала со всех ног на помощь к Танышу, но меня опередил маленький Ю. Ощетинясь, кинулся наш «рыжик» между чужой собакой и козликом. Большой пес заколебался, отступил, и в это время подбежала я.

А Таныш? Таныш, из-за которого поднялся весь переполох, стоял и, насторожив уши, любопытно рассматривал незнакомого пса, даже не думая удирать. Он ведь вырос с нашими «рыжиками», нередко ел с ними из одной чашки. Собаки никогда не были для него врагами.

Нас уверяли, что, став взрослым, Таныш обязательно уйдет от нас. Но наступила зима, пришло время, когда косули откочевывают из горной тайги на малоснежные склоны предгорий, а Таныш все еще оставался с нами.

По-прежнему неизменно сопровождал он нас во всех наших экскурсиях.

Когда снег в тайге достиг полуметровой высоты, трудно пришлось бедняге. Нередко, бредя по следу наших широких охотничьих лыж, Таныш вдруг по шею проваливался в рыхлый сугроб. Раздувая ноздри, отпыхиваясь, полежит несколько минут, рванется, выбросит ножки на край сугроба, прыгнет — опять провалится... И так до бесконечности...

Живя с нами, он привык есть все: хлеб, картошку, овес. Ел сахар, конфеты. Особенно же полюбил мясной суп с рожками или с вермишелью.

Весной косули, как и все другие звери в это время, линяют. Начал и Таныш перелинивать в летний рыжий мех. Рожки у него окостенели, он стал раздражительным, нервным.

Заповедник «Столбы» посещают тысячи туристов.

Таныш

Скоро наш Таныш приобрел всеобщую известность.

В выходные дни козлику нередко крепко досаждали посетители. Шумной пестрой толпой приходили «в гости к Танышу» девушки-столбистки — полюбоваться и погладить его мягкую шкурку. Фотографы-любители затевали настоящую «охоту за диким козлом», фотографи-

руя Таныша во всех видах аппаратами всех систем. Обычно Таныш некоторое время терпел щелканье их аппаратов. Потом внезапно терпение его истощалось. Прижав уши, зло скосив глаза, он так стремительно атаковывал фото-охотников, что тем не оставалось ничего другого, как обратиться в постыдное бегство.

Когда стаял в тайге последний сугроб, на полянах поднялись высокие сочные травы, мы решили, что настало время разлуки с Танышем.

Наш козлик начал заметно отбиваться от дома. Все чаще теперь он бродил по тайге совсем один, перестал прибегать на зов и редко уже сопровождал нас на экскурсиях. У него началась своя собственная, отдельная от нас жизнь. Об этой жизни в тайге, вдали от людей, мы могли только догадываться.

Время от времени он все же наведывался домой, с жадностью съедал предложенные ему лакомства и заваливался спать. Спал он всегда на полу, возле нашей кровати, как собака, раскинув длинные ноги, положив набок голову... Отдыхал в родном доме после скитаний по тайге.

Однажды его не было целых пять дней. Конец — решили мы.

Тайга цвела. Осыпанные белым снегом цветов стояли черемухи. В пестрый благоухающий ковер превратились лесные поляны и горные склоны. Не смолкал от восхода до заката звонкий птичий хор...

Как-то с обоими «рыжиками» и нашим пегим Горбунком мы далеко забрели в тайгу.

Сумерки застали нас километрах в трех от дома. Горбунок, потряхивая короткой гривкой, шел ленивым шагом, то и дело хватая губами сочные травы. Тымой и Юрыскали где-то по сторонам тропинки. Я шла пешком позади Горбунка, собирая букет пушистых лесных цветов.

Сказочно хорош был лес. И мне вдруг пришло в голову, что где-то здесь, наверное, бродит сейчас наш Таныш.

— Таныш, Таныш, Таныш!— звала я.

А лесное эхо звонко откликалось нам. Взлетела вспугнутая нашим криком птица, и вдруг, залаяв, кинулись вперед по тропе наши «рыжики».

Что это? Так только в сказках случается! Глянула я влево и вижу: в каких-нибудь десяти шагах от нас, на

цветущей лесной опушке, стоит по колени в ярких цвета дикий козлик. Насторожил большие уши, откинул голов с молодыми, еще неветвистыми рожками, а кончик н правом роге загнут, как у нашего Таныша.

Собаки с лаем промчались мимо — за кем-то гонятся А он не шелохнулся. Стоит и смотрит на нас. Потом ти хонько подошел ко мне...

Пять дней он бродил по тайге далеко от дома, а встретился с нами так, словно мы расстались только вче ра.

Сумерки совсем уже сгустились, когда мы наконе двинулись дальше, все никак не могли расстаться с Та нышем. Ведь мы были уверены, что видимся в послед ний раз.

Разошлись наши дороги. Вольной лесной жизнью за жил наш козлик, и не пойдет он больше по нашему следу, как бывало прежде...

— Прощай, Таныш! Будь счастлив,— говорю я, а сама все глажу и глажу его рыжую шкурку.

И он тряхнул ушами: что, мол, пристаешь? Повернулся и пошел себе по цветущей полянке прочь от нас...

— Ну, все,— сказала я, вздохнув,— поехали.

Молча, нехотя двинулись мы от этого места. Сомкнулись позади густые зеленые ветки деревьев, и за капризным изгибом лесной тропинки скрылась из глаз знакомая фигурка бредущего по цветам козлика.

Прощай, Таныш! Прощай навсегда!

Но что это! Шелохнулась ветка сбоку тропинки, стукнуло о землю копытце. Широкими легкими прыжками, закинув на спину рогатую головку, догонял нас Таныш.

Таныш живет у нас и теперь. Летом он часто уходил и не возвращался домой по нескольку суток. Бродил где-то далеко в лесу — верно, все искал своих. Но, должно быть, не очень-то приняли его в свою компанию дикие косули, и подружки себе так и не удалось ему найти. А когда пожелтели в лесу травы и облетел лист с деревьев, Таныш окончательно вернулся к нам.

Здесь все привычно. Здесь так вкусно кормят, ласкают, а самое главное — здесь нестрашно. Можно спать, раскинув ноги, уронив набок отяжелевшую голову, спать крепко-крепко, как никогда не спят дикие животные.

Очень уверен в нас Таныш. И мы никогда не обманем это доверие.

Так хорошо, когда такое вот дикое лесное существо видит в тебе друга!

ЛОСЬКА

Маленького лосенка Лоську подарили заповеднику ребята Тыртежского детдома.

Ребята очень любили своего Лоську, но при детдоме негде было держать лосенка, и жил он в темном свинарнике, куда никогда не заглядывало солнце. Поэтому рос Лоська калекой: бегать совсем не мог и ходил, как тот игрушечный бычок, про которого в песне поется:

Идет бычок качается,
Вздыхает на ходу:
«Ой, доска кончается —
Сейчас я упаду..»

Ребята и решили отдать его в заповедник.

Пришлось мне форменным образом учить Лоську ходить. Каждый день я брала его с собой на прогулку. Первое время мы гуляли с ним в двух шагах от дома, так как уже через десять-пятнадцать минут Лоська уставал и начинал мекать.

На больные Лоськины коленки я ежедневно делала примочки, а главное — заставляла Лоську как можно больше бывать на солнышке.

Несмотря на все старания, Лоська поправлялся медленно, зато очень скоро он так привязался ко мне, что стал гоняться за мной, как маленький ребенок за матерью. Ни минуты он не желал оставаться один.

Уведу его на солнышко — на опушку леса, а он только заметит, что ухожу,— ковыляет за мной. Как будто мне только и дела было, что его пасти!

Приходилось его обманывать. Приведешь на опушку, дождешься, когда он начнет пастись, и крадучись убегаешь... Но это не всегда помогало — Лоська как будто меня караулил, и не всегда мне удавалось ускользнуть.

...Приковыляет Лоська к дому и целыми часами, пока не сжалюсь и не выйду к нему, топчется на крыльце и мекает, надрывая сердце: «Мэ-э-э-э... э-мэ...»

Ну и уродище он был! Четырехугольная верхняя губа, вся в бородавках, нависла над нижним козырьком, под подбородком какая-то нелепая сережка, уши торчком, как у осла, пузатый, передние угловатые в колен-

ках ноги куда длиннее задних, а на плечах лохматая рыжая грива... Настоящее чудище лесное, про таких разве только в сказках можно вычитать!

Шея у Лоськи была короткая, а несоразмерно длинные передние ноги совсем не гнулись, и чтобы достать что-нибудь с земли, Лоське приходилось расставлять их, как ножки циркуля, или становиться на коленки. Он иногда целые часы пасся на коленках.

Весь день Лоська ковылял на свободе, и только на ночь я запирала его в конюшне вместе с конем Горбунком и козой Иринкой. В конюшне у Лоськи было отдельное стойло с собственными отдельными яслями. В ясли я

Лоси в заповедном лесу

накладывала ему не сено, как Горбунку и Иринке, а осиновых веток. Это было любимое Лоськино кушанье.

Первым долгом Лоська объедал почки. Ветки же он ел так: засовывал в рот один конец и долго, сосредоточенно жевал, жмурясь от удовольствия. Иногда недожеванная ветка падала на пол. Нагибаться Лоська ленился — он тянулся к яслям за другой.

Очень любил Лоська соленое пойло. Увидев меня с ведром, он бежал стремглав, натыкаясь на все встречные предметы и второпях отдавливая своими копытищами мне ноги. Окунал в ведро морду до самых ушей и, аппетитно булькая, вылавливал из пойла картофельные очистки и корки. Выудив крупную картофелину, он вынимал морду из ведра и принимался с наслаждением хрумкать, а с бороды его текли на пол целые реки...

Постепенно здоровье его улучшалось, опухоли на коленках исчезли, и Лоська стал бегать уже по-настоящему.

Когда я шла в лес, Лоська обычно сопровождал меня.

Лоська

Иногда заленится и не пойдет со мной или по дороге заупрямится и останется где-нибудь на поляне, но я знала, чем кончаются такие Лоськины капризы,— все равно, рано или поздно, не выдержит, кинется догонять.

— Диги-диги-диги-динь!— это Лоськин колокольчик вызванивает, в лесной тишине далеко-далеко слышно.

Бежит Лоська, а сам слушает: не раздается ли впереди мой голос? Сначала было ленивым шагом тронулся, потом рысцой, а теперь уже и в «мах» пошел, далеко выкидывая длинные ноги в белых гамашах... «Ой, не догоню, ой, ушла...»).

И вот не выдержал, закричал на весь лес, заревел, как дитя малое, от обиды, от страха, что потерял: «Мээээ!» Сяду я где-нибудь на лесной полянке отдохнуть, и Лоська тут же пристроится, голову на мягкий мох положит, шею вытянет и спит.

Лечь Лоське было всегда ох как трудно! Уж очень ноги несуразно длинные! Складывает их, складывает, потом бух на бок! Вздохнет, выправит ногу поудобнее, и губу бородавчатую от удовольствия сморщит в складочку.

А раз было так. Стал Лоська «складываться», чтоб лечь на крутом склоне, да и «сложился» не в ту сторону — бухнулся на бок и перевернулся через голову. Хотел вскочить — еще раз перевернулся... Так и катился кувырком под гору, пока не застрял, зацепившись длинными ногами за пень.

Вскочил, как встрепанный, и фыркает — испугался!

Постепенно Лоська все больше привязывался к нам. Он и прежде привык доверять людям, а на «Столбах» окончательно стал считать каждого человека своим другом. Его баловали — такое милое ласковое уродище! А Лоська и рад стараться, просто невозможным попрошайкой стал — только и смотрел, чтоб что-нибудь выклянчить. Аппетит же у него был огромный.

Целые сутки, бывало, дежурит возле столбовских избушек в ожидании подачки, а станут гнать — обидится и ну вопить, да так жалобно, капризно, как балованный ребенок: «Мэ-э... эмэ... ми...»

Уже немало лет прошло с тех пор, но и теперь еще многие посетители заповедника помнят милого уродца с бородавчатой губой и нелепой сережкой под подбородком, который так забавно обижался, когда его гнали прочь, и в каждом человеке видел доброго приятеля, неспособного причинить ему, Лоське, какое-нибудь зло.

РОЙКА

Что может быть беззащитнее маленького олененка? Все его спасение в рыженькой шкурке, усеянной белыми пятнышками, похожими на солнечные зайчики: ярким летним днем в чаще леса такая шкурка делает олененка почти невидимкой. Солнечные зайчики на траве, на листьях, светлые пятнышки на шкурке. Лежи неподвижно, притаясь,— авось враг пройдет мимо и не заметит.

Лежи, вытянув головку, подобрав под себя длинные ножки с острыми черными копытцами... Жди, пока придет мама и накормит.

Но мама не приходит слишком долго. Очень хочется есть, очень страшно. И маленький олененок начинает кричать высоким, резким птичьим криком.

Молчи, глупыш. Если будешь кричать, тебя съедят!

Женщины, косившие сено на лесной поляне, подняли головы и прислушались.

— Что это? Словно бы ребенок кричит!— сказала одна.

Кричал и вправду ребенок, только ребенок оленя. Маленькая маралушка, уставшая дожидаться свою мать.

Видно, кто-то убил марала-матку (у браконьера нет совести!), и вот теперь маралушке осталось одно — погибать.

Быстро темнеет в горах. Сгущающиеся сумерки таят тысячу опасностей для маленького беззащитного существа. Вот хрустнула ветка. Сверкнет пара зеленых огней — глаза хищника. Прыжок — и все будет кончено...

Маралушке повезло. На ее крик пришел не зверь, а человек, и человек, который поступил как друг.

Так попала к нам самочка сибирского оленя-марала. Мы дали ей имя — Ройка.

Первые дни Ройка все звала мать — кричала резким, птичьим криком. А потом забыла, что у нее когда-то была мама-олень.

Смешной, лобастенький, глазастый малыш. Чужое дитя, которое теперь стало нашим.

Появилась у нас Ройка, и мы с Джемсом Георгиевичем всерьез задумались: а как же Волчик? Он был теперь огромным матерым волком. Коза Иринка, завидев его издали, начинала метаться на привязи и орать.

А ведь Иринка — сильная, большая коза с острыми

рогами, а Ройка? Маленький, беззащитный олененок — законная волчья добыча.

Удастся ли нам внушить Волчику, что Ройка «фу», что ее ни в коем случае нельзя трогать? Ведь жить-то им вместе!

Выручил нас Ройкин характер.

Характер у олененка оказался как у былинного Алеши Поповича, про которого говорится, что он был «не силой силен, а напуском смел...»

Испугайся Ройка Волчика при первом знакомстве, вряд ли нам удалось бы убедить Волчика, что Ройка «фу».

Ройка

Но Ройка в первый же раз, когда Волчик к ней сунулся, сама на него напала и так здорово стукнула его передними острыми копытцами по лобастой голове, что Волчик разом усвоил урок.

Оказалось, что Ройку и Горбунок уважает. Даже разрешает ей совать морду в свои ясли.

Коза Иринка попробовала однажды пригрозить Ройке рогами (лосята ее боялись — уж очень «колючие» у нее рога). Больше не пробует. Ройка разом отучила!

Ройка всегда нападала первая. Может быть, поэтому она и выходила победительницей из всех стычек. Ее стремительный натиск почти не встречал отпора — перед ней все отступали... Вероятно, Ройкины противники думали, что смешной малыш очень силен, если смеет нападать так отважно. Вот и получается: «не силой силен, а напуском смел...»

А между Ройкой и Волчиком завязалась настоящая дружба.

Волчик очень умен, он быстро запомнил, что если Ройку выпустили из загона,— значит, сейчас пойдем гулять. Поэтому он стал бурно радоваться Ройке: кидался ей навстречу и, виляя хвостом, умильно лизал ее морду.

А когда Ройка подросла, я совсем перестала бояться, что Волчик может ее обидеть.

Жила у нас Ройка на полной свободе.

...Однажды вечером слышим — звенит Ройкин колокольчик. Да как-то особенно задорно, веселыми переливами. Заглянули за угол дома и видим: Волчик, припав на передние лапы, повиливает хвостом, внимательно — голова набок — следит за Ройкой, а Ройка перед ним такое выделывает... То она на передних ногах ходит, а задние в воздухе, то наоборот: поднимается на дыбки и передними помахивает, а то вообще колесом крутится.

Волчик смотрел-смотрел да как прыгнет! Ройка на него, взмахнула копытцами над его головой, он увернулся и помчался по блоку — только цепь загремела. Ройка отпрыгнула в сторону, Волчик за ней — да цепь не пускает.

Убежала Ройка в лес. Носится вокруг Волчика по широкому кругу, мелькая между деревьями. И вдруг стала бить передними копытцами о землю: тук! тук! тук! Головку закинула, ноздри раздуваются, распушилась вся. Побежала опять на Волчика.

Да ведь это они так играют! Вспомнили мы, что и вчера слыхали, как звенел Ройкин колокольчик и громыхала волчья цепь. Значит, они уже не первый раз друг с другом играли. Сдружились!

Вот тебе и исконные враги!

* * *

Роя живет у нас много лет. Живет на полной свободе: приходит и уходит, когда ей вздумается. Нагуляется по тайге, прибежит домой и перескочит в ограду. Ее никакие заборы не держат — просто беда! Приходят весной туристы в свой палаточный городок на опушке соснового леса под скалами и только начнут разбирать рюкзаки, разводить костер — является к ним Роя. Подходит с достоинством, неторопливо, гордо подняв свою точеную головку. Подходит как хозяйка этих мест приветствовать дорогих гостей.

— Словно в сказке!— говорят, любуясь ею, туристы.

Роя и Волчик

Да, как в сказке. И сказку эту от нас самих зависит сделать еще богаче и интересней. Чтоб не только Роя и другие наши воспитанники, а и дикое лесное зверье в заповедниках привыкло доверять людям.

Как будет тогда интересно, подумайте!

Пришли вы в заповедник и только успели развернуть стан, как уже сбегаются к вам со всего леса веселые пушистые белочки, бесстрашно запрыгивают на ваши плечи, заглядывают в карманы. Слетаются шумными стайками птицы, а то и сам «таежный хозяин»— Миша Топ-

тыгин — пожалует к вам: лично поприветствовать дорогих гостей и отведать у туристского костра каши с мясной тушенкой!

«Так не может быть!»— сомневаетесь вы. Нет, может! Больше того, так будет!

ДЖУРКА

Из него должны были сделать чучело. Но был он такой ободранный и жалкий, что таксидермист — специалист по изготовлению чучел — заявил протест: «На чучело такое «чучело» не годится!»

Решили подарить Джурку заповеднику.

«Пропал соболь!— сказал наш зоолог, когда «вынесли приговор»: передать Джурку в Живой уголок на «Столбы».— Сделают из него кошку!»

Джурка жил у нас дома, в небольшой клетке; но клетка целый день стояла открытой: соболь резвился на свободе. Он быстро запомнил, что на клетку с птицами прыгать запрещено и спальня тоже «табу». Только прикрикнешь: «Джурка!»— летит стремглав к себе в клетку. В клетке Джурка считал себя в полной безопасности и, свесившись вниз, с любопытством высматривал виновника своего испуга.

Как ни странно, Джурка — природный хищник — почти не ел мясо, мясным блюдам решительно предпочитал вегетарианские: овощи и сладости. Одним из «дежурных блюд» его «меню» был мед. И до моркови Джурка был великий охотник. Хорошо ел хлеб. Как-то угостили мы его шоколадной конфеткой «Белочка», потом и сами были не рады: так пристрастился он к этому дорогому угощению.

Вот тебе и таежный житель! Быстро приобщился к цивилизации!

Очень полюбил Джурка сахар. Вызнал, где он у нас хранится, и повадился таскать его прямо из сахарницы, на глазах у всех.

Пьем чай, вдруг из-под стола, с чьих-нибудь колен — хитрая живая мордочка с лукаво поблескивающими черными глазенками. Не успеем опомниться, Джурка уже — прыг на стол и в сахарницу! Кусок сахара в зубы —

и был таков! Запрячет у себя в клетке «про запас» и бежит за следующим куском.

Так мог все из сахарницы вытаскать, если позволить.

В комнатах Джурка был как дома, никого и ничего не боялся, но и об осторожности, необходимой всякому дикому зверьку, не забывал. Любой непонятный звук — и Джурка уже начеку.

Щелкнул затвор фотоаппарата, на всякий случай — скорее в клетку! Кто его знает, что это за штука такая — фотоаппарат? Может быть, это опасно?..

Как-то мы познакомили его с ушастым ежиком Чижиком. Соболь — коренной обитатель сибирской тайги, а

Соболек Джурка

ежи в нашей местности не водятся. Чижик прибыл к нам в Красноярск из Алма-Аты. В природе эти два зверька никогда бы не встретились.

Чижик полежал несколько минут, свернувшись колючим клубочком, потом высунул похожее на поросячье

рыльце, принюхался, встал на лапки, как бы объявив: «Иду на вы!»— и покатился на Джурку. Джурка отпрыгнул, а потом давай забегать справа и слева, подскакивать перед Чижиковым рыльцем, словно спрашивая: «Я — соболь! А ты кто?». Он явно недоумевал: что за зверь непонятный, похожий на кедровую шишку?

«Пожалуй, лучше от такого подальше!»— решил наконец Джурка и заскочил в клетку — надежное убежище на все случаи жизни. Зато овчарку Дагни Джурка не боялся совершенно, даже играл с ней, вскакивал к Дагни на спину, теребил шерсть, бегал наперегонки по комнатам.

Набегавшись вволю, Джурка ложился врастяжку на плоский камень — пресс-папье, «студил пузо».

Один наш гость так выразил свои впечатления от знакомства с Джуркой.

— Наверное, когда-нибудь во всех домах вместо кошек будут соболи!

Но предсказание нашего зоолога-соболятника все-таки не сбылось: кошки из Джурки не получилось. Воспользовавшись удобным моментом, Джурка сбежал из Уголка. Это случилось осенью, в октябре. К этому времени из худенького облезлого заморыша, непригодного даже на чучело, наш соболек превратился в пушистого красавца с блестящей и мягкой, как шелк, шубкой.

У соболя в тайге почти нет врагов. Единственный опасный для него враг — человек, преследующий ловкого и умного зверька ради его драгоценного меха.

Удастся ли нашему Джурке уцелеть среди опасностей вольной жизни? Ведь теперь уже не спрячешься от врага в клетку, и ружье охотника-браконьера, каких немало еще бродит по нашим заповедным лесам,— гораздо более реальная опасность, чем объектив фотоаппарата!

ВОЛЧИК

«Большой дикий пес, ведь волк — просто дикий пес...»
Э. Сетон-Томпсон

В распахнутое окно доносятся веселые детские голоса, взрывы звонкого хохота... Это мои ребята Итка и Люся, приехавшие к нам на летние каникулы, играют со своим приятелем — волком.

— Дети и волк?

— Да.

— Настоящий волк?

— Самый настоящий. Чистокровный. Посмотрите на этот пушистый, опущенный книзу хвост, на большую лобастую голову с чуть косо поставленными светлыми глазами, на великолепную черную гриву — и вы сразу увидите, что перед вами не овчарка, не гибрид волка и собаки, а настоящий да к тому же еще, выражаясь по-охотничьи, матерый волчище.

— И этот зверь играет с вашими детьми? И вы это разрешаете?

«Для кого — зверь, а для моих ребят — просто большой добрый пес...»
Люся Крутовская на прогулке с Волчиком

— Пробовала не разрешать. Но не так-то просто запретить приказом старую дружбу! Да и не думаю, чтобы для моих ребят игра с их серым приятелем была опаснее, чем для иных игра с молодой плохо обученной овчаркой.

...Вот Итка бежит вдоль блока, а Волчик, гремя цепью, гонится за ним, настигает, настиг... Грозно оскалив пасть, прыгает на Итку, валит...

Все это: и погоня, и борьба — только игра, и Волчик ни на секунду не забудется, не сомкнет свои острые клыки на детской руке плотнее, чем положено в игре...

Теперь Итка залез в волчью будку (воображаю, в каком виде будет его костюм) и, встав на четвереньки, рычит на Волчика, который, помахивая по-собачьи хвостом, лапами старается его оттуда выцарапать. Подбежала сзади Люська и тянет Волчика от будки за пушистый хвост.

Волчик обернулся, заворчал, но Люська не выпускает хвоста из рук, тянет изо всей силы, и Волчик покорился, добродушно осклабясь, «разрешает» себя тащить...

Огромный зверь с белыми клыками, которые шутя дробят кости. Для кого — зверь, а для моих ребят — просто большой добрый пес...

В мае 1956 года я села в автобус «Красноярск — Лалетино» с маленьким коричневым щеночком за пазухой. Больше всего он был похож на меховую рукавичку-мохнашку. Никто из пассажиров автобуса не подозревал, что забавная живая рукавичка, копошившаяся и повизгивавшая у меня за пазухой,— волк.

— Где вы подобрали такого смешного кабыздоха?— спрашивали меня.

— Какой тебе кабыздох! Это же породистая овчарка!— утверждали другие.

В автобусе я никому не призналась, что везу волка. Но на своем производстве, в управлении заповедника, похвасталась: вот, мол, глядите все: у меня волк! Увы! Меня подняли на смех. В волка с рукавичку никто не верил. Впрочем, и сам-то волк еще не знал тогда, что он — волк. Моей задачей было воспитать его так, чтобы он, став взрослым, никогда не почувствовал себя волком — хищным зверем, врагом человека.

Не могла я подозревать в тот памятный весенний день, сколько разочарований, волнений и тревог принесет нам с Джемсом Георгиевичем живая рукавичка, пригревшаяся у меня за пазухой. Но все равно... я ничуть

не раскаиваюсь, что взяла Волчика. Говорят, трудный ребенок для матери — самый любимый. Так и Волчик.

Взяла я Волчика еще слепым — только на второй день у него открылись глаза. Лакать он не умел — пришлось кормить его из соски.

Когда коричневый щеночек превратился в большого могучего зверя, мне и самой не очень верилось, что это про него я писала в своем рабочем дневнике: «Глаза у Волчика открылись совсем, но они все еще мутные, и смотреть на белый свет ему трудно. Передние лапки еще кое-как ходят по полу, но задние безнадежно разъезжаются. Круглое пузико — слишком тяжелый груз для совсем еще слабых лапок. Зато черный носик уже отлично умеет различать запахи.

Когда очень проголодается, а есть не дают, волчонок начинает сосать мой палец. Сосет долго, старательно, сделав язык трубочкой, сморщив нос, вкусно причмокивая, постанывая. Когда же я отнимаю палец, на губах у волка вскипает пузырек.

Кошка Кисанка на него шипит. Наши «рыжики» — две маленькие собачонки Ю и Тымой — к нему даже близко не подходят. По-видимому, у них возникают какие-то смутные подозрения на счет его особы...»

Обычно волчат вскармливают под собакой: собачье молоко по своему составу близко к волчьему. Но у нас не было тогда собаки, которой можно было бы поручить воспитание нашего питомца, а коровье молоко волчонку не подходило.

Ох, и помучилась я с ним!

Нянчилась со зверенышем, как с ребенком. И жалко мне его было и обидно. Все смеются:

— Эх ты! Подумаешь, проблема — выкормить волчонка, уж, кажется, чего проще, а у тебя не получается...

И верно, не получалось. Волчик рос несчастным взъерошенным заморышем и постоянно болел.

Из выводка в семь волчат, приобретенных краевым музеем (откуда получили мы Волчика) выжило пять, в том числе наш Волчик. Два волчонка погибли в первые дни. Зато те четыре, что уцелели, развивались гораздо лучше Волчика. Я приходила в музей сравнить наших воспитанников и завидовала — какие крепыши Саян и Мазепа по сравнению с Волчиком.

Волчик с самого начала был самым слабеньким из пятерых. Да и кормили своих питомцев «музеяне» куда

лучше, чем могли кормить Волчика мы. Молоко у них было всегда свежее, а нам приходилось возить его за семь километров по жаре. И мясо они на волчат получали, и другие продукты...

Волчик никак не желал становиться вегетарианцем. Обычный собачий рацион его не устраивал.

Бедный «пузо-пузырек», как мы его прозвали в ту пору за круглый раздутый животик... Такой редкостью было для него блаженное чувство сытости!

Когда нашему зверю было два месяца, он однажды съел...

Красную Шапочку!

Волчик.
«Мы еще маленькие»...

Да, да, на самом деле. Серый волк съел Красную Шапочку... Ну, скажем точнее: не Красную, а Синюю... Вот как это вышло.

Волчик повадился таскать у моей дочки Люськи игрушки. Игрушки жили у Люськи в тумбочке возле кровати. Первую игрушку — резиновую лягушку с пищалкой — дала Волчику сама Люська. Он бегал с ней в зубах по всему дому, прятался под кроватями и сердито рычал на нас, когда мы пытались отнять у него «добычу». Лягушка пищала на весь дом... пока вдруг не исчез-

ла бесследно. Следующей жертвой был резиновый уте нок. Он утащил его, растерзал и съел.

А потом он выкрал из тумбочки и любимую Люськи ну куколку — резиновую девочку в синей шапочке. Люсь ка в страшном волнении прибежала звать меня на помощь

Я вытащила зверя из-под кровати, куда он забился со своей новой добычей, и попыталась силой разжать че люсти. Не тут-то было! Волчик рычал, жалобно взвиз гивал, отбивался лапами, но куклы не отдавал, сжимая ее в зубах поистине мертвой хваткой.

— Тащи скорее блюдце с кашей,— скомандовала я

Люська притащила блюдце. Мой расчет был таков Волчик, увидев кашу, бросит куклу, и Синяя Шапочка бу дет спасена. Волчик действительно перестал рычать, с жадностью уставился на блюдце с кашей и... ой! Два судорожных торопливых глотка и — Синяя Шапочка была проглочена. Покончив с куклой, Волчик ринулся к каше, и она так же молниеносно исчезла в волчьем брюхе..

Люська была так потрясена случившимся, что даже не заплакала.

В саду, куда мы стали выпускать Волчика, когда он подрос, жил у нас в то лето ручной журавль Журка — большая, сильная, не по-птичьи умная птица.

Журка, совершенно не боявшийся собак, испытывал перед Волчиком панический страх. Заметив журавля, Волчик бежал на него, опустив голову к земле. Журка, испуская тревожные крики, пускался наутек, хотя одного удара его сильного клюва было бы достаточно, чтоб надолго отвадить волчонка. Мерной волчьей побежкой, все так же опустив голову, Волчик устремлялся в погоню и гонял несчастного длинноногого великана, пока я не приходила Журке на помощь. Это была не игра, это была ОХОТА ЗА МЯСОМ. И, вероятно, птица инстинктивно угадывала в маленьком щенке свирепого хищника.

Угадывал в Волчике хищника и наш конь — пегий монгольчик Горбунок. Завидя Волчика, Горбунок громко всхрапывал и топоча кидался на него.

Только «рыжики» скоро привыкли к Волчику и смирились с его присутствием в доме совершенно. Волчик заигрывал с ними, таскал их за хвосты, но из повиновения у них не выходил: стоило собачонкам тявкнуть на него, как он разом стихал и начинал к ним подлизываться.

Половина наших бед с Волчиком и тогда и позже

происходила оттого, что нам редко удавалось накормить его досыта. Он рос, аппетит у него был волчий, и, чтоб утолить этот аппетит, нужно было мясо, много мяса. На наших супах и кашах (к хлебу он привык много позднее) Волчик был всегда голоден, а голод — плохой помощник воспитателя, особенно если речь идет о приручении хищника.

Часто, когда у нас не оказывалось для Волчика ничего, кроме надоевших ему пшенной каши и хлеба, столбисты приносили нашему зверю роскошное угощение — мясной суп, колбасу и непременно желали скормить ему все это сами. В результате Волчик стал бегать за чужими.

Нередко он удирал из сада, чтобы завести новое знакомство или «на охоту». Повадился бегать к ручью охотиться на... навозных жуков! Ловил кузнечиков и с жадностью поедал их.

В конце концов, мы решили, что цепь нужна такому «псу», и посадили Волчика на цепочку во дворе. Против ожидания, он легко привык к цепочке и даже, кажется, не очень скучал. Потом, когда нам пришлось посадить его на цепь уже «навечно», я радовалась, что мы приучили его к цепи в таком раннем возрасте: взрослый, он не смирился бы с внезапной потерей свободы так легко.

В августе на «Столбах» проходили сборы инструкторов-скалолазов. Участники сборов получали хороший паек, в состав которого входили, между прочим, мясная тушенка и колбаса. Волчику, хотя он и не был инструктором-скалолазом, тоже «отпускались» колбаса и тушенка. Он отъелся, и это сейчас же сказалось на его поведении. Наш зверь стал веселым, ласковым, сделался податливее на дрессировку.

Говорят, что волки жадны. Мне кажется, это не совсем верно. Волчик был жаден только пока не наедался. Насытившись, он совершенно переставал интересоваться своей чашкой и позволял доедать остатки ужина кому угодно. Он никогда не был «собакой на сене».

К сентябрю Волчик перелинял в зимнюю шерсть, стал красивым, пушистым.

Каждый день теперь мы брали его гулять в лес. Сначала на поводке, а потом я стала приучать его ходить со мной без поводка, на «невидимой веревочке», и прибегать по команде: «Ко мне!» Роль «невидимой веревочки» играло у нас какое-нибудь лакомство — кусочки сы-

рого мяса или сахар, которые я припасала в кармане. Всякий раз, когда Волчик подбегал ко мне на зов, я давала ему в награду кусочек, и уже скоро «невидимая веревочка» действовала отлично. С нами ходили в лес и два лосенка: Елочка и Светик. И иногда бывало так: иду я по тропе, Волчик, опустив хвост, плетется сзади, принюхиваясь к лакомому запаху колбасы, и вдруг вдали — заливистая песня — звук колокольчиков. Это лосята отстали, а теперь им вдруг захотелось пробежаться. Дуэт переходит в трио — Волчик (и у него на шее колокольчик) тоже побежал, спасаясь от острых копыт. Но прежде, чем он догнал меня, на нас вихрем налетают лосята. Волчик, поджав хвост, прижав уши, припадает к земле, лязгает зубами; Елочка слегка ударяет его копытом и выносится вперед. За ней, раскачиваясь на бегу, как игрушечная лошадка-качалка, поспешает второй лосенок — Светик. Обогнав нас, лосята останавливаются где-нибудь в сторонке и с удовольствием отпыхиваются.

Я подзываю Волчика и даю ему кусочек колбасы, чтоб загладить обиду.

Ох, уж эти лосята! Много они испортили крови бедному зверю...

В начале зимы был такой момент, когда я было совсем отчаялась в своих воспитательных талантах и даже стала подумывать, не передать ли Волчика в какой-нибудь зверинец: не могу справиться со зверем — и все! Причиной всех бед опять-таки было недоедание.

Волчик стал свиреп, пустую чашку чуть тронешь — хватал зубами, отказывался отдать, а когда я приходила с полной, вырывал ее из рук, разливал суп, рычал. В конце концов, нам пришлось кормить его вдвоем: Джемс Георгиевич оттаскивал Волчика за цепь, а я ставила в этот момент чашку.

Чем дальше, тем хуже. Однажды Волчик цапнул меня. Как-то Волчик рявкнул на меня. Я рассердилась и сильно ударила его по носу. Он взревел, глаза зажглись зеленым огоньком, зубы защелкали... Я не выдержала характера и отступила. Не убивать же зверенка до смерти!

Как-то во время прогулки на Волчика нечаянно налетел бежавший с горы лыжник. Не ударил, даже, кажется, не задел, но Волчик неистово перепугался и умчался в лес. Я едва его отыскала. После этого он начал панически бояться лыжников, лыж и даже лыжного сле-

да. Эта боязнь сохранилась у него на всю жизнь и значительно затруднила его дрессировку.

Зимой лыжники приходят на «Столбы» толпами. Заслышав издали скрип лыж, Волчик начинал отчаянно биться на цепи. В такие минуты он переставал что-либо понимать, отказывался даже от мяса, не реагировал на команду, одним словом, превращался в обезумевшего от страха дикого зверя.

Однажды, завидя приближающуюся толпу лыжников, Волчик метнулся через штакетную ограду, повис на цепи и сломал переднюю лапу. Когда я нашла его, забившегося в будку, по-звериному лязгавшего на меня зубами, с болтающейся лапой, я сказала Джемсу Георгиевичу: или возьмем его опять в комнату, или можешь считать, что все кончено — тебе останется только добить его.

Джемс поворчал для виду (куда такого зверя в комнату!) и помог мне перетащить Волчика к нам в спальню, под мой письменный стол. Осмотрели лапу. Волчик позволил наложить шину, но потом вдруг принялся яростно грызть ее зубами и сорвал прочь...

Я оставила его в покое. Пусть лапа срастается неправильно: экая важность, лапа! Для меня гораздо важнее была волчья «душа», которая (я знала это) переживала сейчас опасный кризис. От нашего поведения сейчас зависело — доверится ли нам Волчик навсегда или окончательно превратится в злобного зверя.

«Экзамен на хозяев» был нами выдержан: за свою болезнь Волчик накрепко к нам привязался.

Союз человека и собаки почти так же древен, как история человечества. Многовековая привычка вынуждает собаку искать покровительства человека. Волк — другое дело. Здесь первое слово должно было принадлежать нам, людям, и мы его сказали.

Лапа срослась хорошо. Волчик снова сопровождал нас на прогулках. И вот, странное дело! Оказалось, что наши лыжи, мои и Джемса Георгиевича, совсем не страшные. Даже когда Джемс, летя с крутой горы, не успевал отвернуться и сталкивался с Волчиком, тот лишь отпрыгивал в сторону.

Но следы чужих лыж, только следы —«уф!»— опасность! Щетина дыбом и — бежать, бежать, куда глаза глядят...

За посторонними Волчик бегать перестал, только де-

вушки еще долго пользовались его особой благосклонностью. Однажды он ушел за малознакомой девушкой до Лалетинского кордона — за целых пять километров от дома.

В другой раз — на Столбинское нагорье. Там было много лыжников, и Волчик забился, спасаясь от них, в камни скалы Первый столб. Засел в начале лаза, который называется «труба», как соловей-разбойник, и рычал на всех, кто приближался к этому месту. Едва я его оттуда вытащила...

С Иткой и Люсей Волчик крепко дружил. Когда ребята после долгого отсутствия приехали домой на зимние каникулы, Волчик кинулся к Люське, схватил ее за рукав и зарычал так страшно, что мы перепугались. Но оказалось, этим ворчанием Волчик выражал свою радость от встречи со старыми приятелями! Он и Итку приветствовал также.

Ребятам Волчик позволял делать с собой все, что угодно, Итка возил его по всем комнатам за хвост, тормошил всячески, захлопывал ему ладонями оскаленную грозную пасть, и Волчик даже не думал сердиться на такую фамильярность. Когда каникулы кончились и мы с Волчиком пошли проводить ребят до «пыхтуна», он сел у «хитрого пня» и завыл. Кое-как притащила я его домой на цепи: хоть убей — не хотел возвращаться без ребят.

Нас очень удивило, что Волчик сдружился и с лошадкой Горбунком.

Когда Джемс Георгиевич водил Горбунка поить на ручей, Волчик неизменно его сопровождал. По дороге домой Горбунок любил «потибенковать»— покопытить из-под снега прошлогоднюю траву. Волчик уже тут как тут: похаживает вокруг, подкрадывается и норовит поймать за хвост. Горбунок поднимет копыто, но не бьет — свой, а когда Волчик, уже совсем обнаглев, повиснет у него на хвосте и потянет изо всей силы, обернется, прижав уши, и накидывается укусить. Волчик отбежит в сторону и снова заигрывает: припадает на задние лапы, виляет хвостом.

Потом Горбунок повадился приходить к березе, у которой сидел на цепи Волчик. Часами стоит около и дремлет. Однажды даже привел сюда чужую лошадь, которая ночевала у нас на базе, и оба коня мирно простояли всю ночь возле зверя.

Иногда Горбунок и Волчик, играя, хватали друг друга зубами, и как-то Горбунок пострадал от своего серого приятеля — пришлось вытирать окровавленный нос об ясли! Дня два после этого он не подходил к Волчику, а потом все пошло, как раньше. Удивительно было, что не Волчик лез к коню играть, а конь — к волку. Волк-то ведь сидел на привязи...

Подружился Волчик и с лосятами. Вместе ходили в лес, и Волчик играл с ними, как веселый щенок.

Это была хорошая зима для Волчика. Молодой егерь, недавно поступивший на Столбовский кордон, наш ближайший сосед, не боялся Волчика, ласкал его, и мы без всякого опасения, дважды в день перед кормлением, отпускали нашего зверя с цепи. Набегавшись, Волчик всегда по моему зову подходил и подставлял шею под ошейник, зная, что без этого не получит ужин.

Зато весной настали для Волчика черные дни... Молодой егерь уволился. У нового была большая семья — пять ребятишек, мал мала меньше, и, что всего хуже, он панически боялся нашего зверя.

Вот поди ж ты, никогда ничем этот человек Волчика не обидел, пальцем не тронул, а Волчик неожиданно возненавидел его лютой ненавистью: вся шерсть на нем вставала дыбом при встречах.

Пришлось посадить Волчика на цепь накрепко. Протянули между двух пихт блок из толстой проволоки, чтоб Волчику можно было хоть немного побегать... Конечно, это было совсем не то, что бегать свободно. Но что поделаешь!

Изредка мы по-прежнему брали Волчика в лес, где давали отвести душу — погонять на свободе. Но случалось это нечасто: работы было много. Да и боялась я: вдруг убежит Волчик с прогулки, испугает ребятишек, а чего доброго и покусает... Зверь ведь все-таки!

Однажды Волчик нахулиганил.

Взяла я его с собой до Лалетинского кордона. По дороге нас застала сильная гроза, и мы промокли до нитки. Не думая, что нам в такую погоду кто-нибудь встретится, я отпустила Волчика: уж очень надоело нам обоим шлепать по грязи «в связке», как выражаются скалолазы.

Волчик бежал впереди, а я шла за ним, задумавшись, и вдруг вижу: у поворота тропинки припал мой зверь к земле и пополз, прижав уши... Я только-только успела

подбежать и схватить конец поводка, как он прыгнул прямо на девушку, которая в этот момент появилась из-за поворота.

— Ай!

Увидеть волчью морду в нескольких сантиметрах от своего лица — не очень приятная неожиданность! Я оттянула Волчика за поводок, прохожу и слышу негодующее напутствие:

— Распустили тут всяких дворняг!

К своему и нашему счастью, эта молодая особа воображает, что Волчик — дворняга! Ну и на здоровье! Я поскорее ухожу подобру-поздорову. Дворняга, так дворняга!

Волчик озирается на девушку, потом смотрит на меня так, словно хочет сказать: «А здорово у меня вышло, правда? Она, кажется, на самом деле подумала, что я хотел ее съесть?»

И морда у него озорная, щенячья, а на кончике носа — засохший комочек грязи.

Летом и осенью нашему зверю сильно досаждали туристы. Они приходили целыми толпами и неизменно задавали одни и те же вопросы. Нам так надоело постоянно отвечать одно и то же, что мы разработали анкету, которую предполагали вывесить у волчьей будки для всеобщего обозрения.

Большинство туристов были хорошие люди. К Волчику они относились ласково и бережно, и Волчик охотно выходил к ним, принимал подношения, а при случае и забавлялся: утаскивал у зазевавшихся женщин перчатки или сумочки, которые я тут же отбирала у него и возвращала хозяйкам.

Но, как говорится, в семье не без урода. Попадались среди туристов и такие, с позволения сказать, «герои», которым доставляло особое удовольствие пугнуть ручного зверя, а то и больно ударить... При нас они, конечно, не решались это делать. Но скоро я заметила, что Волчик стал пугаться туристов. Начала следить и поймала виновников на месте преступления.

Бедный зверь! Он начал бояться туристов так же неистово, как прежде лыжников...

Все чужие для него стали —«уф!»— врагами.

Волчик не лаял. Вернее, лаял он только в минуты сильного возбуждения глухим отрывистым, несобачьим лаем. Когда же его что-нибудь волновало, он издавал

тихий характерный звук — вот это самое «уф!». Иногда, заслышав вдали голоса, Волчик вопросительно смотрел на меня, а я говорила ему тихонько: «Чужие... Уф!..» Он повторял за мной этот волчий сигнал тревоги и настораживался. Мне нравилось, что мы понимаем друг друга.

И вот однажды, когда старший инструктор турбазы осмелился утверждать в моем присутствии, что Волчик — трус, которого «хоть за хвост тащи», я, оскорбившись за моего зверя, сказала тихонько Волчику:

— Волчик, докажи ему, что ты все-таки волк и что это он должен тебя бояться, а не ты его!

Эта часть фразы была сказана для туристов, а дальше — персонально для Волчика: «Чужой! Уф!»

Что тут вышло!

Грива поднялась у Волчика дыбом, глаза сверкнули зеленым звериным огнем, с глухим рычанием, какого я еще ни разу не слыхала от него, он прыгнул на инструктора, уронил... и, верно, погрыз бы, если б я, ухватив за цепь, не оттащила его прочь.

Отличный пример того, как иногда — одним неосторожным словом — можно наделать беды!

К счастью, инструктор отделался только испугом и разорванной штурмовкой.

Зимой 1957/58 года нам с Волчиком впервые пришлось расстаться на долгое время: я уезжала больше чем на месяц в командировку в Ленинград.

При встрече Волчик приветствовал меня так, словно мы и не расставались вовсе, а ушла от него — завыл...

Ну, а следующим летом...

Кто был этот человек — я и теперь не знаю. Наверное, какой-нибудь пьяный, которого такие же пьяные приятели подбили на «геройский подвиг»— перелезть через забор и прирезать ручного зверя. Произошло это перед рассветом. Туристы в своем палаточном городке неподалеку слышали грозное волчье рычание и потом — взвизг, но не придали этому значения. Утром мне показалось странным, что Волчик не встречается мне, как всегда. Стала звать — нет... Потом заметила: на земле валяется пряник, и от этого места в заросли травы — широкая кровавая полоса... Кинулась по этому следу и нашла Волчика, забившегося в траву, насколько позволяла натянутая цепь. Весь окровавленный, он лежал тихо-ти-

хо и молча посмотрел на меня, когда я подошла. Наклонилась над ним, а у самой мысль: ничего удивительного не будет, если он на меня сейчас набросится, покусает, ведь он — зверь. Где же ему в такую минуту понять, что я не враг, а друг? И поделом мне — не защитила... Но Волчик, когда я позвала его по имени, шатаясь, поднялся и послушно побрел за мной в дом.

Скорее в знакомую комнату, там безопасно, там не дадут в обиду! Он забился под мой стол — самое верное убежище в беде — и рычал, когда «рыжики» явились его проведать, рычал незлобно, скорее жалобно. Рычал и поглядывал на меня: защити, мол! Вся его могучая красивая голова была покрыта ранами, язык, десна и губы исполосованы ударами ножа. Я насчитала одиннадцать глубоких ран.

Снова мы нянчались с нашим зверем, промывая и засыпая стрептоцидом его раны.

Кажется, чего бы нам ждать теперь от Волчика — ведь человек, бивший ножом, изранил не только тело, но и «душу» звериную... А вот не озлобился на нас наш зверь. Сумел как-то отделить в своем зверином сознании одного человека от другого — врага от друга.

К трем годам наш Волчик превратился в могучего матерого волчищу. Характер его стал угрюмым и недоверчивым, к чужим он уже больше не ласкался. Зато старых друзей он не забывал. И как он их приветствовал! Наш лесовод Мария Николаевна, всякий раз появляясь на «Столбах» после полугодового отсутствия, не знала, куда и деваться от волчьих ласк.

А знаете, в чем секрет любви к ней Волчика? Когда он был еще несчастным, вечно голодным «пузо-пузырьком», Мария Николаевна приносила ему по яичку в день —«подкормить бедного сиротинку». Теперь она давным-давно ничем его не угощала, и все-таки Волчик каждый раз приветствовал ее, как самого лучшего друга.

Но не подумайте, что волчью дружбу можно купить. Нет! Вот Владимир Васильевич, наш знакомый. Сколько раз он приносил Волчику вкусные косточки! Ну и что же? Волчик, лязгнув зубами, выхватывал у него угощение из рук и — больше не желал иметь с ним никакого дела... Зато стоило зверю понять, что приезд Владимира Васильевича на «Столбы» всегда означает веселую про-

гулку по лесу без ошейника и поводка, и он начал радостно приветствовать его появление.

Много интересных и забавных случаев было с Волчиком, обо всем не расскажешь.

Как-то поехала я в тайгу километров за семь от дома и, чтоб не скучно было, взяла с собой Волчика и маленькую Рою. Так забавно бежали они рядышком за лошадью — мараленок и волк.

По дороге Ройке вдруг пришла фантазия остаться в тайге. Я не заметила, как она исчезла, а только выезжаю на перевал, смотрю: нет с нами Ройки! Стала кричать — не прибегает. Привязала Горбунка к пихте, пош-

«К трем годам наш Волчик превратился в могучего матерого волчищу».

ла назад — искать... Волчик побежал со мной. Бежит и все на меня оглядывается, словно недоумевает: зачем это я коня бросила и назад возвращаюсь?

Прошла я уже далеко — нигде не видно маралушки. Остановилась и не знаю, то ли к коню идти, то ли дальше искать? Решила еще крикнуть Ройку и бросить поиски.

Кричу: «Ройка! Ройка!»— А Волчик стоит и смотрит на меня. И вдруг прыгнул в сторону и исчез.

«Ну, вот. Теперь и волк убежал!» — думаю.

Только слышу; где-то далеко внизу склона звякнул Ройкин колокольчик, раз и еще раз, и вдруг залился отчаянно — и все ближе-ближе. Минуты не прошло — стоит около меня Ройка, оглядывается, бока ходуном ходят, ноздри раздуваются. Не знаю, случайно это было или нет, а только с той стороны, откуда она примчалась, и Волчик тотчас появился. Подбежал к нам, прыгает, радуется, хвостом виляет, в глаза заглядывает: видишь, как я хорошо тебе помог!

На прогулках я обычно прицепляла к ошейнику Волчика длинный поводок с петлей на конце — если что, успею схватить за петлю. Так он и бегал.

Как-то Волчик сбежал у меня с прогулки. Только уже поздно вечером я разыскала его в лесу. Ответил мне, как всегда, протяжным низким воем, явился на зов, а домой никак не хотел идти, набегался за день, устал, отбил лапы... Пройдет шагов пять — и ляжет. Вернулись мы с ним, когда уже совсем стемнело. Пришлось буквально волочить его на поводке.

Потом мы узнали, как провел Волчик этот день.

Тогда в заповеднике работала экспедиция лесоустроителей — молодые веселые ребята. Рано утром лесоустроители брали рулетки, рюкзаки и на весь день уходили в тайгу. Обедали и ужинали там, где заставала их работа.

Так было и в тот день.

Только разожгли ребята костерок, повесили чайник, смотрят: гость к ним жалует. Другие бы, пожалуй, испугались, зверь все-таки! Но лесоустроители — смелый народ: сибиряки, настоящие таежники, да к тому же знали, что зверь ручной,— видели Волчика в Уголке. Пригласили гостя к костерку, угостили сахаром, хлебом, приняли чин чином.

Потом стали думать, как быть с гостем дальше. Ясно, что зверь убежал, значит, надо его задержать, вернуть хозяевам. Решили привязать на стоянке, а вечером,

когда пойдут на базу, взять с собой. Сказано — сделано. Просунули палку в петлю поводка, а палку, заклинили между двух берез. Сложили около рюкзаки с продуктами: карауль, мол, и ушли.

Приходят вечером... Что такое?! На палке — один обгрызанный конец поводка болтается, рюкзаки изорваны, продукты съедены... А караульщика давно и след простыл.

Не вполне удалось мне выполнить задачу, которую я перед собой ставила: воспитать волка, чтоб он не был волком. Да, многое в Волчике мне не нравилось, а справиться с этим я не умела.

Вот, например, этот дикий неистовый страх перед лыжней, проложенной лыжами чужого, страх, из-за которого Волчик терял всякое соображение... Да и не только это.

Наверное, опытный дрессировщик избежал бы многих моих ошибок и неудач. Но кое-чего я все-таки добилась. Вот посмотрите на эту звериную идиллию. Мы любовались ею каждый день.

Возле своей будки — Волчик. Вытянул лапы, щурится лениво... В двух шагах от него, понурив голову, дремлет Горбунок. Чуть подальше из снежного сугроба торчат большие уши — это Ройка устроила себе лежку у самой волчьей будки, тоже поближе к своему серому приятелю.

Эта троица неразлучна.

В сторонке, подбирая разбросанные куски — остатки трапезы серого волка, бродит косулька Мальвинка — миниатюрное грациозное существо, совершенно беззащитное против волчьих зубов. Мальвинка у нас недавно и всех боится — и Горбунка, и Ройку, всех, кроме того, кого ей действительно следовало бы бояться,— Волчика.

Вот Мальвинка подошла к Волчику совсем близко, и, ударя копытцем о снег, выкопычивает кусочек хлеба... Прыжок, лязг зубов — и все будет кончено для доверчивой косульки. Волчик открыл один глаз, покосился и... убрал хвост, на который Мальвинка наступила было своим черным копытцем.

— Любят меня серые волки?

Две тяжелые лапы ложатся мне на плечи, и на уровне моих глаз — изуродованная глубокими шрамами и все-таки красивая большая, умная волчья морда. Ког-

да Волчик становится на задние лапы, он одного роста со мной. У самого моего лица лязгнули великолепные белые клыки и тихонечко сомкнулись на прядке моих волос... Это мы так нежничаем!

Волчик никогда не ползает передо мной на брюхе, не подхалимничает. И даже как будто не особенно мне радуется, когда я появляюсь после долгого отсутствия.

И все-таки я уверена в его привязанности.

Прижавшись плечом к моим коленям, зверь тихо шевелит пушистым хвостом, блаженно выгибается и щурится под моей ласкающей рукой....

Прошло немало лет. Давно нет у нас Волчика. Раны, нанесенные ему хулиганами, значительно укоротили его век: он никогда уже не смог вполне от них оправиться, и весной 1961 года внезапно погиб, прожив всего пять лет, примерно треть полной волчьей жизни.

До самого конца мы — я и Волчик — крепко дружили. Со всеми перессорился Волчик, все люди стали ему «Уф! Чужими», только не я. Меня он любил по-прежнему и позволял мне делать с собой что угодно.

Значит, и волк может быть другом человека, если человек сумеет завоевать его дружбу.

Все может человек.

Может друга-собаку превратить в кровожадного людоеда. А может наоборот: своего древнего врага — волка воспитать как друга. На то он — человек, хозяин природы, ее творец.

КОСУЛЕНОК ПИК

Вчера нам передали на воспитание маленького косуленка. Ему уже около четырех месяцев, и детские пятнышки давно исчезли с его блестящей шерсти. Он буренький, как летний зайчик, с черной оторочкой на ушах и белым «зеркальцем».

Но какой же он маленький и слабый для своего возраста! Как беспомощно дрожат и подгибаются его тонкие ножки-палочки!

Сегодня я вывела его на поводке на опушку леса. Он в таком восхищении от внезапно открывшегося ему ог-

ромного мира, что почти забывает дышать. Ушки слушают, глаза смотрят, носик ловит незнакомые запахи, и — весь в струну: страшно!

Вот его история.

Сначала мир был чудесен: запахи, звуки и краски цветущего июньского леса, ласковое летнее солнце и восхитительный вкус парного молока и нежных молодых трав.

Потом вдруг все изменилось: в жизнь косуленка вошли двуногие чудища — люди. Мир его стал тесен и скучен — бревенчатые стены, деревянный некрашеный пол, по которому так пугающе гулко стучали маленькие копытца, а над головой, вместо усеянного звездами высокого неба, навис закопченный потолок. И не стало ласковой козочки-мамы. А молоко, которое ему подавали теперь в глиняной, противно пахнущей миске, имело какой-то совсем новый, неприятный привкус.

Постепенно косуленок привык, стал забывать, что не всегда мир был так скучен и тесен. Молоко в глиняной миске перестало казаться противным: он пил его с жадностью, громко причмокивая, и даже пытался порой приласкаться к двуногим чудищам, которые его кормили.

Первое время он жил в тесном закутке за печью в избе. У его хозяина-лесника была маленькая дочка, смешная толстушка со светлыми кудряшками. Маленький косуленок, хорошенький и безобидный, служил ей живой игрушкой, пока не подрос. Хотя неосторожные детские ручки нередко причиняли боль, все же это было хорошее время: косуленка ласкали и баловали. Но так продолжалось недолго. Скоро он стал слишком велик для игрушки... Его перевели в старую баню на задворках, и мир окончательно замкнулся для него в четырех стенах.

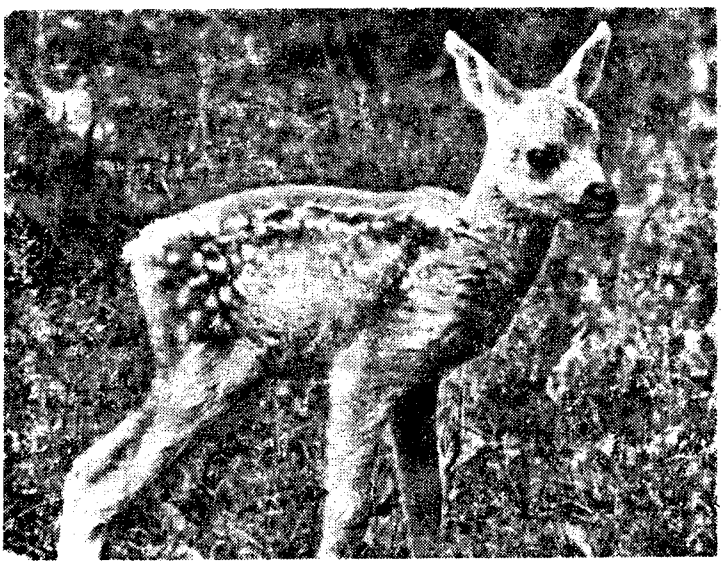
Косуленок долго не мог смириться с новой переменой. Когда приносившие ему корм люди уходили, он бежал за ними с жалобным писком — ему было так тоскливо и страшно одному, так хотелось, чтоб его приласкали.

Иногда его желание удовлетворялось. Его гладили, чесали ему за ушками. Но чаще теперь вместо ожидаемой ласки он получал грубый шлепок ладонью, дверь захлопывалась, и он оставался один в четырех стенах своей тюрьмы.

Настала осень. За маленьким окошком полетели по

ветру желтые листья. Косуленок не видел их: оконце было слишком высоко. Теперь он целыми днями лежал в уголке на сене. Он не бился, не кричал, он привык к своей тюрьме, детские воспоминания все больше гасли. Он забывал, как пахнут молодые листики, как шумит ветер, пробегая по лесной поляне, нарядной от разноцветных венчиков цветов...

Его сытно кормили. Но, хотя шерсть его была гладкой и блестящей, а тельце упитанным, он плохо развивался, он не был силен и ловок, как его дикие сверстники: ножки его оставались тонкими и слабыми, как у однодневного, они дрожали и подгибались при ходьбе. От



Косуленок Пик

постоянного сидения взаперти он совсем разучился бегать. Если б его выпустили на волю, он погиб бы сразу, при первом же столкновении с прекрасной, но жестокой вольной жизнью.

Впрочем, его ведь и растили совсем не для этой вольной жизни. Сначала он был хорошенькой и забавной живой игрушкой, а в недалеком будущем ему предстояло стать просто куском вкусного жаркого.

— Вырос, отъелся, пора и под нож!— сказала как-то старая бабка, опытным глазом оценивая косуленка.

Так бы и сталось. Но охотничьи законы нашей страны защищают лесных малышей. Никому не разрешается держать в неволе дикого зверька только ради собственного удовольствия или выгоды. Маленького косуленка взяли у его хозяина, который растил его на мясо, и передали нам в заповедник.

Вот и стоим мы с ним сейчас на лесной опушке, на пороге огромного прекрасного мира.

Он совсем не знает, что ему делать,— прижаться ко мне, спрятаться под мою защиту или бежать от меня на своих тонких, подгибающихся ножках в этот мир, в бескрайние лесные просторы, навстречу свободе, зов которой страшит и волнует.

— Потерпи немножко, маленький,— уговариваю я его.— Честное слово, я верну тебе этот мир еще более прекрасным весной, когда ты станешь взрослым, сильным зверем и не будешь нуждаться в моей защите. Тогда — беги, а пока поживи со мной. Хорошо?

Пик — не первый косуленок, которого мне приходилось воспитывать. До Пика у меня были Таныш и Танька. Но с теми было легко: они попали ко мне совсем маленькими и вместе с молоком, которое я им выпаивала, всасывали в себя уверенность, что я — их настоящая мама. Пик уже совсем большой. Боюсь, что он никогда не признает меня «мамой», как те. Я ведь для него чужая.

Даю ему хлеб с ладони, а он не берет, фыркает: от ладони пахнет чужим. И в руках бьется. Когда везла его сюда на Горбунке, отчаянно брыкался и кричал громко, на весь лес...

Удастся ли мне приручить его?

...Прибрав комнаты, я прячу подальше от греха дежурную книжку метеостанции и впускаю Пика. Пик входит в комнаты весь «в струночку». Головка высоко поднята, большие уши откинуты назад, как у зайчика, готового пуститься наутек. Тонкие стройные ножки Пика делают маленькие шажки — Пик выступает на своих черных копытцах кокетливо и неуверенно, точь-в-точь девочка, в первый раз надевшая модные туфельки на «гвоздиках».

Страх борется в Пике с любопытством, робость — с дерзостью. Вот почему откинуты по заячьи ушки и маленькие шажки. Комнаты для Пика — малоисследован-

ная страна, таящая в себе сокровища и опасности. Но как знать, что здесь может случиться с Пиком? Опыт его коротенькой жизни научил Пика не очень доверяться людям, даже когда они чешут тебя за ушами и гладят по шерстке.

Но вот порог позади — Пик в комнате. Сколько волнующих запахов! Черный носик Пика не успевает их все отгадывать — их слишком много. Вон в том углу, под кухонным столом, определенно пахнет картошкой... Пик обожает картошку. Все страхи забыты, Пик бежит к ящику. Так и есть — картошка! Картофелины сыплются на пол, и Пик с наслаждением начинает ими хрустеть.

Прогнали от картошки, ну что же, поищем что-нибудь другое. Свежий номер «Литературной газеты» — также неплохое лакомство, и Пик уже успел оторвать порядочный кусок прежде чем Джемс Георгиевич застал его за этим занятием.

Недожеванный кусок газеты еще торчит у Пика изо рта, когда он направляется в нашу спальню. Там тотчас что-то с грохотом падает на пол, и потерявший терпение Джемс Георгиевич кричит, чтоб я немедленно убрала Пика прочь!

— Пик,— говорю я,— иди сюда. Съешь ломтик хлеба и будь паинькой, а то нам обоим достанется.

Каждый вечер, когда все дневные работы закончены, мы уходим гулять в лес. Мы — это я, две маленькие рыжие собачонки Ю и Тымой, бурая козочка Иринка, ручной сохатенок Лоська и теперь еще Пик. Вот какая большая компания!

Пик ужасно любит прогулки. Можно сказать, что он весь день живет ожиданием того момента, когда я, наконец, прикреплю поводок к его ошейнику и распахну калитку.

Поводок свободно волочится по земле — Пик бежит за мной сам. Ножки его так еще слабы, что догнать его, если б он вдруг захотел убежать, ничего не стоит. Но, конечно, я ни на секунду не выпускаю его из виду.

Лист с деревьев уже упал — октябрь. Лес прозрачен и темен по-осеннему. Ярко синеют дальние горы. Пахнет свежестью и грибами. Где-то деловито постукивает дятел да звенят серебряными колокольчиками синицы на соснах. Тишина.

Лоська и Иринка отыскали поломанную осину и застряли возле нее, объедают почки. Это их любимое лакомство. Я иду дальше. На этих двух можно вполне положиться — догонят. Вот Пик — другое дело. За ним нужен глаз да глаз. Запахи и звуки леса опьяняют его совершенно. Я слежу за ним и вижу, как опасные воспоминания постепенно все больше овладевают им.

Вероятно, если б он умел думать и выражать свои мысли словами, как мы, он сказал бы:

— А ведь я, оказывается, когда-то был вольным зверем и жил в лесу! Удивительно, как я мог об этом забыть!

Незаметно подкрадываются сумерки и накидывают на лес синюю сетку.

— Пора домой, Пик.

Но Пик не хочет домой. Он окончательно вспомнил: он не домашний, как Иринка, он — лесной, вольный, его место здесь! И, кроме того, он еще не нагулялся. Пик капризничает и отказывается идти за мной по знакомой тропинке к дому. А когда я беру поводок, начинает сердито фыркать и прыгать.

«Не хочу!— страстно протестует он, изо всей силы упираясь всеми четырьмя ножками и больно сдавливая себе горло ошейником.— Не хочу! Еще рано спать! Останусь здесь!»

Наверное, если предоставить его самому себе и уйти, он перестанет упрямиться и побежит вдогонку. Ведь он еще совсем малыш и не может без мамы. Но уже темнеет, и мне страшно, что я потеряю его в лесу и не сумею найти. Кроме того, мне надо торопиться.

И я беру его на руки и несу. Он тяжелый и отчаянно брыкается. Ведет себя, как балованный ребенок, которого заставляют сделать что-нибудь насильно. Подбежали Ю и Тымой и подняли сердитый лай. Они возмущены упрямством Пика. Возмущена и Иринка. Во всяком случае, мне кажется так по ее виду: изо рта у Иринки торчит недожеванный сухой лист, светлые «змеиные» глаза смотрят на меня с явным осуждением: «Эх ты, солидный человек, а возишься с какой-то лесной дрянью: ни молока, ни пуха, бя-я!»

Но вот, наконец, и наша калитка. Усталые, разгоряченные, сердитые друг на друга, мы с Пиком входим во дворик, где Джемс Георгиевич — сама мрачность!— один управляется по хозяйству.

— Ничего, должно быть, не поделать мне с этим чертенком,— огорченно говорю я ему.— Только и глядит, как бы убежать в лес. Опять скандал мне устроил.

— Выпусти его, и все!— советует Джемс.

— Как его выпустить? Его первая случайная рысь съест, совсем ведь еще глупый.

Стемнело. Мы запираем Лоську и Пика в их стойла, привязываем Иринку, задаем всем корм и уходим в дом.

Пик огорченно смотрит нам вслед и тихонько жалобно зовет меня, просунув мордочку между перекладинами стойла:

— И-и-и! И-и-и!

Но я ухожу, не оборачиваясь. Я все еще сердита на упрямца.

На ночное наблюдение по метеорологической станции всегда выхожу я. Джемс Георгиевич не умеет просыпаться. Он слышит звон будильника, берет его со стола, прячет себе под подушку и спит дальше с блаженным чувством честно выполненного долга. Поэтому мы раз навсегда решили, что ночью дежурю я.

Без одиннадцати два будильник надрывается отчаянным звоном. Это сигнал не только для меня. Вместе со мной вскочили и Ю с Тымоем — они считают своей священной обязанностью провожать меня на метеоплощадку. На дворе по деревянному настилу гулко грохнули копыта: это наш пегий монгольчик Горбунок, заслышав звон будильника, вышел из конюшни, чтоб приветствовать меня и напомнить (между прочим) насчет ночной порции овса. Когда я с фонарем и дежурной книжкой в руках выхожу в сени, его голова уже виднеется в темном четырехугольнике двери, и тоненькое умильное ржание провожает меня.

Я знаю, что в конюшне сейчас Лоська и Пик кружатся в своих стойлах, с нетерпением ожидая моего появления. Они ведь тоже слыхали будильник. Вскочила и Иринка и, натягивая веревку, смотрит в темноту.

Попробуй обмани их ожидание!

Наблюдение на метеоплощадке проведено, я появляюсь на конюшне с ведерком в руках. Горбунок первый получил свою порцию (он провожал меня от самого дома). Потом очередь Иринки, Лоськи, Пика... Ну вот, все

получили свое и блаженствуют, засунув морды в кормушки.

Теперь можно бы мне спать дальше... Нет, надо еще приласкать Пика — помириться с ним после нашей ссоры.

Пик так любит, когда его ласкают! Даже страшно — дикое лесное существо, а как умеет чувствовать ласку! Почешешь его за ушками — вытянет мордочку, глаза закроет, прижмется, вздыхает разнеженно... весь твой в эти секунды.

— Спокойной ночи, Пик! Завтра не будем ссориться, правда?!

Идут дни.

Каждый вечер мы с Пиком гуляем в лесу.

Я никогда не забываю, выходя из дома, захватить побольше хлебных корочек для Пика. Он отлично запомнил, чертенок, что в карманах у меня всегда есть что-нибудь вкусное, и то и дело на прогулке подбегает ко мне, чтоб выпросить лакомый кусочек...

Кажется, он начинает немножко признавать меня «мамой». Но я все-таки еще боюсь пускать его без поводка. Кто знает, что может взбрести в его хорошенькую головку!?

День за днем все ближе к нам суровая зима. Сегодня ночью выпал первый снег. Горбунок и Иринка отнеслись к этому событию равнодушно. Им не в первый раз видеть, как земля линяет на зиму, одеваясь белым мягким мехом. Лоське снег пришелся определенно не по вкусу. Холодно и неуютно — пфф! Лоська бродит по двору, недовольно встряхивая большими, как у осла, ушами, и обиженно фыркает, нюхая землю, которая стала почему-то пушистой, рассыпчатой и обжигает нос.

Пик сначала боялся выйти из стойла (он боится всего нового). Отогнув ушки, долго стоял на пороге, прежде чем шагнуть своими черными копытцами в снег. Наконец, решился. Выпрыгнул одним прыжком, как зайчик, и — ой, да что же это такое сделалось с миром? Все блестит, искрится, сверкает... И пахнет совершенно восхитительно — морозцем, бодрящей свежестью, пихтовой хвоей.

Тут Пик увидел меня с Иринкой далеко за оградой на дороге к лесу, пискнул и пустился было рысцой вдо-

гонку, как вдруг неожиданно почувствовал, что жить совершенно чудесно. И не рысить, переваливаясь как толстуха Иринка, хочется ему сейчас, а бежать... бежать так, чтоб ветер звенел навстречу. Он прижал ушки, прыгнул — и помчался, почти не касаясь упругими ножками земли.

— Куда?! Пик, Пик, вернись!..

Где там! Не видит, не слышит, скачет, летит куда-то — попробуй догони, поймай, оборви этот бег, стремительный и легкий, как полет птицы. Не Пик — сказочное крылатое существо — гуран, о котором только песню петь...

Мелькнуло между деревьями белое «зеркальце»— раз, еще раз... Неужели ушел?

Но не успела испугаться этой мысли, а он уже снова здесь, возле меня. Это была только игра, проба сил. Пик и не думал никуда убегать. С лукавством балованного мальчика, который уверен, что его очень любят, он сует черный носик в мою ладонь.

«Дай, мама! Ну хоть маленький кусочек. Ведь есть же у тебя для Пика?!»

Я кормлю его хлебом с ладони, и у меня такое чувство, словно мне сейчас подарили что-то большое-большое, чему нет цены.

Вчера я сочинила для своей дочки Люськи сказку. Вот она.

СКАЗКА О ТОМ, КАК СОХАТЕНОК ЛОСЬКА — ЧУДО ЛЕСНОЕ И КОСУЛЕНОК ПИК УШЛИ В ЛЕС ЖИТЬ

Жили-были у нас в заповедном лесу два ручных дикаря: сохатенок Лоська — Чудо лесное и маленький косуленок Пик. Лоська — Чудо лесное — страшилище редкое. На ночь его увидишь — спать не сможешь. Уши у Лоськи ослиные, хвост овечий, копыта коровьи, на шее — конская грива.

А косуленок Пик прехорошенький: головка маленькая, легкая, ножки тоненькие. Глаза, носик и копытца черные, сам буренький, как летний зайчик, а сзади, где у зверей бывает хвостик,— белое «зеркальце».

Вот стали учить Лоську возить санки.

Не понравилось это Лоське. Ленив он учиться. Ходит в упряж-

ке и стонет: «Ооох... ыых... ыых...» Охал, охал, а когда его распрягли, надумал уйти от людей в лес.

— Уйду,— говорит,— насовсем, ну их! Не хочу на коня учиться!

Услышал это Пик.

— И-и-и я,— пищит,— уйду! Я — вольный зверь, лесной, не хочу больше с людьми жить.

И ушел.

Идут по лесу. Лоська впереди вышагивает, а Пик за ним зайчиком прыгает.

От Лоськи на снегу следы большие остаются, как ямы.

А от Пика — дырочки.

Час ходят, два ходят. Поломанную осинку нашли — объели. Черничные кустики из-под снега пощипали.

Полежали немного на снегу, пожевали жвачку.

Впереди Лоська вышагивает, а за ним — Пик зайчиком прыгает. От Лоськи на снегу — ямы, а от Пика — дырочки.

— А знаешь,— говорит вдруг Пик,— ведь время-то уже к вечеру. Дома, наверное, пойло для нас готово.

— Соленое,— соображает Лоська. Остановился и ушами захлопал (он всегда так делает).

— С картошкой,— вздыхает Пик. Облизнул черный носик язычком, взглянул на Лоську — у того даже слюнки потекли.

— Может, пойдем домой? — говорит.— Лес-то от нас никуда не убежит, можно и завтра уйти в него жить, а пойло наше как бы коза Иринка не выпила.

— Выпьет! — взревел Лоська.— Ой, выпьет! Она вредная! Вчера так меня двинула рогами, до сих пор коленка болит. Побежим скорее, пока ей наше пойло не отдали!

И побежали.

Впереди Лоська иноходью несется, далеко длинные ноги в белых «гамашах» выкидывает, а позади Пик зайчиком прыгает.

От Лоськи на снегу — ямы, а от Пика — дырочки.

Совсем наступила зима, и выпавший снег больше не тает. Он падает каждый день большими пушистыми хлопьями, которые кружатся над темным лесом, как стаи белых птиц.

Я теперь не прикрепляю поводка к ошейнику Пика, когда мы ходим гулять в лес.

Сегодня ровно месяц, как Пик у меня.

— Помнишь, Пик, как ты кричал и сердито бил меня своими острыми копытцами, когда тебя, засунутого в мешок, положили мне на колени поперек седельной лу-

ки? Как ты ни за что не хотел брать хлеб с моей ладони, потому что она была чужая? И как ты совсем не умел бегать — разом выдыхался и начинал ловить ртом воздух, словно вытащенная из воды рыбка? И какие у тебя были слабые дрожащие ножки? А помнишь избу лесника, свой темный уголок за печкой и маленькую девочку со светлыми кудряшками, которая поила тебя молоком?

Но Пик смотрит на меня с удивлением.

— Что ты выдумываешь, мама? Этого же ничего не было на самом деле, о чем ты рассказываешь. Это только сны... сны, которые я давно забыл.

— Какая же у тебя короткая память! Почти как твой хвостик, которого совсем нет (!). А то, что ты был когда-то вольным зверем и жил в лесу... это тоже сон, Пик?

— Не говори глупости! Ты отлично знаешь, что это не сон, ты ведь сама помогла мне вспомнить. Дай мне белый сухарик, тот, что у тебя в правом кармане.

— Если ты вольный зверь, какие же тебе белые сухарики? Уходи и живи в лесу!

— Когда-нибудь и уйду,— говорит Пик, засовывая носик в мой правый карман.— Но пока мне хочется пожить с тобой. У тебя в карманах всегда есть что-нибудь вкусное для Пика.

Ничего не придумала я в этой маленькой истории, кроме того, конечно, что Пик умеет говорить.

ПРИЮТ ДОКТОРА АЙБОЛИТА

ДОМ ДЛЯ ЛЕСНЫХ СИРОТ

Не в сказке, а на самом деле существует такой детдом, «Дом ребенка», куда отдают на воспитание осиротевших малышей. Адрес его — заповедник «Столбы», Живой уголок. Только малыши, которые воспитываются здесь,— не человеческие ребятишки, а звериные: выпавший из гнезда птенец дрозда, маленький лосенок, у которого охотник-браконьер убил мать, вынутый из логова сын Серого Разбойника — волчонок.

Мы, работники Уголка, в этом доме и няни, и повара, и уборщики, и воспитатели. Даже лечить заболевших малышей приходится нам самим.

Хлопотливая и ответственная это работа — воспитывать звериных сирот!

Каких только лесных малышей не перебывало в нашем детдоме!

Самое трудное, но зато и самое интересное для нас время — лето. Каждый день можно ждать «пополнения»...

Конечно, не всякого малыша мы принимаем в наш «Дом ребенка». Ведь это — дом для сирот.

Если у малыша есть мать, пусть она его воспитывает, незачем отнимать его.

Вернулись из маршрута по заповеднику туристы, принесли трех крошечных, недавно вылупившихся из яиц птенцов рябчика — пушистых, глазастеньких лесных цыплят. Первый вопрос, который мы им зададим: где взяли? Если где-нибудь поблизости — исправьте свою ошибку, унесите малышей назад, на то место, где нашли. Мать-рябчиха сумеет их воспитать лучше, чем мы.

Другое дело — эти пять пестрых желторотых птенчиков-горихвостиков. С ними произошла обыкновеннейшая история: их мать попалась в лапы кошке. Кошки,

разгуливающие беспризорно,— злейшие враги всех певчих птиц. Сколько сирот в садах и лесах остается по милости тех хозяев, которые плохо смотрят за своими пушистыми любимцами! Не верьте тем, кто станет вас уверять, будто их Васенька или Мурочка на птиц не охотятся — едят только мышей!

Нет такой кошки, которая не разорит гнездо, если сможет до него добраться!

Что случилось с горихвосткой-отцом, мы точно не знаем, но совершенно уверены: если б он был жив, то не бросил бы пятерых малышей на произвол судьбы, горихвостки — заботливые отцы.

«У этих маленьких горихвостиков нет ни отца, ни матери...»

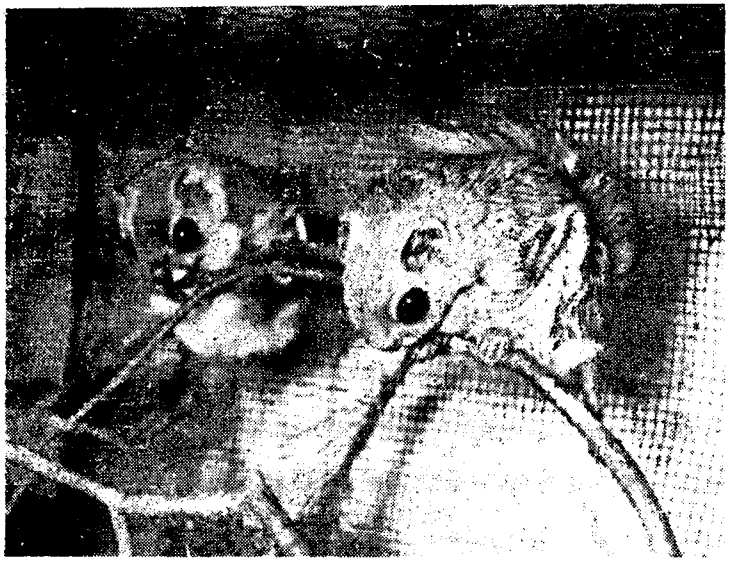
Что ж, если у пяти маленьких горихвостиков нет больше ни отца, ни матери, конечно, придется взять их в детдом.

И для сироты-лосенка Тутти, мать которого убил браконьер, нет теперь другой дороги, как стать нашим воспитанником. Еще ведь совсем глупыш — даже траву есть не научился.

Маленький «тигр-пятиполосик» — бурундучок — не сирота и, пожалуй, отлично прожил бы без нас, но и его мы примем в детдом. Бурундучки легко приручаются, их просто держать и кормить — пусть поживет в Уголке чтоб посетители вдоволь полюбовались на этого хорошенького сибирячка! В лесу-то его не каждый увидит особенно, если плохо умеет смотреть.

Единственного, оставленного охотником в живых наследника Серого Разбойника волка — мы также взяли в Уголок. Будущий волк пока больше всего похож на коричневую меховую рукавичку-мохнашку.

Попробуем воспитать его по-своему, сделать из сы



Белки-летяги.
Фото З. А. Курдюмовой

на Серого Разбойника не врага, а друга человека.

В разгар летнего сезона бывают дни, когда нам буквально некогда дух перевести.

Едва выучили крошечного зайчика Али-Бабу пить молоко с ложечки и не брыкаться, приносят второго — такого буяна, что никак с ним не сладишь. Проливает молоко, захлебывается, давится, кричит, пинается зад-

ними лапами. Недаром назвали его Сорок Разбойников!

Только воспитались зайчата: научились сами пить из блюдца, самостоятельно есть траву и осиновые веточки, как приносят Чучу — маленькую белку-летягу. Кроха (ее принесли в баночке из-под сгущенного молока), а кусается до того больно, хоть плачь!

Пока поймаешь ее в клетке, пока спеленаешь, чтоб накормить (пеленкой ей служит носовой платок),— все пальцы уже искусаны в кровь. Ну, наконец, и Чуча научилась кормиться самостоятельно. Теперь отдохнем. Кстати, в кинотеатре «Енисей» завтра идет интересный фильм «Барабаны судьбы» — посмотрим!

На руках у Е. А. Крутовской ушастая сова

Увы! Не суждено нам посмотреть «Барабаны судьбы»!

Назавтра, в выходной день (для всех, но не для нас: у нас в Уголке это самый рабочий день недели!), пришли знакомые мальчишки из Лалетинского поселка, и у старшего карманчик лыжной куртки подозрительно оттопыривается. Из карманчика торжественно извлекается сначала желторотый, невероятно взъерошенный от дол-

того сидения в кармане, еще не вполне оперившийся воробьенок (их у нас уже пять штук!), и два крошечных птенчика горной трясогузки.

— Зачем разорили гнездо?— накидываюсь на мальчуганов. Те обижены моим черным подозрением.

— Не мы же зорили! Кошка! Разве мы не понимаем? А оставить их — как? Пропали бы с голоду, и все!

Может, и не совсем так дело было, и кошка на сей раз не повинна, только сделанного уже не исправишь, птенчики принесены издалека, назад не отошлешь, придется все равно вскармливать..

Это просто ювелирная работа — кормить таких крох!

Маленькая росомаха Фикс

Клювы тонюсенькие — того и гляди обломишь. А кормить надо «дефицитными продуктами»— муравьиными яйцами с пинцета, не реже, чем через полчаса, иначе погибнут: родная мать ведь каждые пять-десять минут прилетает с кормом.

Зато как много было у нас радости, когда наши Зо-

лотые Ключики (так мы назвали желтеньких трясогузок) перестали наконец хохлиться, киснуть и, подрагивая длинными хвостиками, подпрыгивая на тонких ножках-пружинах, забегали по вольере, охотясь за мухами!

Каждого новенького нужно устроить так, чтоб ему было удобно и уютно (а понятие об удобствах и уюте у каждого звереныша свое), накормить подходящей для него пищей, а то и утешить, приласкать, если малыш расплачется, ведь звереныш — тот же ребенок: мамы нет, значит, все плохо!

Солнце и воздух звериным малышам так же необходимы, как и человеческим ребятишкам.

Чтобы из наших воспитанников не выросли жалкие уродцы-рахитики, приходится позаботиться и о прогулках, и даже гимнастических упражнениях.

Необходимы зверенышам и игрушки. А играют звереныши тоже по-своему. Нужно придумать каждому такую игрушку, которая соответствовала бы его природным склонностям и привычкам.

Сорочонок Шурик, например, играет соломинками, спичечными коробками, обрывками лент, пуговицами. Как и все его сородичи, он неравнодушен ко всему блестящему, яркому.

Орлу Грозному игрушками служат палки, волейбольный мяч, куски старой овчины: то-то удовольствие выдергивать из нее шерсть и пускать по ветру!

Мячами у нас играют многие — рысь Дикси, лисята, даже маленькая рыжая пустельга Полюшка. Только мячи у них разные: у Дикси — футбольный, у Полюшки — теннисный.

Целлулоидный теннисный мячик — любимая Полюшкина игрушка. Постукивая по полу коготками, она гоняет его по комнате, наскакивает на мячик, как на добычу: раз движется — значит, живое! Распустив крылья, с хищным клекотом ловит мяч скрюченной лапкой, снова бросается — так что мячик откатывается далеко в сторону, и устремляется в погоню за ним. А если мячик закатился в угол и лежит неподвижно, это уже не добыча, а «яичко», его надо «насиживать», и Полюшка, распушившись, садится на него, заботливо подправляя под себя клювом.

Болотная совушка Фомка Куап — пушистый глазастый чертенок с маленькими задорными рожками торчком — больше всего любит забавляться с шерстяными

носками, развешанными на печи для просушки.

Медвежонку Михе подавай игрушку посолиднее, например, листвяжную чурку килограммов этак в десять-двенадцать весом.

Наши друзья ворчат: совсем замучили вас эти звереныши! Ни выспаться, ни отдохнуть. Когда же это, наконец, кончится?

Чудаки! Как они не могут понять, что самое замечательное занятие на свете — согревать чьи-то озябшие лапки, вытирать измазанные в молоке мордочки и отыскивать носки, которые Фомка Куап опять, конечно, утащил с печки!

ТАЙГИШ МИХА

— А медведя у вас нет?

— Нет и не будет!— отвечала я всегда.— Медведь нам ни к чему. У нас ведь не зоопарк. Вырастить медвежонка, а потом его убить — так я не могу; держать взрослого медведя — ни клетки такой нет, ни прокормить его не сумеем: он ведь один половину всех кормов, какие мы на Уголок получаем, сожрет!

Но «человек предполагает, а...»

Короче: летом 1965 года появился у нас в Уголке пятимесячный медвежонок Миха. Хоть бы еще маленький: а то уже «переросток». В цирк не приняли, сказали: «Поздно. Таких больших не берем...» «Ребеночек» с добрую овчарку ростом. Поднимется на дыбы — голова вровень с моей...

Косолапый (кто-то из туристов удачно выразился: «У Михи задние лапы не на ту ногу надеты»). Каприза. Вспыльчивый: чуть что не по нему — реветь. Одним словом — сокровище! Но туристы были от нового питомца в восторге.

Первое время держали мы Миху у себя на хозяйственном дворике — на цепи. Тут Миха и принимал своих многочисленных почитателей. «Взяточник» он оказался страшный. Как увидит туристов, сейчас сядет в позу — брюхо вперед, лапы сложит и ну клянчить: «ох... ах». А явились посетители с пустыми руками, и разговаривать с ними не станет — рявкнет обиженно (что, мол, зря тревожите?) и уйдет.

Единственной управой на Миху был Кай — наша

шотландская овчарка. Кая Миха уважал и боялся: Знал: если что не так, у Кая «не заржавеет» дать ему хорошую выволочку.

Осенью перевели мы Миху на зимнюю квартиру — в клетку, где для него был сделан специальный домберлога. Мы надеялись, что он заляжет в спячку и зимой его не придется кормить. Но Миха наших надежд не оправдал и всю зиму «прокимарил», как выражаются столбисты. Целые сутки храпит бывало так, что шагов за двадцать-тридцать слышно, а подойдет час ужина, словно кто его в бок толкнул, вылезает из своей берлоги сонный, шатается, зевает и — скорее к чашке...

Тайгиш Миха

ЗАЛИСЬЕ

Маленькая, разделенная на две «секции» вольерка. Слева «ходит колесом», мерно ударяя черными лапочками в сетку и взмахивая в такт пушистым хвостом, очаровательная рыжая лисичка с лукавым и живым взглядом — это Катюшка (Кати-Сарк). Справа — на крыше деревянного домика — стоит, неподвижно застыв, лис —

красавец-брюнет в темной полумаске. Взгляд у него мрачный, с «дичинкой», пушистый хвост — с темным подпалом — это Гарик Тувинец.

Прошли мимо вольеры рыси Дикси и собачонки Воробья, мимо высокого теремка соболя Дар-Ветра, и опять — лисы. На этот раз их три в одной общей вольере. Снова умные хитрые мордочки, живые глаза, пушистые хвосты, лапки — в черных «перчатках».

Одна лиса при виде туристов подбегает к сетке, распластывается в «земном поклоне», бьет хвостом и истерически верещит. Другая, заскочив на крышу домика, отрывисто взлаивает. Третья спряталась за домиком — видим только черный носик да два темных диковатых глаза (Лесанка, Лиза-Серебрянка и Любушка-тихоня).

А через несколько вольер снова — еще раз — лисы. И здесь их три в одной общей вольере. Это «наши» лисята, рождения 1967 года. Родились и выросли в Уголке. Самый крупный из трех Тимур — копия папы — Гарика Тувинца. Та же темная полумаска, тот же диковатый, с «угрюминкой», взгляд черных глаз. Младший братишка — Жулик — «ни в мать ни в отца»— какой-то очень светлый, почти пепельный. Сестренка Фрэзи Грант — похожа на него, только чуть помельче и потемнее.

Все лисы — пушистые, нарядные, ухоженные. За лисами у нас следит наша помощница Галинка, а малыши — ее любимцы. Она их и вынянчила, когда мама Лесанка «забастовала».

— Зачем вам столько лис?

Бухгалтер заповедника Тамара Григорьевна, человек трезвый и сугубо-практический, смотрит на меня с праведным негодованием, и под ее суровым, полным законного возмущения взглядом я не нахожу, что ответить.

Да, в самом деле — зачем нам столько лис? Не собираемся же мы открыть у себя филиал зверофермы?

Как объяснить ей, что для нас это не просто восемь лис, это...

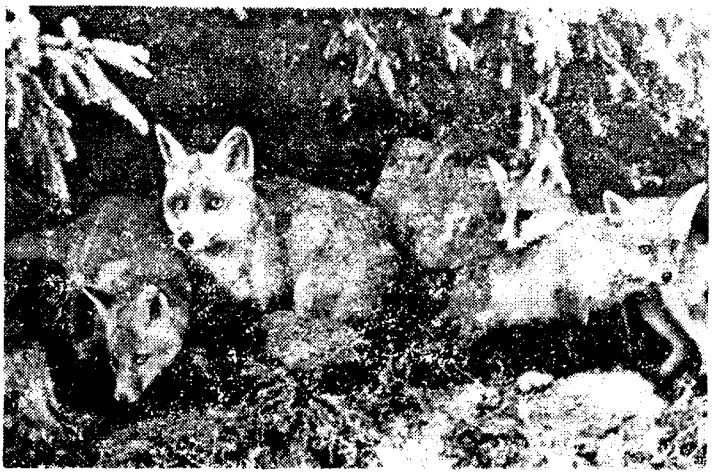
Вот, например, Гарик Тувинец.

Далеко отсюда, в горах Тувы, шел по лесу молодой геолог. И вдруг слышит — где-то смутно, под землей, плачет, жалуется на судьбу маленькое голодное существо. Оглянулся — под корнями дерева лисья нора. Звук доносился оттуда — жалобный, приглушенный.

Не поленился раскопать нору. Вытащил двух крошечных, полумертвых от голода лисят. Кто знает, что случилось с матерью-лисой, возможно, попалась в капкан. Беспомощные сироты были обречены на голодную смерть.

Геологу стало жаль малышей. Принес их с собой в лагерь, накормил сгущенным молоком...

До осени лисята жили в лагере — под походной палаткой геолога. Все лето свободно разгуливали по лагерю. Лисичка Лиза рано стала проявлять самостоятельность, частенько надолго отлучалась из «дома», а Гарик был домосед, не любил уходить далеко.



Наше залисье

Осень, когда партия кончила работу, геолог, воспитавший лисят, привез их в Красноярск. Кто-то рассказал ему про наш Уголок, вот он и подумал, что Гарику и Лизе будет здесь хорошо.

Путешествие от Тувы до Красноярска Лиза и Гарик совершили на самолете, в маленьком фанерном ящике. Ящик был с двумя отделениями, каждое — с дверкой, на одной написано «Лиза», на другой — «Гарик». В крышке и в боковых стенках проделаны круглые отверстия, чтоб лисята не задыхались. Так все было хорошо удобно придумано и сделано, что мы сразу поняли: очень

геолог любил своих маленьких питомцев и был всерьез озабочен их судьбой.

В ноябре по первому снегу Лиза Тувинка сбежала. Выскочив случайно из клетки, она ушла сразу, как будто была дикой лиской, которую ничто не связывало с людьми. Такой уж у нее был характер, она ведь еще в раннем детстве отличалась независимостью и самостоятельностью.

А Гарик остался. И этой весной стал мужем Лесанки и отцом трех наших лисят: Тимура, Кулика и Фрези.

Когда Лесанку передали в Уголок, она была совсем замученная, замордованная, тихонькая-тихонькая, и почти ничего не весила. Я даже сказала, что у нее, по-моему, отрицательный вес, почему кто-то из молодежи предложил назвать ее «Антилиса».

Подойдешь к ней — нерешительно виляя хвостом, припадет к полу. Начнешь гладить — замрет, словно неживая. За любую лапку тереби, подними на руки — не пошевелится, висит покорно, закрыв глаза, прижав ушки. Но вот какой-нибудь звук раздался вблизи и — ушки поднялись, на узкой мордочке вспыхнули живые любопытные глаза: ожила дохлая лисичка!

Лесанка сама пришла к людям. Наверное, попробовала прожить самостоятельно — и не сумела. Исхудавшая, изголодавшаяся, забежала во двор в Суворовском поселке, кинулась людям «в ноги»: — Накормите! Спасите! Погибаю!

Теперь она «главлиса». Все молодые лиски уважают ее как старшую. А этой весной, как уже было сказано, Гарик Тувинец избрал ее в жены.

Любушку-тихоню и Кати-Сарк подарил нам московский передвижной зоопарк. Прошлым летом у нас была одна единственная лиса (Лесанка), и мы с радостью согласились принять подарок — маленького ручного лисенка, которого зоопарк не знал, куда девать. За подарком поехал в Красноярск Гоша, а когда вернулся поздно вечером, из рюкзака за его плечами высовывались две рыжие мордочки — к его приезду в зооцирке лишних лисят оказалось уже пара, и обоих «сосватали» нам.

Любушка — худенькая, высокая на лапках, остроносенькая, как девчонка-заморыш, и — дикарочка. Видно, жила у людей, которые не очень-то с ней нянчились. А Кати-Сарк — низенькая, пушистая, с роскошным бе-

лым воротником и лукавыми зелеными глазами. За эти зеленые озорные глаза — точь-в-точь как у моей племянницы Катюшки — она и получила первоначально свое имя.

Катюшку прежние хозяева должно быть любили и баловали. Она всех считала своими друзьями, пока какой-то турист из той породы людей, которые считают, что «зверь должен быть зверем», ее чем-то крепко не обидел. Теперь она от чужих прячется; наверное, решила, что все туристы «бяки»— попробуй, разубеди ее в этом!

Лиза-Серебрянка, так же как и Лесанка, сама пришла к людям. Принес ее в Уголок мальчик, Витя Черепанов. Специально для нас выловил (больше недели подкармливал у себя во дворе, потом поймал за хвост!) Витя был очень горд, что сделал сам такой богатый подарок — живую лису.

Лис у нас уже было семь, без Лизы, и мы хотели было Лизу сразу выпустить, да пожалели. Такая ласковая, доверчивая лиска и лопает все что ни дашь, а от мяса — отказывается — убежденная вегетарианка!

Вот уже два месяца бухгалтерия нас «пилит», а мы с Галей мучительно решаем: кого из восьми лис выпустить на свободу?

Катюшку нельзя: у нее после перенесенного в детстве рахита, одна лапка кривая, долго бегать не сможет, не проживет на воле. Кроме того, озорная и ласковая Катюшка — наша общая любимица. Нет, Катюшку надо обязательно оставить в Уголке. В этом мы с Галей единодушны.

«Главлиса» Лесанка сама пришла к людям. Много раз она выскакивала у нас из клетки и всегда сама прибегала обратно. Кроме того, она ведь мать «наших» лисят. Столько с ней было пережито этой весной! Решаем: Лесанку надо оставить.

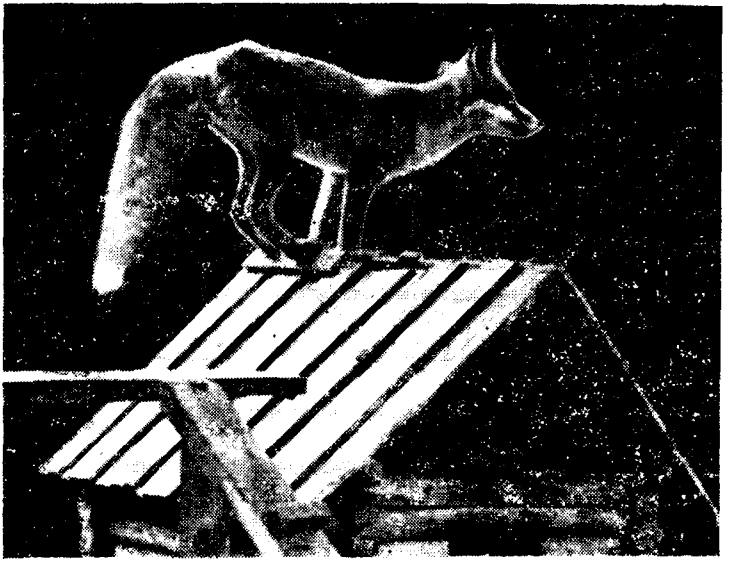
Но ведь и Лиза-Серебрянка тоже сама пришла к людям! Такая ласковая, совсем ручная лиска. Даже не рвется на свободу! Выпустить ее — наверняка, опять придет на какой-нибудь двор.

Выпустить лисят?! Насчет Жулика решительно возражает Галя — это ее право, она его вырастила, выняньчила. К Тишке неравнодушна, а Фрези и можно было бы выпустить, да ведь подросточек еще, вырос в клетке, глупышка, пропадет.

Остаются Гарик Тувинец и Любаша.

Жаль обоих, но Любаша — дикарка, а Гарик такой сильный здоровый лис, что, наверно, быстро приспособится к вольной жизни. Если уж кого выпускать, так, конечно, этих двух.

Первым выпустили Гарика. Он долго не решался выйти в открытую дверь, потом вышел — и тут же зашел обратно. Так раза три. Наконец вышел — как вспышка рыжего пламени на ослепительно белом снегу. Вышел и стал бегать по саду, так спокойно и по-хозяйски деловито, словно был не родившимся на свободе лисом, а маленькой рыжей собачкой, которую выпустили погулять, а потом позовут назад и дадут вкусную косточку.



Лис Гарик Тувинец

Нашел кусок мяса, припрятанный, должно быть, воронами Кагикаром или Каракатей, долго носил в зубах, подыскивал удобное местечко, и, наконец, закопал под большой сосной — «на черный день».

Ворон пришлось запереть — они привыкли к собакам и совсем не боялись рыжего лиса: садились перед самым его носом.

Через полчаса Гарик стал озабоченно бегать вокруг вольеры, стараясь найти дверь. Наконец, нашел и забежал к себе.

Тогда мы с Галей решили предоставить самим лисам право свободного выбора: пусть в Уголке останутся те, кто этого захочет (кроме Катюшки).

Выпустили лисичек. Дикарочка Любаша оставалась в открытой вольере почти целый день, раза два выбегала и тотчас пряталась обратно (вольера была привычным убежищем, проверенным и надежным). На другой день я увидела ее в углу сада за старой пихтой. Она пряталась от меня так же, как привыкла прятаться за домиком в вольере. Потом Любаша исчезла с территории Уголка, и больше никто из нас ее не видел.

Лиза-Серебрянка два дня бегала за мной по территории, как собачка, выпрашивая (и получая) кусочки. Лесанка убежала за ограду и часа два ее не было, под вечер вернулась и, с визгом и «поклонами», кинулась Галинке «в ноги». Мы заперли ее и утром на другой день выпустили снова. Она снова исчезла, а в обед прибежал маленький сынишка лесника — наш верный болельщик Витя: Лесанку поймали во дворе кордона, лезла в будку к дворовому псу Джеку! Тут мы ее заперли уже прочно, решив, что выбор ее сделан.

Выпустили лисят. Видели бы вы, как они играли — три огненно-рыжих пушистых лисенка на белом снегу! Металось по всему селу рыжее пламя — того гляди — загорятся дома и деревья! Так они были красивы, что я прямо чуть не заплакала от досады — киноаппарат у Джемса оказался не заряжен!

Через несколько часов мы развели их по домам и дали поужинать, а наутро выпустили снова.

Тимур, бегая по саду, забежал на веранду, прыгнул на стол, и упал оттуда вместе с самоваром (хорошо, что самовар был без воды!). Потом оказался на хозяйственном дворе в компании собак Дагни и Кая. Оттуда исчез. Под вечер подошел было к калитке — его спугнули столбисты. В сумерках Галя нашла его у ручья. Позвала — и Тимур послушно подбежал и дался в руки.

Несколько раз надолго уходил Жулик. В первый раз съел у Коли — старшего сынишки лесника — лыжные крепления (не бросай лыжи где попало!), во второй — ременную перетягу у Джемса. После этого последнего «подвига» мы его заперли.

Сутки не было Фрези. Мы было решили, что она ушла совсем, но ночью, идя через сад, я заметила легкую тень, метнувшуюся за угол дома. Позвала, и маленькая Фрези прибежала ко мне и сама запрыгнула в свою вольеру за кусочком мяса.

Долго не мог решить, остаться или уйти Гарик Тувинец. Когда четверка оставленных (Катюшка, Фрези, Лесанка и Жулик) уже сидели во вольерам, Гарик еще дней пять — то уходил, то возвращался. Поселился за вольеркой лисят, там и спал в снежном сугробе. Нашим мужчинам не доверял, завидев их, уходил, а ко мне прибегал на зов, и пока я не уйду в дом, ходил за мной от вольеры к вольере, выпрашивая лакомства. На беду я уехала в город, и на следующий день Гарик исчез совсем.

Неожиданно для нас ушла Лиза-Серебрянка и мой любимец Тимур.

В этот выходной столбисты видели двух рыжих лис высоко в щели на скале Первый столб. В окрестностях метеостанции и по лалетинской тропе полно лисьих следов.

Только бы остались наши лиски в заповеднике, не забежали куда-нибудь далеко, под выстрел охотников. Они ведь привыкли видеть в людях своих друзей и не знают, что их пушистые рыжие шубки — законная охотничья добыча.

А может быть, они все-таки надумают вернуться к нам?

Признаюсь вам, мне очень хочется, чтоб они вернулись...

ПАН КАЗИМИР

Пан Казимир был заяц. Но не тот, хорошо знакомый мне, таежный заяц-беляк, а русак — первый русак, с которым мне довелось иметь дело. Он был очень похож на шляхтича из романа польского писателя Генриха Сенкевича, и я назвала его Паном Казимиром.

Появился он у нас вместе со своей юной хозяйкой.

Подозреваю, что их обоих просто-напросто выгнали из дома после очередного «подвига» Пана Казимира. Наверное, он опять пообедал шерстяным свитером (как объяснила нам его юная хозяйка, он обожал изделия

из чистой шерсти), прогрыз дыру в одеяле или совершил еще что-нибудь столь же «героическое».

Вид у них был очень печальный,— и у хозяйки, и у самого Пана.

Ушастая голова его торчала из рюкзака у нее за плечами. Пан Казимир болтался в этом рюкзаке, голова его была заклинена в петле рюкзака, ноги с трудом доставали дно.

Морда Пана Казимира выражала полнейшую покорность судьбе, он слегка шевелил раздвоенной губой, словно говоря: «Что ж, все случается в жизни... умрем, но шляхетской чести не уроним!»

Пан Казимир

Я хотела принять его тоже достойно — из рук в руки, но, как только вытащила из рюкзака, освободив его ушастую голову из петли, Пан Казимир распрямился, словно взведенная пружина, и изо всех сил лягнул меня задними ногами.

— Нет, с ним вот так надо,— сказала девочка, решительно взяв Казимира за длинные уши. Пан Казимир тотчас перестал лягаться, затих и повис в ее руке, как воздушный шар, из которого выпустили воздух.

Пан Казимир всем нам очень понравился. Джемс Ге-

оргиевич долго сидел на корточках перед клеткой, куда мы посадили Пана, разглядывая его, трогал за уши, гладил и расспрашивал меня: кусается ли он, и если кусается, то очень больно или не очень?

Пан Казимир не кусался. Сидел смирно, поджав под себя все четыре лапы, заложив длинные уши за спину и посверкивая золотисто-коричневым глазом.

От морковки он гордо отказался, колбасу также отверг, попил немного молока и вновь погрузился в черную меланхолию.

— Да он совсем хороший заяц!— восхитились мы.— Сидит себе в клетке, никуда не лезет, можно его даже не запирать!

В течение двух дней Пан Казимир действительно сидел в клетке, ел овес, запивал молоком и меланхолически шевелил раздвоенной губой, словно размышляя о бренности всего земного.

На третий день под вечер он вдруг нацелил оба уха вперед и, как по команде «пли!», «выстрелил» из клетки.

На пути у него стоял наш маленький рыжий песик Тымой, Пан Казимир с истинно панским высокомерием не удостоил его вниманием, он просто-напросто перемахнул через Тымоя и отправился дальше, по своим заячьим делам.

Тут ему преградила дорогу Дагни, наша овчарка. Она была в три раза больше Пана, и ее он соблаговолил заметить — они понюхались.

Потом Пан Казимир встал на задние лапы, осмотрелся, опять нацелил уши и «выстрелил» в комнату. Дагни, заподозрившая его в каких-то нечистых намерениях, озабоченно побежала за ним.

Игнорируя ее присутствие, Пан стал деловито исследовать, нет ли в комнате шерстяных вещей, которые можно погрызть. Ничего не найдя, Пан Казимир разочарованно тряхнул ушами и убежал к себе в клетку подкрепиться овсом.

Дагни пришла за ним, легла перед клеткой и, просунув в дверцу лапу, осторожно потрогала Пана за нос. Пан вскочил и — бац! бац!— отбарабанил передними лапами по кормушке. Дагни отскочила, облизнулась...

И началось!

Клич «Где заяц? Смотрите за зайцем!» стал боевым кличем нашего дома. Пан Казимир возникал в самых

неподходящих местах: на обеденном столе, на подоконнике среди цветочных горшков, где он с задумчивым видом пробовал листья жасмина, оценивая их на съедобность, на кроватях, в служебном помещении метеостанции. Шевеля раздвоенной губой, он деловито осматривал метеорологическое оборудование.

Нас Пан Казимир вспоминал только тогда, когда был голоден. Проголодавшись, он разыскивал меня, поднимался на задние лапы и решительно барабанил по колену: «Давай есть!»

В других случаях он нас игнорировал, мы для него просто-напросто не существовали.

Если мне теперь кто-нибудь скажет, что русак — кроткое существо, которое всех боится и не умеет за себя постоять, я ему не поверю. Пожил бы он на одной жилплощади с нашим Паном Казимиром!

ДЕЛА ПТИЧЬИ

ПРОФЕССОР ПИНЬ-ПИНЬ

Просторную клетку у южного окна в столовой, самой большой и светлой комнате нашей квартиры, занимает Профессор Пинь-Пинь.

Профессор Пинь-Пинь (официальное его наименование — клест еловый) — специалист по еловой шишке. Шишки у нас зимой — дефицит, некогда за ними лазить по снежным сугробам, и Профессор давно уже не имеет материала для продолжения своих научных изысканий. От многолетнего кабинетного сидения Профессор облинял, потускнел, стал лысоват, но вид у него все еще представительный.

Нрав у Профессора суровый: свою «секретаршу», кокетливую курносую чечеточку, он просто-напросто выгнал из своего кабинета — не желает делить свое одиночество ни с кем. Кого только ни пытались мы подселить в его роскошную квартиру — никто не мог ужиться с Профессором больше нескольких дней.

Профессор так привык к своему рабочему месту, что можно свободно открывать дверцу клетки — он даже не подумает покинуть насиженную жердочку.

Иногда по вечерам, уютно устроившись каждый на

своей жердочке, Профессор и его сосед справа, розовый красавец Урагус, не прочь немного помузицировать. Свои партии они исполняют по очереди: Урагус — всегда одну и ту же коротенькую сентиментальную песенку, Профессор вдохновенно импровизирует.

Голубому попугайчику Мессершмидту не терпится испортить им удовольствие — в самый разгар концерта он начинает выкрикивать своим резким голосом:

— Чушь! Сплошная чушь! Чепуха!

После этого обычно начинается потасовка, совершенно, впрочем, безобидная, так как дерущихся надежно разделяет решетка клетки Профессора, и противники, повиснув на ней с двух сторон, могут оскорблять друг друга лишь на словах.

Урагус в этих стычках не участвует. Сидя на самой верхней жердочке, розовый красавец неодобрительно наблюдает за скандалом.

Поругавшись вволю, Мессершмидт, еще более взъерошенный, чем обычно, стремительно уносится на кухню — рассказать последние новости своим собратьям. Попугайчики, кувыркаясь на ветках, восхищаются его геройством и хором дружно костят Профессора Пинь-Пиня за зазнайство и устаревший музыкальный вкус.

ШУРИК

Его принесли в маленькой плетеной корзинке. Лапки у него парализованы, почти совсем не действуют, сидит «на кулачках». Полхвоста кошка выдрала, крылышки все пообтрепаны, а глазенки — живые, веселые, даже чуточку озорные.

— Каа... ка-аа! Штурик! — представился он мне, приветливо салютуя жалкими культяпками крыльев.

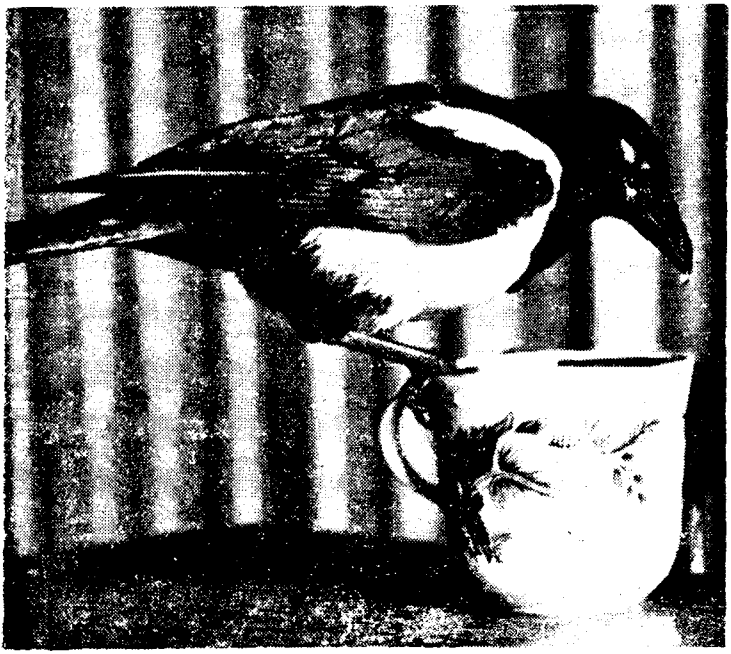
Зацепился нечаянно лапкой за лапку, запутался и упал, но тут же справился, привычно помогая себе клювом, сел, аккуратно отряхнул перышки.

Были в нем трогательное бесстрашие и какой-то вызов судьбе. Он явно находил, что жизнь — стоящая штука, и не собирался унывать из-за такой мелочи, как парализованные лапки.

А жизнь сыграла с Шуриком плохую шутку. Пока Шурик был еще совсем малышом, сидел со своими братишками и сестренками в гнезде и кушал то, что при-

носила сорочатам сорока-мама, все было хорошо. В тесноте родного гнезда не распрыгаешься, и парализованные лапки Шурика никто не замечал. Рот он умел открывать не хуже других и крылышками трепыхал навстречу маме так же активно, как все остальные сорочата.

Но не могла сорока кормить своих сорочат вечно. Наступила пора им покинуть родное гнездо на старой черемухе, вступить в самостоятельную жизнь. Братцы и сестры один за другим стали выбираться на ветки, поджидать маму у порога родного дома. А самый старший сорочонок даже решился вспорхнуть на соседнюю бере-



Сорочонок Шурик.
Фото А. П. Манжулы

зу. И получилось! За ним и другие — порх, порх! Кто на березу, кто на сосну, что росла на опушке. Прилетела сорока-мать и видит: все ребятишки уже повылетали из гнезда, остался дома один-единственный Шурик.

— А ты чего сидишь?— спрашивает мама у Шурика на своем сорочьем языке.

— У меня почему-то лапки не слушаются! — отвечает Шурик.

— Глупости!— рассердилась мама.— Просто ты трусишь! Вот не дам червяка, пока не выберешься на ветку!

Шурик был послушный сорочонок. Он честно хотел выполнить мамин приказ. Помогая себе крылышками, подобрался к самому краю гнезда и — кувырк вниз головой. Подвели парализованные лапки, да и крылышки были у него совсем слабые — не удержали в воздухе.

Тут только поняла сорока-мама, что ее младший сынок — калека.

Законы леса суровы. Может быть, мама и пожалела бы Шурика, как-никак родное дитя, да все равно маленький калека был обречен. В лесу ведь нет ни больниц, ни приютов для инвалидов. Все больные, слабые по законам леса не имеют права на жизнь.

Но когда Шурик упал на землю и сидел на дорожке, испуганный, оглушенный своим падением, чья-то рука подняла его. Рука была маленькая, вся в царапинах и цыпках — мальчишкина рука. Шурик закричал, решив, что его сейчас съедят. Горестным воплем отозвалась на его крик сорока-мать...

С этого момента закон леса потерял над Шуриком свою власть. Шурик попал к людям. А у нас, людей, свои законы: погибающего — спасти, слабому — помоги, больного — вылечи.

ВАРНАК

Он должен был играть главную роль в кинофильме «Варнак и Кирюшка», но съемка фильма не состоялась, потому что — хотите верьте, хотите нет — он обиделся!

Конечно, получить щелчок по носу каждому неприятно. Но он был сам виноват — кто его просил совать нос в чужие дела? Я терпела все его вороньи художества, но когда он взялся за почвенные термометры на площадке метеорологической станции... да, сознаюсь, я поступила непедагогично: хлопнула его по носу книжкой. Надо же было отучить его хозяйничать хотя бы на метеоплощадке!

Он выронил термометр, отскочил, глянул на меня своим круглым глазом да как крикнет:

— Р-раз так, про-рощай!— взмахнул крыльями и... только я его и видела.

Оказывается, вырос мой вороненок, возмужал. Из нахального растрепы-подростка превратился в гордую птицу, не простившую мне обиды. Проглядела я, не заметила, когда произошла в нем эта перемена!

Очень у меня сейчас неуютно на сердце. Все прислушиваюсь: не раздастся ли за окном знакомое карканье? Да нет, где уж там! Не прилетит больше Варнак. Улетел навсегда.

Его нет уже неделю. И, между прочим, вместе с ним исчезли из окрестностей метеостанции и все «рыцари ордена Черного Роджерса»— вороны и вороны, его дикие собратья. Словно все они только и дожидались Варнака, чтоб откочевать из наших мест.

В последнее время они целые дни околачивались у поселка. Каждое утро несколько диких ворон являлись сюда — выяснить, не надумал ли, наконец, Варнак присоединиться к ним. Они рассаживались на пихты около метеостанции и долго и нудно каркали, вызывая Варнака для переговоров. Мой племянник Ваня утверждал, что вороны посылают за Варнаком посольство, и это было очень похоже на правду.

Удивительно, сколько времени и энергии затрачивали эти умные птицы на нахального вороненка, который плевать хотел на все их уговоры. Оказывается, «рыцари ордена Черного Роджерса» на редкость дружный народ. Я начала даже уважать их. Никак они не могли оставаться равнодушными к участи своего собрата, сбившегося с правильного вороньего пути.

Варнак не поддавался ни на какую агитацию. Он всячески демонстрировал свою дружбу с нами — исконными врагами вороньего племени — и вообще держал себя со своими соплеменниками в высшей степени нахально.

В тот последний вечер в качестве послов явились два почтенных ворона. Они, несомненно, занимали высокие посты — возможно, это были магистры «ордена», хранители его традиций. В манерах их было благородное достоинство, выгодно отличавшее их от прочих — крикливых и острых на язык членов братства. Усевшись на

старой развесистой березе, послы приступили к дипломатической миссии.

Я, конечно, не знаю вороньего языка. Но, так как я догадывалась, о чем идет речь, мне казалось, что я различаю отдельные слова и фразы.

— Р-р-родная кр-р-ровь,— назидательно каркали вороны, раскачиваясь на тонких ветках. Ветер заносил хвосты в сторону, и почтенным магистрам трудно было сохранять важный вид.— Р-р-родной во-р-роний нар-р-род... Ор-р-рден Чер-р-рного Р-р-р-роджер-р-р-рса... Р-р-р-романтика... Гор-р-ризонты... Пр-р-росторы...

Уже через пару минут Варнаку надоело слушать.

— Дур-р-раки! А жр-р-рать что?— нахально каркнул он и улетел в сад. Уселся на спинку скамьи и принялся демонстративно чиститься, словно не было ему другого времени заняться своим туалетом.

— Жр-р-ратва... квар-р-ртир-р-ра... и все задар-р-рма!— прокаркал он после паузы.— Р-р-расчет? Стар-р-рье!

— Бор-р-роду отр-ррасти, р-р-рожа!— оскорбленно проворчал один из магистров, не удержавшись на объективных позициях.

Варнак выпростал лапу из-под крыла и почесал за ухом. Борода у него действительно еще не выросла.

— Устар-р-рело!— крикнул он, повернувшись к послам спиной (кстати сказать, самая удобная позиция, когда больше нечего сказать).

— Позор-р-р! Позор-р-р!— прокаркали послы и дружно поднялись в воздух.

— Стар-р-рые бр-р-рехуны!— подытожил Варнак презрительно.

Тогда я не поняла, что желторотый слеток только делал вид, будто ему плевать на общественное мнение. Что он просто-напросто дразнил стариков, а сам прикидывал, что «старье-то, пожалуй, дело говорит: есть в мире вещи поважнее даровой жратвы...»

Что ж, все правильно. Жаль мне, конечно, расставаться с Варнаком, да и фильм «Варнак и Кирюшка» так и остался неснятым, но вообще-то я считаю, что Варнак принял единственное верное решение. Не годится вороне жить с людьми, место ее — среди ворон, в обществе себе подобных. Кем был бы Варнак среди нас? Нахлебником, а теперь он — равный среди равных!

А вы как думаете?

У НАС СОБАКИ

ДАГНИ

Анкетные данные: высота в холке — 59 см, масть — серая, порода — восточно-европейская овчарка. Кличка — Дагни.

«Дорогой мой человек!

Поздравляю себя с Днем рождения!

Увы, никак не могла придумать, что бы тебе подарить,— нет у меня никакой собственности, кроме моего собачьего сердца, а оно уже давно отдано людям, в числе которых и ты.

Поэтому ограничусь пожеланиями:

желаю тебе каждый день иметь полную чашку вкусных мозговых косточек и столько сахару, сколько тебе захочется съесть;

желаю, чтоб тебя каждый день пускали гулять без поводка и намордника;

желаю, чтоб Та, которую ты любишь, была для тебя всегда Самая Лучшая на свете;

желаю тебе также большой и бескорыстной Дружбы. Помни: Дружба не менее драгоценна, чем Любовь, хотя вы, люди, часто об этом забываете.

Жму твою лапу и, подняв черный нос к звездам, салютую тебе голосом ровно столько, сколько ты жил на свете. И если бы Хозяин, который, подобно всем людям, ничего не понимает, не сказал мне «фу», я пролаяла бы еще двести раз — столько я желаю тебе еще жить!

Навеки твоя Дагни».

Нет, никогда Дагни, восточно-европейская овчарка серой масти, не посылала такую телеграмму: Дагни ведь не умеет писать. Но если б умела, уверяю вас,— такая телеграмма обязательно была бы послана!

Не знаю, как насчет всего остального, но несомненно

одно: все наши домашние животные — бесконечное многообразие ныне существующих пород лошадей, кур, голубей... возникли по воле Творца, только не бога, а человека.

И самое совершенное создание его — собака. Так по крайней мере утверждают кинологи: собаководы и собаколюбы. Создавая современные породы собак, Творец-человек входил во вкус этого увлекательного занятия не сразу. Вначале требования его были строго утилитарными, отвечавшими примитивным потребностям того времени. По такому принципу была сотворена древнейшая из собак — полудикий предок лайки. Ее жизненным

Дагни и Ужас

предназначением было охотиться для Бога-человека, охранять от хищников его стада, возить его нарты, голодать и умирать под ударами его дубинки или ножа, когда так угодно человеку. Нередко Первая Собака восставала против своего творца. Она еще могла обойтись без него. Она была примитивна и жестока, как примитивен и жесток был тогда человек.

Вместе с переменами во вкусах и потребностях человека изменилось и его творение — собака. За долгое время совместной жизни бок о бок с человеком собака постепенно разучилась существовать без него. (Нет более несчастного, угнетенного и жалкого создания, чем без-

домная, отвергнутая собака. Помните это — лучше убейте, но не выбрасывайте из дома!). Она научилась безответной покорности человеку-хозяину. И теперь, когда он поднимал против нее громовую палку-ружье, смертельно раненная, истекая кровью, она приползала умирать к его же ногам.

Такова современная лайка. Такова — колли и другие древнейшие породы собак.

Увлеченный процессом творения, учитывая требования эпохи, человек создавал все новые варианты. Он создал разнообразнейшие породы, из которых многие теперь уже забыты. Сотворил таких замечательных специалистов, как такса и спаниель, свирепого дога, быстроногую борзую, веселого азартного фокстерьера, полного священной преданности попавшему в беду человеку — сенбернара.

В «последний день творения» была создана восточноевропейская овчарка.

Она универсальна. Она современна. В ней будто отражены все противоречия, вся сложность нашего века. Весь облик овчарки военизирован: строг, в нем нет ничего лишнего. Овчарка подтянута, мускулиста; гладкая блестящая шерсть облегает ее стройное тело, как военный мундир. Она ходит легкой пружинящей походкой, по-военному чеканя шаг.

В ней заключены тысячи возможностей. Она — мягкая глина в руках того, кому принадлежит. Из нее можно сделать все: няньку, пастуха, часового, отважного героя и подлого убийцу. Она твое зеркало, Хозяин. Она такова, какой ты сам ее сотворил.

Такова наша Дагни.

Я терпеть не могу собак, которые давят все живое, что им попадается. Поэтому первое, что я постаралась внушить своей собаке: все птицы и зверушки — «табу».

Когда Дагни выросла, она стала моей помощницей в воспитании лесных сирот.

Овчарка-сторож, с яростным лаем бегающая на цепи за высоким забором,— обычное зрелище. А овчарка-няня? Это непривычно и потому удивляет, но ведь в этом и состоит, в сущности, подлинное призвание овчарки. И как приятно глядеть на нее, когда она находится при исполнении своих прямых обязанностей! Как заботливо и бережно обращается она с порученными ее надзору малышами!

Со щенячьего возраста Дагни привыкла всем уступать: место возле хозяйки, вкусную косточку, первую утреннюю ласку хозяина. Сначала уступала Ю и Тымою — двум стареньким рыжим дворняжкам, потом всяким лесным «кутям», которых я объявляла неприкосновенными, рыси Дикси и, наконец, Каю. Каю — особенно. Многим супружеским парам стоило бы поучиться у Кая и Дагни, как дружно жить между собой! Кай, может быть, и затеял бы иногда скандал, но с Дагни поссориться невозможно. Она виляет хвостом и улыбается, со снисходительным достоинством старшей. Хочешь эту косточку? Возьми, мне не жалко. Хозяйка даст мне другую... Хочешь лечь на этот матрасик? Ложись, пожалуйста, я под столом устроюсь... И Кай отходит обезоруженный — нельзя же заводить ссору совсем без причины, только потому, что тебе к шерсти прицепился репей и у тебя скверное настроение!

Если Джемс Георгиевич замахивается на меня или Кая каким-нибудь «оружием» (ремнем, веником) или начинает угрожающе щелкать игрушечным пистолетом, Дагни прыгает на него и вырывает «оружие» из рук, хотя по глазам ее видно, что она отлично понимает: это только шутка. Или вцепится в сапог и волочится за тобой по всем комнатам, мешая отбиваться от нападающего всерьез Кая,— он все делает всерьез!

Не может Дагни выносить спокойно, когда играют в снежки: немедленно ввязывается в игру и вносит в нее столько страсти, лая и визга, что зажимай уши и беги прочь!

Никто не занимался всерьез ее образованием, и все же Дагни многое умеет. Например, отыскивать и приносить потерянные вещи. Как-то, гуляя с ней у Первого столба, Владимир Дмитриевич, «личный» друг Дагни, уронил в траву крышечку с объектива фотоаппарата. Шутя говорит Дагни: «Хоть бы ты мне помогла найти потерю, а?» Глядит, а Дагни несет ему в зубах потерю... Как-то подобрала на полу иголку и положила мне на ладонь: не теряй!

Проголодавшись, она приносит в зубах свою чашку и настойчиво сует в руки. А то и на колени бухнет с размаху — корми!

Она понимает многие слова и даже фразы.

Однажды она сильно поранила себе лапу. Тогда и

была кем-то из нас произнесена роковая фраза: «Нужно прижечь лапу йодом».

Сказано — сделано. Дагни колотила хвостом по стульям, прятала нос нам под мышки, лизалась, прося пощады, но лапу ей все-таки прижгли. Рана скоро зажила, и все мы об этом эпизоде давно забыли, пока кто-то не повторил в ее присутствии роковые слова. «йод» и «лапа». Как только эти слова были произнесены, Дагни прижала уши, хвост между лапами и — скорее к себе на матрасик. Улеглась и лежит с видом обреченной жерты.

Теперь лучшая управа на нее, когда она не слушается, эти два «волшебных» слова: «лапу — йодом!»

Но так как Дагни все же только собака, ей свойственно иногда крупно ошибаться. Так, ее собачье ухо бессильно уловить разницу между такими, например, словами, как «йод» и «еж». Как-то в разговоре было произнесено слово «еж», и Дагни, с достоинством восседавшая с нами вместе за столом, вдруг скисла, прижала уши и стала тихо сползать под стол.

Впрочем, постепенно она поняла, что мы ее просто, как говорится, «заводим», и, услышав страшные слова, с визгом кидалась на того, кто их произнес, норовя лизнуть обязательно в самые губы — вот тебе, получай!

За столом Дагни ведет себя вполне благовоспитанно. Она позволяет себе забираться на диван только в тех случаях, когда «принимает» своего «личного» гостя Владимира Дмитриевича или когда ее пригласят занять место рядом. Восхищенные глаза ее устремлены на сахарницу. Ах, если б собакам разрешалось, как этим счастливцам — людям, самим брать сахар из сахарницы столько, сколько захочется! Она терпеливо ждет, когда ее угостят, и только быстрые движения языка, слизывающего слюну, выдают ее нетерпение. Но вот когда на столе появляется колбаса... нет, конечно, Дагни, как благовоспитанная собака, никогда не позволит себе взять самой. Но колбаса так пахнет, что с языка капнуло, и прежде чем Дагни успела понять, что произошло, ей сердито кричат «фу!» и отсылают на место.

Ко всем нам Дагни бесконечно снисходительна. Кай способен внезапно вспылить, зарычать, даже слегка схватить зубами мою руку, если считает меня неправой. Дагни же относится к хозяйским слабостям и капризам с терпением и кротостью хорошо натренированной нянь-

ки, которая никогда не позволит себе рассердиться на маленького.

У нас много друзей, которые часто навещают нас на «Столбах». Дагни помнит их всех. С чужими она недоверчива и сурова, как и положно овчарке, но тот, кто «принят в доме», может быть совершенно спокоен за целость своих брюк — память у Дагни отличная. Впрочем, у нее есть симпатии и антипатии. Наш знакомый, некогда обидевший в присутствии Дагни ее «личного» друга, навсегда потерял право входа к нам.

Шаги своих «личных» друзей Дагни слышит еще во дворе. Она с визгом кидается навстречу, и тут уж крепче держись на ногах и береги лицо — Дагни налетает как вихрь и старается лизнуть в губы, в нос, одновременно изливая переполняющие ее нежные чувства разнообразнейшей гаммой визга и лая. В такие минуты особенно заметно, как ей не хватает умения говорить по-человечески!

КАЙ

Породистый черно-белый колли.

Родился в Ленинграде и великолепен, как этот старый город. В паспорте — имена медалистов, сплошные «фоны»: Айо фон Вест-ланд, Арго фон Тюринген — Вальд... (это по материнской линии). Родословная отца — тоже медалиста — неизвестна. Отец — трехцветный красавец-колли — был задержан на финляндской границе: четвероногий перебежчик паспорта при себе не имел... Наречен Рексом и передан Ленинградскому клубу служебного собаководства... Такова неофициальная версия, рассказанная нам одним «соотечественником» нашего Кая — ленинградцем, любителем кинологом.

Несмотря на свое безупречное происхождение и солидные рекомендации клуба, Кай имеет кое-какие недостатки: мускулы и челюсти слабые, манеры расхлябанные; чересчур уж шелков и махров. Но красив, изыскан. Таких можно видеть на полотнах старинных художников.

Родоначальники породы (те, чьих имен нет в Родословной!) были серьезными рабочими собаками-пастухами, охранителями стад. В горах Шотландии, в холодном суровом климате, среди опасностей и лишений выживали не самые красивые и изысканные. Выживали

сильнейшие, самые закаленные, самые отважные, лишь те, кто умел забывать о себе на службе у хозяина. Преданность хозяину и верность долгу стали для них законом жизни.

Знатные предки Кая в Германии были натасканы для охоты на человека. Они оставили Каю в наследство вспыльчивый нрав, неуживчивость, обыкновенно несвойственные колли.

Некоторые из предков принадлежали женщинам, и это тоже сказалось на внешности и характере их последнего потомка. Женщины, жительницы больших городов, ценили в собаке изысканность и аристократичность, ра-

Друзья.
(Маленький Миха, Елена Александровна и Кай)

бочие качества колли их мало интересовали, интеллект — тоже.

Дагни учится легко и охотно, она схватывает все новое, как говорится, на лету. Кай — консерватор по натуре, он знает собственно лишь то, с чем родился, что вложено в него, как «опыт предков». Учиться чему-либо новому — ниже его достоинства.

Летом он охраняет у нас хозяйственный двор. Эту обязанность Кай взял на себя сам. Зря не взлает. Лежит посреди двора в величественной позе, но все время настороже.

Сделала я кому-нибудь замечание на шум у вольер — Кай уже тут как тут, грозным лаем и прыжком на ограду подкрепляет мои слова.

От родоначальников породы — пастушеских собак горной Шотландии — у Кая непреодолимое стремление «всех и вся» пасти, кружить вокруг несуществующей отары. Это выглядит нелепо, ненужно, ведь «законы жизни» давно изменились для колли.

Три года назад во дворе сидел на цепи медвежонок Миха. Туристы валили валом. Каждому обязательно хотелось не только посмотреть поближе, но и потрогать медвежонка. Если б не наша «внутренняя охрана»— Кай и Дагни, мы просто захлебнулись бы в туристском потоке. Но Кай и Дагни стояли на страже и впускали в в калитку только после того, как мы произносили «волшебное слово»: «пропуск». Калитка открывалась, туристы входили гуськом, и каждого входящего Кай и Дагни бдительно обнюхивали.

После этого турист, «запущенный» во двор, вел себя очень тихо и дисциплинированно, и пока «не нарушал», мог быть совершенно спокоен за целость своих брюк и куртки.

Но если кто-нибудь, отстав от группы, пытался прорваться в калитку уже после того, как «обнюханные» благополучно проследовали к медведю, Кай накидывался на опоздавшего с сердитым лаем.

Для опоздавшего требовался отдельный «пропуск»! Без «пропуска» договориться с Каем было невозможно.

Ничего больше Кай не умеет, кроме как нравиться девушкам, стеречь двор, пасти «отару»— за неимением овец согласен на туристов.

Впрочем, для потомственного аристократа с такой пышной родословной и это — немало!

ВУЛЬКА

Мать Вульки — волчица, а отец — бродячий барбос. Вот откуда у Вульки белое пятнышко на груди, белый

кончик хвоста и прекрасные карие собачьи глаза. Вот почему она умеет выть по-волчьи и может по-собачьи вас облаять. Вот почему ее первый хозяин-охотник не получил за нее премию, которая выплачивается за голову каждого добытого волчонка.

Шкурки Вулькиных братьев были посланы в Москву на экспертизу, Вулька вытянула «счастливый билетик» — попала к нам в Уголок.

К тому времени, когда московские эксперты прислали заключение, состоявшее из двух слов: «Не волки», мы так же коротко могли бы возразить: «Но и не собаки».

Вулька

Премия за маленьких найденышей так и не была выплачена. А зря: такие помеси могут причинить вреда не меньше, чем чистокровные волки. Охотник, хозяин Вульки, клялся и божился, что добыл щенят из волчьей норы. Если это правда, то останься выводок в живых — много бы бед он мог натворить.

При малой величине — должно быть, отец-барбос

был некрупной породы — от волчицы-матери унаследовала Вулька характерный волчий облик: пушистую шерсть типичного волчьего окраса, пышный хвост «поленом», уши торчком и остроносую морду.

Характером она тоже в волчицу-мать: обид не прощает. Попробуй ударь: сразу пышная волчья грива — дыбом, в глазах загорается зеленый огонь, и Вулька прыгает на тебя, по-волчьи щелкая зубами.

Умна, очень умна, но по-звериному, не по-собачьи: для себя, не для нас. Что-нибудь промыслить, стянуть потихоньку колбасу из рюкзака, найти лазейку в заборе... Ну, а учиться собачьей премудрости — выполнять команды: «ко мне!», «рядом!», «апорт!» — Вулька не желает. Это — ниже ее достоинства.

Попробовали мы приставить Вульку «к делу». Посадили на цепь у зимнего помещения — пусть караулит, не пропускает чужих. Но Вулька десятерых, совсем незнакомых, пропустит, виляя хвостом, а одиннадцатому, старому знакомому — брюки в клочья! Причем совершенно ясно, что руководствуется она при этом не каким-нибудь высшим соображением собачьего долга, а исключительно своими личными симпатиями и антипатиями, которые, к сожалению, часто не совпадают с нашими.

Вдруг оказалось, что Вулька нашла себе любимого хозяина. Это — Гоша, наш помощник. Он несколько раз брал Вульку с собой в лес, и Вулька неожиданно для всех привязалась к нему покорно и преданно.

Нас с Джемсом Георгиевичем она только терпит. Вернее, милостиво разрешает нам себя обслуживать. Кормлю ее по-прежнему я, но, по-моему, она уверена, что я состою у Гоши на службе и что Гоша приказывает мне давать ей вкусные косточки на ужин.

Мне ее почему-то жаль. Плохо жить на свете, когда ты «серединка на половинку»— ни то ни се.

НИКИТА — КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ

Пятнадцатого февраля 1973 года в нашем доме впервые появилась собака охотничьей породы — двадцатидвухдневный сеттер-леверак («блюбельтон»).

— Как зовут вашу собаку?

Как только не зовут нашу собаку!

Неваляйка. Ландыш (в минуты нежности). Невыливайка (та самая, из которой все выливается). Черника в сливках (черники все больше, а сливок все меньше). Но, наверное, все-таки будет Никита. Во избежание неверных ассоциаций: Романович. Князь Серебряный. Сначала это была даже не собака, а просто толстая белая колбаска на коротких лапках, с большим черным пятном на левом ухе. Но уже через несколько дней белая колбаска начала проявлять себя как личность.

Очень обиделась однажды, не найдя в башмаке хозяйкину ногу.

Никита очень обиделся однажды... Сел на башмак и заплакал...

Села на башмак верхом и заплакала.

Сегодня нашей собаке уже полтора месяца. Глаза еще неустановившегося цвета — неопределенно голубые, на носу — две светлые заплатки, а на розовых пятачках — черные. Одно ухо из черного мятого бархата, а у второго подкладка черная. Лапы, уши и хвост живут сами

по себе, и управлять всем этим хозяйством собака еще не научилась. Когда бежит, правое белое ухо почему-то всегда перевешивает, а задние лапы заносит то вправо, то влево — точь-в-точь подвыпивший морячок.

Старый Кай — последний представитель славной династии овчарок, многие годы царивший в нашем доме, вначале отнесся к появлению Никиты трагически: ушел из дома, лег на снег и решил умирать. Он был стар и горд и знал Закон жизни: когда в дом приходит щенок, старому псу в нем нет больше места. Но оказалось, что он ошибся: ведь щенка необходимо воспитывать, а кто сумеет сделать это лучше старого мудрого колли?

...Белый, бестолковый щен, ползая по полу, ткнулся мордочкой в узкую аристократическую морду старика. Тот, мгновенно вспылив, рявкнул и ударил зубом: щен залился тоненьким испуганным плачем, и Кай взглянул на Хозяйку мрачным гордым взглядом, ожидая заслуженного (он понимал это!) наказания. Но Хозяйка погладила худую костлявую спину, приласкала да еще и прикрикнула на щена: нечего жаловаться, сам виноват — не лезь к Каю!

Щен, конечно, ничего не понял, а Кай понял, что его место в доме по-прежнему за ним, и утешился.

...Играли в зеленого крокодила. Хозяйка бросала и командовала: «аппорт», а Никита бегал за крокодилом и таскал его в зубах Хозяйке. Вдруг явился Кай. Встал над крокодилом и верхнюю губу собрал в складочки: не смей, мое! Взял в зубы, а удержать не может — зубы больные. Выронил. Потом все-таки тихонько поднял, отнес Хозяйке, положил перед ней. И даже раза два сбегал по-молодому по команде «аппорт!» вместе с Никиткой, чтобы доказать, что не совсем уж одряхлел, рано еще списывать из собак.

Умучился. С грохотом бросил свои кости на подстилку и уснул. Никита притащил крокодила, верноподанно примостился рядом.

...Каю говорят: «Кай, Никита шалит!» Кай вскакивает, ворчит низким грозным басом, а Никита начинает носиться из комнаты в комнату, прячется под кровать, кресло, диван... Страшно и вместе весело!

Запомнил. Сегодня, когда произнесли эту фразу, не дождавшись реакции на нее Кая, звонко, задорно в ответ: «Тяф!»

Первое знакомство с дичью произошло, когда охотничьей собаке было еще меньше месяца. Сидела собака у хозяйкиной постели. Хозяйка спит, собаке скучно. Вдруг — хлоп! — со стола на постель — большой, черный, с красными бровями (ручной тетерев-косач Петька). И пахнет. Дичью пахнет. Охотой. Припала собака, застыв в первой за свою жизнь стойке. Нос вперед, лапка приподнята, хвостик подрагивает. А черный на нее — шш... чуффы! Собака — носом в одеяло, уши — как тряпочки: «Меня нет!» Посмотрел черный — верно, нет, померещилось. И протопал мимо.

Растет собака. К двум с половиной месяцам уже ходит с Хозяйкой в Уголок на работу. Правда, день дню неравен. Вчера совсем молодцом —«не потерял» по дороге ни ушей, ни хвоста. Вообще сдал дорогу па пятерку: убежав вперед, сам без зова вернулся к Хозяйке, не прилип к туристам, шел по дорожке впереди Хозяйки и все время оглядывался — тут ли?

А сегодня — совсем плохая собака! Обалделая от весеннего солнца и ветра, от тысяч запахов, которые бьют в нос. Забыл о Хозяйке, о Достоинстве Породистого Щенка. Шлепает розовыми пятками по лужам, играет со снежками. Удрал за ворота и лопал там конский говяш, как какая-нибудь бесхозная шавка.

Маленькому ничего не было страшно, а подрос — и начали возникать ниоткуда всякие страхи.

...Как-то спал на перинке Кая в столовой под телевизором. Услышал громкий топ, открыл глаза и увидел — из кухни ступают огромные чужие сапоги. Впервые в жизни залаял по-чужому, а Кай как рявкнет! И так это все страшно было спросонок: и сапоги, и собственный лай, и оскаленная пасть Кая возле мордочки, что вдруг, неожиданно для самого себя, шарахнулся в сторону, перевернулся и взрослый лай закончился жалким щенячьим воплем — ай-ай-ай-ай! Когда взяла на руки утешить, «штанишки» оказались мокрые.

А чужие сапоги были Колины (зятя). Это спросонок показалось — чужие.

Никитке три месяца. Глаза у него из голубых становятся карими (сейчас они цвета дымчатого топаза), а

по всем швам прорастают буйные шелковые махрутики. На конце хвоста начинает завязываться узелок, но хвост еще гладкий, чисто белый, а вся собака — в черных и белых кляксах.

Мы с моим внуком Андрюшкой установили, что у Никитки не только вся шерсть в кляксах и пятнах — большие темные пятна и на голом пузе, и на «червячке». А когда раскрыли собаке пасть, оказалось, что и пасть — пятнистая. Андрей вполне логично предположил, что и внутренности у нашего Никитки тоже пятнистые.

Как-то совсем незаметно — за несколько дней — толстый трогательный щен превратился в подростка с тонкой талией и непомерно длинными большими лапами. Как всякий подросток, настойчиво утверждает свое «я». Дружит с ребятишками на равных. Начал дерзить Каю.

Все чаще припадки трусости. Вчера испугался лошади — убежал с прогулки домой, драпал позорно, поджав хвост. В лесу, как волчонок, настораживается при любом шуме. При виде чужих — вся шерсть дыбом и — на уход. Защитник!

Все мои собаки начинали ходить в ошейниках сразу — с того дня и часа, как на них надевали эту необходимую деталь собачьего туалета. Без всяких переживаний. Никита же воспринял ошейник как смертельную обиду, нанесенную его собачьему достоинству. Он бился головой об пол, рычал, визжал и драл ошейник задними лапами.

Несмотря на все его протесты, ошейник был оставлен на нем на ночь.

Выспавшись и обнаружив на себе «врага», Никита впал в совершенное отчаяние. Лег перед чашкой полной вкусного супа и стал умирать. Выбежал на улицу, вырыл большую яму в куче опилок, засунул в нее ошейник... вместе с головой. Не помогло. Позвали на прогулку. Но и прогулка не принесла радости. Тщетны оказались все попытки затащить ошейник подальше в лес — ошейник упорно возвращался назад вместе с Никитой. Хотел напугать ошейник сердитым рычанием (вдруг отцепится?), но и рычание не помогло.

Только дней через десять привык, смирился.

Кай заметно слабеет. Это не только старость, это болезнь, которая точит его изнутри. Почти ничего не ест,

дыхание затруднено, как у старика, страдающего одышкой. Потускнела некогда великолепная шерсть — роскошный черно-белый наряд «королевского» колли.

Но в старости и болезни он не становился капризным и злобным брюзгой в тягость всем и себе. С великолепным достоинством он держит «в узде» свой вспыльчивый нрав и, несмотря ни на что, продолжает выполнять все добровольно взятые на себя обязанности — охранять усадьбу и опекать малышей.

На днях (июнь уже раскинул в лесу свои красочные ковры, и ночи снова полны до краев песнями красношеек) в нашем доме появилось новое лесное дитя — трехдневный детеныш сибирской косули — Хмелек.

Когда-то очень давно, когда мы с Джемсом Георгиевичем были еще молоды, у нас был Таныш. Он подарил нам много чудесных минут, позволил нам заглянуть за зеленую дверь царства Лесной Сказки — и исчез. Не погиб, не был убит, как некоторые другие наши питомцы, исчез, как исчезают все волшебные существа — растворился в солнечном блеске, в красочном хаосе июньских дней.

Потом был Пик, было еще много других. Но такого — не было. И много лет я держала по ночам свою дверь открытой — все надеялась снова услышать легкий стук крылатых копыт, ощутить мимолетное ласковое прикосновение, теплое душистое дыхание, ждала, что Таныш — первый и единственный — вернется.

И это случилось. Таныш вернулся. Только теперь его зовут Хмелек.

Он слабенький, болезненный. Дважды я едва отстояла его у смерти. У него непомерно длинные, подгибающиеся ножки, очаровательная головка, большие темные глаза, затененные густыми ресницами. Три маленьких колокольчика на тоненькой ленточке кажутся большими и тяжелыми на его хрупкой шейке.

Кай сразу взял его под свою защиту. Никитке нравится лежать с ним на шкурке и вылизывать ему мордочку.

А сегодня кончилось Никиткино детство: в доме появился Рикки.

Что такое Рикки? Крошечная живая игрушка из «синтетического» меха, чистенькая до нереальности. Мос-

ковский длинношерстый той-терьер двухмесячного возраста.

Продавались четыре холодные лапки
И черный мокрый носик.
Был в угоду нелепой моде
Обрублен рыжий хвостик.
Мы купили все холодные лапки,
Купили и мокрый носик,
И так жалеем, что не успели
Спасти и рыжий хвостик...
(Очень нам без него плохо — даже улыбнуться нечем!)

Кай, мне кажется, не понимает, что Рикки — собака. Он сразу, не колеблясь и не ревнуя, включил его в число своих подопечных малышей. Ревниво следит за оболтусом Никиткой — чего доброго, замучит ребенка. И действительно — Никитка в восторге от живой игрушки, всю ее замусолил. Теперь он — старший.

Июнь — месяц торжества жизни — в этом году отмечен в нашем доме смертью. Вчера еще мы были на Нагорье в своих любимых местах под Вторым столбом, и за старшего у нас был Кай. Ему трудно было идти, он задыхался, но оставить его дома — значило бы нанести старику смертельную обиду. Как всегда, Кай школил Никитку и опекал малышей — Рикки и Хмелька. А сегодня мы похоронили Кая рядом с Дагни с юго-восточной стороны нашего дома.

В последнюю ночь Кай много раз подходил в темноте к моей постели; задыхаясь, касался моего лица горячим сухим носом, словно просил помочь. Я растирала ему горло, ласкала, он отходил, ложился, чтоб через полчаса-час подойти снова.

А днем все было кончено.

Жизнь продолжается. Цветут травы в тайге. С шумом взлетают в кустах дроздята — глупые доверчивые слетки, еще не искушенные опытом. Теряя на бегу хвост и уши, гоняется за ними непослушный, необразованный охотничий пес Никита. Эх, Кай, Кай, рано ты нас оставил, кто теперь научит этого оболтуса, как должна вести себя собака в Заповедном Лесу? Ты-то это знал.

Хмелек — маленькое капризное чудо — заляжет где-нибудь в высоких травах и лежит, не шевелясь, затаив-

шись. Зову, кричу, прислушиваясь к лесной тишине — нет, ниоткуда не слышится тоненький нежный звон: молчат три колокольчика. Неподвижен Хмелек. Часами искала бы, если б... вот где неожиданно пригодился охотничий инстинкт Никиты. Просто удовольствие глядеть, как он ныряет в высоких травах своим знаменитым сеттериным «челноком»— все быстрее, быстрее, и вдруг — встал. Подбегаю — ну, конечно, так я и знала — под кустом лениво встает на ножки, сонно потягивается, звеня колокольчиками, «добыча»— наш Хмелек!

А бедный Рикки — сердитый крошечный гномик, несчастный и усталый, бегает за нами, путаясь в таежном крупнотравье. Стебли и пучки морковника для него как древесные стволы.

Я уверена, тайная мечта нашего Рикки — отыскать в лесу волшебный корешок, съев который, он станет большим и страшным, как лев. И уж тогда-то он всем нам покажет! Но вместо волшебного корешка Рикки попадаются только сухие селедочные хребты и обглоданные куриные косточки на туристских стоянках. Ну, ничего, сегодня не повезло, но зато уж завтра он обязательно отыщет волшебный корешок. И Рикки возвращается с прогулки в неизменно бодром настроении (хоть и устал смертельно), задрав хвостик-обрубочек и поставив ушки в положение «achtung!»*

Ужасно. Ужасно обидно быть таким маленьким. Решительно никто тебя не принимает всерьез. Хоть зарычись. Ты сердишься, готов искусать весь мир, а всем только смешно. Бедный маленький Рикки! Конечно, волшебный корешок ему совершенно необходим.

•

Когда каждый день бродишь по лесу совсем одна с такими товарищами, как Никитка, Рикки и Хмелек, лесные тропинки невольно уводят в совсем особенный мир, мир, в котором наши взрослые представления о законах вселенной только мешают видеть его чудеса.

Никитка — пес реальный. В лесу его интересуют, главным образом, запахи, они водят его во всех направлениях в стремительном темпе, и пока мы с Рикки проходим километр, Никитка в погоне за ускользающими и вновь возникающими запахами успевает набегать все де-

* Внимание (нем.) — *Ред.*

сять. Только раз, когда он был еще подростком, его испугал черный обугленный пень; теперь, возмужав и поумнев, он не обращает на такие вещи внимания. Они его просто не интересуют — ведь пни и коряги не пахнут. Иное дело Рикки. Рикки — песик с фантазией, и он так же, как мы, люди, способен увидеть скрытую сущность предметов.

Вчера на склоне у Второго столба он вдруг разразился отчаянным лаем. Вглядевшись, я тоже увидела: из-за большого камня на нас ползет страшное черное чудовище (изогнутый мертвый ствол с обломанной вершиной).

Никита — князь Серебряный

«Не смей!— услышала я в яростном лае Рикки.— Не смей пугать! Это — мой человек! Я не дам его обидеть!»

И я представила, как ночью этот черный ствол превращается в дракона, оживает, начинает шевелиться и медленно выползает на тропинку. Днем он неподвижен и мертв. Днем он — просто ствол, но Рикки знает. Маленькому синтетическому гномику открыта тайная ночная душа леса.

Несколько раз еще Рикки принимался грозно лаять, и, проследив за его взглядом, я опять угадывала замеченную им опасность. Иногда это была сухая ветка, протянувшая в нашу сторону изогнутые когтистые руки-

Рикки

лапы, иногда напоминающий змейку тоненький сучок...

Теперь я знаю: с Рикки мне нечего бояться в лесу — темные духи бессильны причинить мне зло!

И я начинаю всерьез уважать моего «синтетического» песика: ведь для него-то опасности, от которых он меня оберегает, действительно существуют!

Если Рикки — маленькому сердитому гномику — понятна тайная душа темных сил тайги, то Хмелек — сам душа леса, только другого — светлого, яркого, полного шелеста трав и отсветов скользящих меж стволов солнечных зайчиков.

Иногда этот яркий лес берет его и не хочет отдавать нам, он прячет нашего Хмелека среди осенней пестроты, в звенящей, как струна, чуткой тишине вечера. Три колокольчика молчат. Молчит лес. И каждый раз страшно — а вдруг взял уже насовсем.

Эдик говорит: «А зачем ему (лесу) наш Хмелек? У него ведь таких много!» А три колокольчика? С тремя колокольчиками нет ни одного!

Пришла осень. А с ней для меня и Никиты во весь рост встала проблема зайца.

Что такое заяц? С точки зрения Никиты, заяц — это прежде всего сладкий, доводящий до одури, запах. Но, между прочим, за зайца бьют. И даже возможно, что это генетически запрограммировано (ведь с тех пор, как выведена порода сеттеров, их лупят за гоньбу зайцев). Кроме того, заяц — это что-то вроде двоюродного брата кролика Руськи, с которым Никитка вместе вырос. Вот теперь и реши, как тебе поступать, когда твой нос поймает заячий запах?

«А, ко всем чертям!— решает Никита. — Ко всем чертям соображения благоразумия, когда так пахнет, так великолепно пахнет живым горячим зайцем, добычей! Отлупят? Подумаешь!»

— Рикки, что нам делать, наш Никитка определенно отбивается от рук. Правда, пока совсем неясно, кто кого гоняет — Никита зайцев или зайцы Никиту.

...Сначала появляется заяц. Он еще летний, серый, только оторочка ушей белая. Заяц ошалело катит по дороге прямо на нас, потом замирает, тараща глаза и раздувая ноздри. Тут его замечает Рикки и с громким лаем кидается к нему, заяц — в кусты. Рикки его не преследует, он не понимает толку в зайцах и, стоит мне строго прикрикнуть, послушно возвращается ко мне.

Пауза. Очень долгая пауза. Потом, совсем в стороне от дороги, на пригорке возникает Никита. Уши и хвост болтаются, лапы еще бегут, хотя их хозяин уже затормозил. След потерян, и на морде Никиты явное подозре-

ние: кажется, так вот сейчас и спросит: «Вы съели моего зайца?»

Пытаюсь втолковать Никитке, что «сеттер (Охотничье собаководство, стр. 336—353!) обязан вести поиск в пределах видимости охотника, в непрерывном контакте с ним». На зайцев и всякую там птичью мелочь он не должен вообще обращать внимания, а, зачуяв настоящую дичь, обязан сделать стойку и вспугивать ее только по команде охотника.

Увы, мы с ним говорим на разных языках.

«На зайцев — нельзя, на птичек — нельзя, а на кого же тогда можно? Где та настоящая дичь, на которую мне прикажешь делать стойку? И потом, если я даже сделаю тебе эту самую стойку — и что же мне так и стоять до бесконечности? Ружья-то ведь у тебя нет, «охотник»!

Опускаю глаза, не выдержав уничтожающего презрения в Никиткиных карих глазах.

Да, вспомнишь Дагни и Кая. Для них-то я всегда была на должном пьедестале. Хозяйкой с большой буквы.

Сегодня вечером, когда смотрели телевизор, кто-то вдруг толкнулся мне в ладонь холодным мокрым носом. Это Никитка принес мне свое сокровище — косточку, чтоб помогла погрызть. Из всех моих собак так делала только Дагни.

Октябрь. Месяц первых снегопадов, золотых от опавшей лиственничной хвои дорожек, хрустально-прозрачных лесных далей.

Вчера Хмелек не вернулся домой из леса. Остался один на Лалетинской горе. Вечером, уже при лунном свете я пошла за ним. Прибежал на зов, поцеловался и... остался в лесу. Утром (ночью лег снег) мы пошли искать беглеца. На Лалетинской играла снежная метель. Из этой метели на мой зов выскочил Хмелек — звонко запели три колокольчика, и звон их прорвался сквозь ветер. Послушно прибежал за нами домой. Значит, еще не сегодня разлука.

Зима. Вторая зима в жизни Никитки. Для Рикки, родившегося в Москве, где апрель уже весенний месяц, все

в нашей сибирской зиме впервые. К сожалению, прелести прогулок зимой не для него. Слишком зябок.

Сломя голову, «как пробка из бутылки», заливаясь звонким здоровым лаем, выскакивает Рикки на улицу. Первые секунды он проявляет бурную деятельность: подняв заднюю лапку, кропит снежные сугробы, обругивает через сетку вольеры Дикси, здоровается с Хмелеком. Но буквально через несколько минут наш веселый гномик садится на снег и, поджав все четыре лапки, повеся уши-локаторы, впадает в сонное оцепенение. Что-то нужно сделать. Наверное, есть какой-то способ спастись, но как? И он уже почти застыл, превратившись в маленькую ледяную сосульку, когда мои руки отрывают его от снега и уносят в спасительное тепло.

Когда в нашей печке разгораются, треща и разбрасывая искры, сухие сосновые поленья, наступает Час Огня. Рикки волнуется, бродит у моих ног, теребит лапками за платье, пока не придвину кресло и не возьму на руки. Тогда он ложится в позе сфинкса и пристально глядит на огонь.

Вероятно, в огненной россыпи пылающих поленьев перед ним проходит вся многовековая история его собачьего рода. В этих снах наяву он — то пещерная собака, впервые осмелившаяся переступить черту темноты, то могучий боевой пес в тяжелом ошейнике с кинжалами, то сенбернар, спасающий Человека в снежной метели. Он силен, храбр и ловок, никто не смеет с обидно-ласковым пренебрежением взъерошить ему шерстку или дернуть за ухо. Еще чего! И Рикки страшно сердится, если кто-нибудь помешает ему смотреть на огонь.

А Никитка боится огня, как боялась Дагни. И он никогда не видит доисторических снов. Во сне он оглушительно, от всей своей собачьей души вздыхает. Вздыхает громко и разнообразно — во власти реальных забот и тревог.

Зима прервала наши прогулки и почти раздружила нас с Хмелеком. Он зимует в малом загончике, и только дважды в день я, Никитка и Рикки видимся с ним в те короткие минутки, когда я прихожу его кормить. Никитка и Рикки спешат использовать это время, чтоб поздороваться с другом и вылизать ему мордочку.

К ним Хмелек по-прежнему относится вполне дружественно. Но чем ближе к весне, тем заметнее меняется

характер нашего любимца. Его гордую головку венчает теперь корона, это еще не рога — страшное боевое оружие, это только панты, которые так легко поранить. Но Хмелек уже чувствует себя принцем: священная ярость весны бродит в его крови, толкает его искать встречи с врагами. И уже в нас, людях, начинает видеть он не друзей и защитников, а соперников, которым бросает вызов.

Когда вы замечаете весну? Когда вам станет жарко в зимней шубе или когда промочите ботинки в луже на асфальте. Вы — городские жители и не догадываетесь, что весна начинается гораздо раньше наступления первых теплых дней.

Для нас она порой начинается уже в январе, в лютый сибирский мороз. Вдруг где-то в белом туманном мареве, в холодном снежном безмолвии зимней тайги возникнет нежный прозрачный звук — словно прозвенят маленькие серебряные колокольчики — первая весенняя песенка синички-гаички. Или поползень на стволе осины над твоей головой крикнет негромко раз-другой: твит-твит, прислушается к чему-то неслышному для тебя и неожиданно раскатится на весь лес веселым задорным посвистом. Или прозвучит вдали еще негромкая, еще несмелая дробь дятла... И сколько бы раз ты ни слышал эти звуки, эту робкую прелюдию северной весны — всегда она волнует твое сердце, не можешь ты остаться к ней равнодушным.

Термометры в будке метеостанции показывают —25°, —30°; над тайгой, одетой в пушистую снежную кухту,— морозный туман, и руки стынут даже в теплых варежках. А мы снимем варежки, отогреем дыханием озябшие пальцы и, открыв дневничок, запишем: «Зиме конец!»

Дед Мороз упрям — как ни торопятся все лесные жители поскорее проводить надоевшего старика на пенсию, он еще не раз и не два покажет им свой неукротимый нрав, и немало еще дней и ночей пройдет до того дня, когда в седых прирученных пихтачах — где-нибудь у Нелидовки — падет его последняя застава — растает, растечется бурым весенним паводком последний снежный сугроб.

Но раньше или позже, а где-то в середине апреля

обязательно наступает ночь, когда бурное таяние снегов впервые не прекращается почти до рассвета. Собаки в доме рычат и лают без видимых причин, охваченные смутной тревогой, и Дагни, или теперь ее «духовный наследник» Никита, в панике взбирается на стул (так им, вероятно, кажется безопаснее!), и даже чуждому всяких мистических фантазий Джемсу Георгиевичу начинают чудится чьи-то чужие шаги вокруг дома. Но выйдешь на порог — в ночную зыбкую свежесть — и поймешь, что никакого чужого нет в Уголке. Мирно лежит в большом загоне, пережевывая жвачку, Роя. Дремлют наши чуткие стражи — волки. Это весна. Весна бродит вокруг дома, шелестит падающими льдинками, капает с крыш звонкой капелью.

А травы уже зеленеют. Они не хотят и не могут ждать — буйные, полные упрямой силой жизни, таежные травы. Всюду: на освободившихся из-под снега полянках, на проталинах среди высоких сугробов — зацветают белые сибирские подснежники, желтая хохлатка. А вот на смену их короткому цветению ярко-синяя медуница уже раскидала букеты своих соцветий по зеленому ковру таежных полян.

Лес весной — словно нарисован пастелью: нежно розовеющая листва осин, золотистая дымка цветущих ив. И всюду в лесу — шелесты, шорохи, взлеты, звонкие трели празднующих свой весенний праздник птиц.

В один из майских дней, в самый разгар весеннего праздника Хмелек остался в лесу — не захотел вернуться с нами домой.

Я понимаю — все правильно. Он всегда принадлежал лесу, и лес просто взял назад свое. Я знала, что так будет. И все-таки больно, что его больше нет с нами — капризного и нежного, яростного и прекрасного —нашего любимца и баловня Хмеля.

Но вот — что это? Разве это не чудо? Он уже опять здесь. Лежит на меховой шкурке, длинноногий, беспомощный; и взволнованный Рикки облизывает ему мордочку. Длинные ресницы, большие черные глаза, пушистая шкурка — вся в солнечных пятнышках. Для Рикки — все в порядке, но недоверчивый Никитка ворчит: он не верит в чудеса.

В этом году его зовут Соколик.

И снова мы ходим в лес вчетвером — я, Никитка, Рикки и... Соколик.

И снова звенят нежным, тихим звоном три волшебных колокольчика, уводя меня в заветную страну лесной сказки.

АНЧАР

Большой, как телок, белый в желтых пятнах пес. Некрасив, но есть в нем какой-то шарм, какое-то аристократическое достоинство и благородство, что-то в нем от Пьера Безухова, как я его себе представляю.

Отец — ирландский сеттер, мать — русская гончая. В сыне — нелепое сочетание признаков обеих пород.

Детство и юность были ужасны. Голод, холод и незаслуженные унижения от своих и чужих. Большой нелепый щенок совершенно не умел драться. Его нежные уши вечно были изодраны в бахрому. Его никто не ласкал, не учил, о нем никто не заботился. Не на кого было ему излить неисчерпаемый запас нежности, таившейся в его собачьей душе.

А он не мог как дворняга. Голоса многих поколений предков сеттеров и гончих — возмущались в нем против беспризорной жизни, голода и одиночества. Он видел странные смутные сны: белые здания с колоннами среди зелени, скачущих всадников, освещенные закатом крылья взлетевшей из-под ног птицы... синие дымки выстрелов... В его жизни ничего этого не было, то были воспоминания, переданные ему далекими предками.

В этих смутных сладких и волнующих снах с ним рядом всегда был человек. Единственный Хозяин, всемогущий и всемилостивый. Были вещи Хозяина, лошадь Хозяина; женщины, которые тоже принадлежали Хозяину. Он охранял все это и был счастлив, выполняя свой долг.

Наяву было только прозябание в подворотнях чужих домов. У него не было ни одного шанса найти себе настоящего Хозяина. Если бы он был хотя бы красив или достаточно свиреп, чтоб можно было сделать из него сторожевую собаку... Но кому мог понадобиться такой огромный абсолютно никчемный нелепый пес? Однажды

осенью в поселке появился новый человек. Анчар впервые увидел его утром, когда вылез из-под кучи бревен, под которой ночевал, и отправился на помойку поискать чего-нибудь съедобного.

Он остановился и посмотрел на него. В этом человеке было что-то от тех туманных волнующих снов, что снились ему иногда. Что именно? Анчар, конечно, не сумел бы ответить. Походка? Манера носить дешевое потертое полупальто, как роскошную шубу с бобровым воротником?

Человек был уже очень не молод.

Его некогда красивое лицо, с большим прямым но-

Анчар.
Фото В. Д. Нащекина

сом и холодными серыми глазами, было изборождено сетью глубоким морщин. Благородную четкую линию губ портили спущенные книзу уголки, придававшие ему выражение старческой усталости. Подняв воротник пальто в защиту от резкого ветра, он проходил по улице твердым неторопливым шагом — стареющий, изломанный

жизнью больной человек, пытающийся казаться здоровым и сильным. Он не терпел, чтоб его жалели. Он был самолюбив, горд и скрытен, даже с самыми близкими людьми.

Жизнь не пощадила его. Ему довелось пережить много тяжелого и страшного, вытерпеть много унижений. Умный, даже незаурядно талантливый, он сумел, упав, снова встать на ноги, сумел переспорить судьбу. Теперь он снова проходил по жизни, как один из ее хозяев. Он все еще, несмотря на седину, нравился молодым хорошеньким женщинам. Его уважало начальство и любили сослуживцы. Он умел быть душой любой компании, в которую попадал.

И только он сам знал — как изломаны его тело и душа. Как беспредельно его одиночество даже среди самых близких ему людей.

Может быть, оттого он любил собак. Независимо от породы и прочих формальных достоинств. Просто за то, что они — собаки — живые чувствующие существа, с которыми можно быть самим собой, перед которыми не нужно притворяться.

Кожаная перчатка упала на снег, когда он доставал папиросу из кармана. Он нагнулся за ней... И тут взгляд его встретил Анчара. Улица была еще пуста в этот ранний час. Их было только двое — человек и собака.

— Фу!— сказал он серьезно и строго:— Как не стыдно! Породистый пес бродит по помойкам!

Анчар виновато вильнул хвостом — он и сам находил это стыдным.

— Что же у тебя нет хозяина?— спросил человек, что-то поняв. У него давно не было своей собаки.

В это время из ворот вышел тот, кому Анчар принадлежал. Он спешил на работу.

— Пошел домой, Анчар!— крикнул он сердито и, проходя мимо, пнул пса ногой.

Анчар весь сжался. Незаслуженное унижение было в порядке вещей, и все же он никак не мог привыкнуть к подобному обращению. Он повернулся было и, опустив хвост, поплелся прочь, но внезапно остановился и посмотрел на того, другого.

— Значит, тебя зовут Анчар?— спросил тот негромко.— И у тебя есть хозяин.

Они стояли и смотрели друг на друга. Пожилой усатый человек и большой нелепый пес.

«Слишком нежные уши, слишком тонкая шкурка,— подумал Человек.— Не легко тебе жить, дружище»...

— Ничего не поделаешь,— сказал он сурово. Поднял воротник пальто и пошел, стараясь забыть немую тоску умных собачьих глаз.

Назавтра они снова встретились. Они стали встречаться каждый день.

Иногда теперь Анчар провожал этого человека до его дома. Он запомнил этот дом, лестницу и дверь, за которой тот всегда исчезал. Он ничего не просил у этого человека. Не лебезил, не унижался перед ним, как это делала бы голодная дворняжка. И человек никогда ничего не обещал собаке, которая ему не принадлежала. Не ласкал ее, не кормил. И все-таки Анчар уже точно знал теперь: это он, Хозяин его смутных снов. Единственный.

Он догадывался, что там наверху, за таинственной запертой дверью, где исчезал Единственный, все так, как снилось ему в его смутных снах. Тепло и свет. Оружие на ковре над изголовьем постели — неотъемлемая принадлежность настоящего Господина. И конечно, женщина, которую нужно зорко стеречь, чтоб ее не украли.

Настоящая жизнь. Потерянный рай его предков.

Однажды они снова встретились по дороге на работу — Единственный и тот, кому Анчар принадлежал. Они стояли и курили на углу, разговаривали о том, о сем. Анчар дрожал в соседней подворотне, прячась от ветра.

— Это ваша собака?— спросил вдруг Единственный небрежно, как принято говорить у мужчин о предметах, не стоящих их серьезного внимания.

— Моя,— ответил законный владелец также небрежно.

— Она вам нужна?

— На черта она мне сдалась? Проклятый ублюдок... только и умеет что жрать! Кормил бы такого телка!

— Отдайте ее мне,— сказал Единственный и непонятно было по его тону, говорит он серьезно или просто пошутил.

— Берите... А вам-то она на что? Уж лучше заведите породистого боксера или, на худой конец,—лайку!— Хотите я вам устрою?

— Не знаете, какую погоду обещают на завтра?— ответил Единственный вместо ответа.

Они поговорили еще несколько минут, и тот, другой, ушел. Тогда Анчар вышел из подворотни. Он не понимал слов, и не знал, что произошло. Он просто хотел приветствовать Единственного — как это было между ними заведено.

В эту минуту из переулка выскочило несколько дворняжек. Они увидели Анчара и надумали как всегда поразвлечься. Анчар прижался к забору, полупарализованные задние ноги мелко задрожали. Единственный обернулся, крикнул властно, гневно: собаки резко затормозили на бегу, поджали хвосты и кинулись прочь.

— Пойдем,— сказал Единственный сурово,— большой трусливый дурак, который не умеет за себя постоять!

Анчар пристыженно поплелся за ним. Он еще не смел верить своему счастью: Единственный защитил его, приказывает ему, Единственный взял его себе в собаки! Он дошел до угла и остановился. Единственный не оглянулся, не позвал его за собой — уходил твердым решительным шагом. Анчар несмело двинулся дальше. Вот дом, вот лестница, вот заветная дверь: зеленая дверь его собачьих снов! Сейчас Единственный исчезнет за ней, как всегда.

Человек поднял руку, отпер дверь.

— Анчар!— Позвал он все так же сурово и властно.

Пес переступил порог.

Да все было так, как в его смутных снах: тепло и свет, коврик у кровати. Нож в охотничьих ножнах и ружье — на козьих рогах над изголовьем. И конечно — женщина. Его женщина.

Она была не молода и не красавица, совсем не такая, как женщина его смутных снов. В углу ее рта притаилась усталость — печать нелегко прожитой жизни. Но это была его женщина. Она сидела на его постели, с его книжкой в руках, сжавшись в комочек, подобрав маленькие ножки под уютный домашний халатик, так не сидят те, что пришли в гости, на час, так приходят однажды в жизни, чтоб остаться с мужчиной до конца

Она взглянула на вошедшего — темные глаза ее радостно вспыхнули. Потом ее взгляд упал на большого нелепого пса на пороге: задние ноги его тряслись мелкой жалкой дрожью, на бело-желтой шкуре налипла грязь.

Она многое умела понять — она любила. Но были вещи, которые ей — даже ей! — были непонятны в нем.

— Зачем ты привел его?— спросила она с удивлением.— Господи, какой большой! Он испачкает пол.

Человек ничего не ответил. Он стоял и смотрел на пса, и пес смотрел на него, замерев на пороге, не шевелясь. «Ждет приговора,— подумал человек.— Не умоляет, не унижается, не пытается бороться с судьбой — просто ждет. Сейчас я прикажу ему — пошел прочь! И он уйдет. Снова — в холодную слякость, на голод и унижения. И одиночество — страшное безнадежное одиночество пробудет с ним навсегда».

— Он останется здесь,— сказал человек. Глубокая складка пересекла его лоб, линия рта стала жесткой, почти грубой. Хозяин. Господин, который не потерпит противоречия.

Женщина секунду молчала. Его тон больно ударил ее. Но прожитая в разлуке трудная жизнь научила ее многому. Великой материнской жалости и терпению. Материнской снисходительности. И большому гордому искусству прощать. «Господи!— подумала она.— Какие пустяки! Запачкает пол? Стоит ли из-за этого ссориться, что это значит для меня теперь, когда мы опять вместе? Я должна радоваться, что мой большой ребенок снова начал забавляться игрушками!»

И опустив глаза, произнесла древнюю как мир формулу женского ответа тому, кому мы повинуемся по любви: «Как хочешь...»

Он лежит на мягком коврике в теплой и уютной комнате и тихонечко повизгивает во сне. Его мучают кошмары: теперь ему снится поселок его юности. Стая веселых тощих дворняжек загнала его в подворотню, они с лаем рвут его нежные уши, кусают его за хвост, и некому, некому его защитить!.. А на улице холод и слякоть, и чашка пуста — никто не нальет в нее даже прокислых помоев.

Ты кладешь ему руку на голову — и он просыпается.

Какое счастье! Это был только сон! Кошмарный тягостный сон. Пробуждение прекрасно. Вот туфли Хозяина. Книги Хозяина. За закрытыми дверями смеется его женщина. На кресле лежит его портфель с бумагами и кожаные перчатки.

Единственный здесь.

Если попросить, он тотчас даст сухарь или, быть может, сказочно вкусный квадратик бисквита, а когда настанет час, он нальет полную чашку теплой сытной овсянки, и так будет всегда, пока стоит мир.

...Когда его выпускают на улицу, он не радуется подаренной свободе, не носится за кошками, не играет с другими собаками. Он скорее, скорее спешит вернуться к заветной двери — он боится, а вдруг о нем забыли и дверь его рая окажется навсегда запертой? В такие минуты на него тяжело смотреть — так он жалок и несчастен, так унижен.

В другое время он — самый благополучный пес на свете.

ЛЮДИ ЗАПОВЕДНИКА

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР

Теперь, когда в распоряжении директора заповедника старший и младший лесничии, начальник охраны, шестнадцать лесников, живущих на кордонах, а в летний сезон еще столько же пожарных сторожей, верховые лошади, пять машин, два мотоцикла и на договорных началах — пожарный самолет, почти невозможно представить себе, как же управлялся с заповедными делами Первый Директор, который был един как Бог Саваоф (с той разницей, что у него не было даже архангелов на подмогу).

Учтите также, что Первому Директору, подобно Богу Саваофу, пришлось взять на себя сотворение заповедника не из первозданного хаоса, а что гораздо хуже — в месте, которое все окрестное население издревле считало своей охотничьей и ягодной вотчиной, где веселая и бесшабашная молодежь давно уже установила свои собственные законы — неписаные законы столбовской вольницы.

Помогло Первому Директору то, что он сам был столбистом, своим этому веселому братству, и самое главное — человеком, непоколебимо уверенным в правоте своего дела.

В истории Столбов, как и во всякой истории, есть свои приливы и отливы, свои «смутные времена», а то доисторическое (по нашему с вами счету) время, когда Первому Директору было поручено сотворить заповедник, можно назвать временем бурного наводнения Столбов стихийным и неорганизованным туризмом, еще не введенным ни в какие рамки.

Больше всего нарушений в заповеднике производили самые, казалось бы, дисциплинированные люди —

военные, приезжавшие сюда целыми подразделениями: с лошадьми, походными кухнями, грохочущими оркестрами и прочими воинскими атрибутами,— и оставлявшие после себя мерзость и запустение как после татарского набега.

Все попытки Первого Директора пресечь эти нарушения кончались неудачей — время было поистине смутное, в необходимость сотворения заповедника тогда верили немногие, и бедному «Богу Саваофу», ходившему по столбовской моде в старых галошах на босу ногу и в черной рубахе распояской, немало досталось насмешек и грубостей от военного начальства.

Александр Леопольдович Яворский (1889—1977)

Неизвестно, чем бы кончилось это неравное единоборство, если б однажды Первого Директора — Александра Леопольдовича Яворского не осенило: сел он за письменный стол и написал заметку в газету «Красноярский рабочий». В заметке живо и красочно рассказывалось, как в годы гражданской войны Буденному, преследовавшему беляков, лег на пути сказочный заповедник «Аскания Нова». И у прославленного красного командира не поднялась рука на это чудо — отдал Буденный приказ обойти заповедник. «Аскания Нова» была спасена.

«А вот наши военные начальники не уважают законы своей страны, не берегут свой заповедник — жемчужину Красноярска. Следовало бы им поучиться у Буденного»,— так кончил Первый Директор свою заметку.

Заметка эта была напечатана.

— Сижу я у Нелидовки. Костерок развел. Чай кипячу... Вдруг — шум. Выхожу. С горы — несколько военных. Подходят. Козыряют.— Вы — директор заповедника?— рассказывал Яворский.— Я стою перед ними — рубаха распояской, галоша на правой ноге белой вязкой крест накрест привязана, на левой — черной. (Так мы тогда ходили). Вид, конечно, не очень... директорский! Переглянулись — и под козырек: где, товарищ директор, разрешите остановиться нашей части?

Когда мы жалуемся теперь на всякие трудности в нашей работе, на «туристскую стихию», которая нас «захлестывает», я вспоминаю этот рассказ Первого Директора. Вот кому было действительно трудно!

Ведь заповедник был тогда только что создан, совсем-совсем новенький, никем еще не признан, и у бедного его создателя — «Бога Саваофа в галошах» — не было ни архангелов, ни громов с молниями... был он совершенно один на вновь сотворенной заповедной земле, где все только еще начиналось!

ПЕРВЫЙ МЕТЕОРОЛОГ

Седой, с резкими чертами загорелого обветренного, всегда чисто выбритого лица, в неизменном синем комбинезоне и грубых рабочих башмаках на толстой подошве, слегка сутуля широкие плечи, стоит он в моей памяти как живой — столбовский дедушка Михаил Иванович Алексеев и ясно слышу я его иронический голос:

— Уезжаете на Кавказ? К теплому морю... к апельсинам и яблокам... что же... хорошее дело... хорошее дело... Только знаете (и смотрит из-под прищуренных век хитро, по-стариковски усмехаясь), поверьте моему слову,— больше года вам там не прожить. Снова вернетесь сюда — в нашу проклятую Сибирь. Потянет... По нашим снегам соскучитесь... по морозам... все мы такие — сибиряки...

Он имел право говорить так — дедушка Михаил Иванович. Он тоже вернулся... чтоб остаться здесь навсегда.

В дни моей юности Михаил Иванович казался нам почти такой же неотъемлемой принадлежностью заповедника, как древние скалы Столбов.

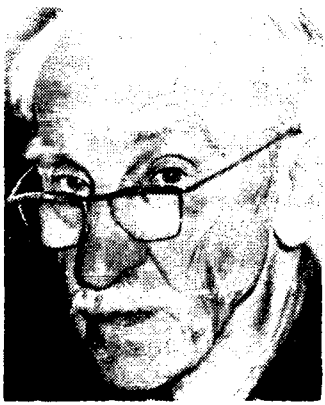
Первый начальник метеорологической станции «Стол-

бы». Станция тогда еще не была построена. Целых полгода Михаил Иванович жил и работал под скалой «Ща» с восточной стороны Четвертого столба как настоящий Робинзон.

Тринадцать лет проработал Михаил Иванович в заповеднике и знал здесь каждый камень, каждое деревцо. За это мы прощали ему его старческое брюзжание о мировой политике, в тонкостях которой он разбирался куда хуже, чем в лабиринте таежных тропинок.

Первая столбовская метеорологическая станция — его кровное детище. Она стояла на веселом месте возле маленькой уютной скалы в конце тропы Каштак. (Потом

Михаил Иванович Алексеев



ее сожгли нерадивые работники). В уютной чистенькой избушке метеостанции было у Михаила Ивановича всегда как-то по-таежному домовито, жили особенные лесные запахи. И как хорошо было ночевать на полу в этой избушке после целого дня ходьбы по тайге, и как неповторимо вкусен был брусничный чай с ржаными сухариками, заваренный гостеприимным столбовским дедушкой!

Он учил нас беречь каждый цветок, каждое деревце в заповедном лесу.

Я и теперь еще помню, как огорчился он, как мягко выговаривал нам, когда мы по-своему молодому легкомыслию безжалостно оборвали для букета кустик волчьего лыка — дафнии.

Вся площадка у метеостанции буйно заросла цветущими таежными травами, пестрела яркими разноцветными венчиками цветов. Он не позволял никому рвать их —

дедушка Михаил Иванович. Я нарвала их впервые — целый благоуханный ворох, чтобы украсить ими его последнее ложе.

В Красноярске был у него маленький домик с палисадником под окнами, была семья — жена и дочери, где-то далеко на Дальнем Востоке был сын — моряк, капитан дальнего плаванья, про которого он с отеческой гордостью мог рассказывать целые часы. Но все это — и домик, и семья — казалось каким-то ненастоящим для него — настоящее же было здесь, в заповедном лесу, с которым дедушка Михаил Иванович был прочно связан невидимыми корнями.

Никого из его семьи не было при нем в минуту его смерти. Он умер (чудесным июньским утром), как умирают деревья, звери в тайге — одиноко, до последнего мгновения упрямо борясь за жизнь. Умер, не дописав страницы рабочего дневника.

Был он родным каждому дереву, каждому камню в этом лесу. И недаром полосатый бурундучок бесстрашно приходил за кусочком сухаря на порог его избушки и вертлявый серенький поползень влетал как к себе домой к нему в окно.

Я думаю, он был одним из тех, при ком добрые сказочные тролли не боятся появиться без волшебной шапочки.

ЛЕСОВОД МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ШИРСКАЯ

По всей территории столбовского нагорья у Марии Николаевны разбросаны кедровые питомники и опытные посадки кедра. Ее домик в «Нарыме»— маленькая опытная станция, где на всех столах, подоконниках и стульях — ящики с ее «ребятишками»— маленькими пушистыми проростками кедра. Мария Николаевна отдается своей работе со страстью и всякую неудачу воспринимает как личную обиду.

Все лето она воевала на нагорье и с туристами, нарушавшими священную неприкосновенность ее питомников, и с красной полевкой — маленьким, безобидным на вид симпатичным грызуном, злейшим вредителем молодых кедровых деревцев. Осенью туристы исчезли с нагорья, красная полевка перестала терзать питомник, Ма-

рия Николаевна чуточку отошла и успокоилась. Но за несколько дней ее отсутствия произошло событие, переполнившее чашу ее терпения.

В один прекрасный вечер она вошла ко мне, раскрасневшаяся от негодования, и бросила передо мной на стол «вещественные доказательства»— жестом бреттера, бросающего перчатку в знак вызова на поединок — большое бурое перо и несколько сухих колбасок глухариного помета.

— Вот!— сказала она суровым прокурорским тоном и тяжело опустилась на стул.— Кто?

— Глухарь самец!— ответила я, не понимая причину ее гнева.

Мария Николаевна Ширская

— Я так и знала! Он. Ваш. Конечно. Кому же больше. Сначала эта подлая кабарга, теперь ваш глухарь. Нет. Не могу.

— Да что случилось, Мария Николаевна, вы объясните?!

— Случилось? Две трети питомника, вы понимаете — две трети!— начисто съедены этой вашей (я работала по глухарю) пакостью! Безмозглой дрянью, которой нет ни малейшего дела до творческого труда! Поразводили — работать невозможно! Честное слово, пойду в лесхоз — там их давно повыбили!

И хотя я — сама кротость — всячески старалась убедить Марию Николаевну, что я тут ни при чем и не имею к совершенному преступлению никакого отношения, Мария Николаевна ушла разгневанная.

Наверное, и вам, мои читатели, как и мне тогда —

под градом страстных обвинений Марии Николаевны — показалось немного смешно, что такая солидная пожилая женщина так сердится, так переживает из-за какого-то там глухаря, общипавшего опытные саженцы?

А ведь если разобраться, такая страстная ревнивая увлеченность своей работой заслуживает не насмешек — восхищения.

Низкий мой поклон вам, Мария Николаевна, лесовод заповедника! Жизнь человеческая несправедливо коротка — она подчас обрывается, когда человек еще полон незавершенных творческих замыслов. Нам с вами не суждено увидеть, как зашумят на нашей заповедной земле выпестованные вами молодые кедровые леса. Те, что придут сюда после нас, быть может, и не вспомнят о нас. Но «увидеть самой» — это ведь никогда не было главным для вас. Ибо вам была дарована лучшая из радостей — радость бескорыстного творчества.

ЛЮДИ И ЗВЕРУШКИ

(Из моей записной книжки)

— Расскажите нам о ваших милых зверушках. Что-нибудь самое-самое интересное. — А если я расскажу вам о вас, дорогие друзья?

НАСАЖАЛИ ВОРОБЬЕВ!..

Любимый экспонат туристов — наш медведь Миха Тайгиш. Он привлекает своей величиной. Мимо него просто невозможно пройти и не увидеть. А «видеть» умеют далеко не все!

Маленькая, сплошь заросшая кустами малины вольерка соловьев-красношеек.

Обычно проходят мимо:

— А тут никого нет.

— Подохли, наверно.

Другие разглядели:

— Нет, вон есть птица, только у нее почему-то одна нога!

(Соловьи любят сидеть, поджав под себя лапку).

И как резюме:

— Насажали воробьев и думают — интересно!

Изумительную прелесть этой чудесной птички, словно самой тонкой акварельной кисточкой нарисованной, редко кто сам заметит и оценит. Надо, бывает, помочь.

Представляя наших соловушек, я обычно говорю:

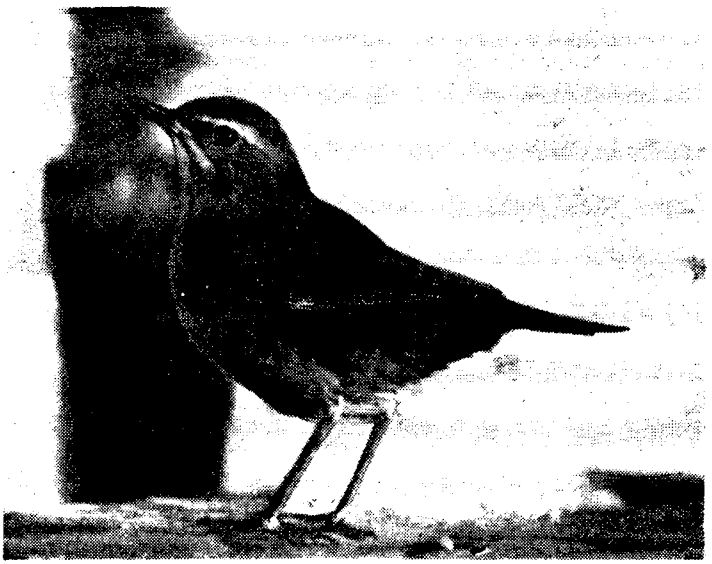
— Рекомендую: Его Величество Соловей. Один из лучших певцов нашей тайги. Кто сказал, что в Сибири нет соловьев? Неверно. Настоящего классического курского соловья у нас действительно нет, зато живут белых три его восточных сородича: синий соловей, красношейка и свистун. Перед вами — красношейка. Кстати, это тот самый соловей, который пел во дворце у китайского императора. Помните: «В Китае все жители китайцы и сам император — китаец!»

Сказочника Андерсена знают почти все. И уже иными глазами смотрят на изящную птичку, овеянную очарованием андерсеновской сказки.

* * *

Миха «работает» у нас на амплуа клоуна. До Олега Попова с его тонким мастерством ему далеко, он выдает дешевые трюки, сдобренные грубым юмором на уровне третьеразрядного рыжего. Но большинству туристов нравится. Уж такое существо человек: ему всегда приятно видеть серьезного зверя, валяющего дурака для его забавы! Впрочем, кто кого развлекает — не совсем ясно. Несомненно одно: обе стороны получают удовольствие.

Однажды (дело было в апреле, когда туристский сезон на «Столбах» еще не начался) в Уголок забрел оди-



Соловей-красношейка

нокий турист с большим рюкзаком. Миха опытным глазом оценил его и терпеливо ждал, что тот подойдет к нему и они взаимно поразвлекаются. Но турист, расспросив дорогу на Слизневу, ушел. Миха прыгает мячиком — задние ноги взлетают до потолка. Все выше, выше... Тщетно! Турист ушел, не оглянувшись. Видели бы вы Михино разочарование! Каким совершенно человечьим обиженным взглядом глядел он вослед!

В конце туристского сезона — в августе — все наоборот. Миха, сытый по горло дневными приношениями, избалованный вниманием, лениво возлежит на своем домике, а туристы (иногда весьма солидные дяди и тети) лихо прыгают мячиками у барьера!

Кстати — о медведе.

Почему-то у нас бытует представление об этом звере, как о большой доброй плюшевой игрушке.

Внук волка — Вулкан одно время сидел у нас на цепи прямо на территории Уголка. Маленькие ребятишки каким-то шестым чувством угадывали в рыжем великане добрейшую шавку и бесстрашно с ним обнимались, а взрослые за версту обходили «страшного пса» и... лезли прямо чуть ли не в пасть к Михе.

— Куда вы?! Он же вас сейчас схватит!

— Пряник упал... я подать...

Молодая мать пересаживает двухлетнего карапуза через барьер к медведю:

— Дай мишке конфетку.

Едва успела остановить. Мать удивлена:

— Разве медведь не ручной?

В этом году мы поставили в центре Уголка табличку-указатель:

К медведю
Прием с 10 до 7.
Попавшие в лапы
назад не возвращаются

Немного помогает.

МОДНО

Лисички. Умные хитрые мордочки, живые глаза, пушистые хвосты, лапки в черных перчатках. Маленькие детишки от них просто оторваться не могут, как от ожившей сказки.

Но то — детишки. А вот стайка девушек (девушки обычно появляются у нас стайками, как птицы на пролете) настроена практично:

— Смотрите — лиса! Давайте сделаем из нее воротник!

— Лиса-то рыжая,— говорю, проходя мимо них.— Не модно! Если б чернобурка!

Но, оказывается, я отстала от жизни:

— Что вы! Сейчас рыжие — самое модно!

Лиса Лесанка припала к полу и тихонечко повизгивала, ей страшно — вдруг и вправду сделают воротник!

Это — в августе (конец туристского сезона). А в разгар сезона лисы линяют. И тогда только и слышно:

— Лис-то заморили совсем — подохнут скоро.

— Не кормят... нет у людей совести!

Сколько ни объясняй — звери линяют, не верят.

А меньше чем через месяц — о той же самой лисе, про которую говорили «доходяга»:

— Ух ты, вот это красотища!

— На воротник бы ее!

Нет справедливости под солнцем!

ОТКРЫТИЕ КРАСОТЫ

Возле загончика косуль всегда народ.

Косули — самые грациозные и милые из наших оленей. Когда их две-три вместе, они совершенно очаровательны: живые статуэтки, как ни встанут — готовая скульптурная группа.

Косули неизменно вызывают у людей самые лучшие эмоции — изумленное восхищение и настоящую (без сюсюканья и слезливых ахов) серьезную нежность. Для многих их живая прелесть — как неожиданное открытие. Стоят и любуются...

— ВЫГОНИТЕ НАМ РЫСЬ!

«Звезда первой величины» для всех посетителей — независимо от их национальности, профессии и культурного уровня — рысь Дикси. И поэтому именно Дикси я чаще всего использую для привлечения внимания «трудных» туристов.

Есть такая категория туристов: заставить их меня слушать — дело почти безнадежное. Бегут мимо вольер, не читая аннотаций, не обращая внимания на мои попытки разрешить их недоумение насчет того: стервятник это или беркут? (об орле-могильнике!) Тебя просто не видят.

Выжидаю. Вот «набежали» на вольеру Дикси. Дикси спряталась в домик — видна одна «пятая точка» и коротенький хвостик, отбивающий сердитую дробь.

Палкой по вольере — бац!

— Эй ты, зверюга! Вылезай!

Как бы не так!

Соблаговолили заметить:

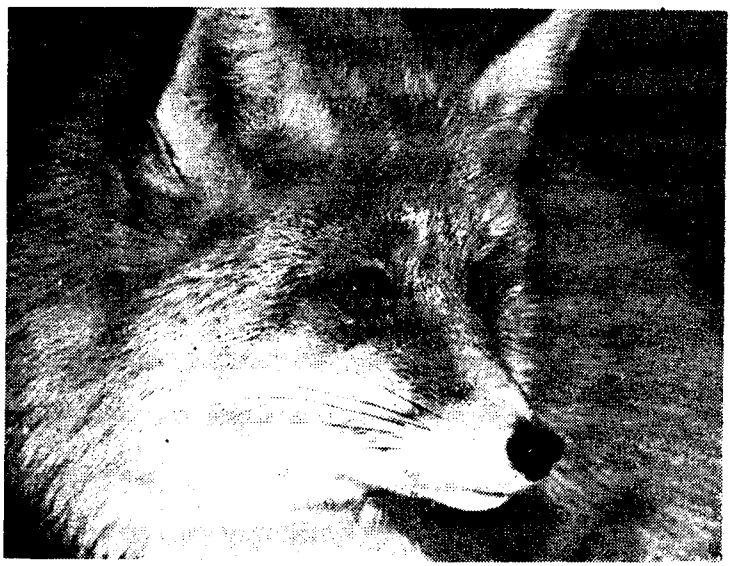
— А ну, выгоните нам рысь!

— Если я кого и выгоню сейчас,— так это вас.

— Почему?

— Не умеете себя вести у нас в гостях!

— Как это?



Лесанка

— Зашли — не поздоровались, дразните Дикси.

— Нет, а вы можете сделать так, чтоб она вылезла?

— Могу, если вежливо попросите.

Захожу в вольеру и сразу чувствую перемену отношения к себе. С такой «трибуны» уже можно говорить — тебя слушают!

Проверенный способ. Действует на самых трудновоспитуемых.

НА ВСЕХ НЕ УГОДИШЬ

В одной вольере с рысью живет Воробей — серая дворняжка. Ее жизненное предназначение — развлекать нашу «звезду». Реакция на присутствие в Диксиной вольере Воробья самая различная. Школьники старших классов (в этом возрасте обычен скепсис):

Дикси

— Ха! Посадили в клетку собаку и выдают за рысь!

Пожилой солидный гражданин, вероятно, бухгалтер или что-нибудь вроде:

— А зачем это собаку посадили с рысью? Непорядок.

Студенты (особенно ленинградцы):

— Вот здорово! Собака с рысью! Замечательно! Как вы этого добились?!

Девушка с невинными голубыми глазами (спокойная констатация факта):

— Вы посадили к ней собаку, чтобы она ее съела?

ВЕЛИКАЯ ВЕЩЬ — ОФОРМЛЕНИЕ!

Опыт нашей работы показал, что интерес к тому или иному живому экспонату меньше всего определяется его бухгалтерской стоимостью. Важно, как оформить экспонат, подать его посетителю.

Громадным успехом (почти наравне с Дикси) у всех туристов пользуются Маринка, Кышь-Мышь и Марфута Леопарди — три обыкновенные домашние кошки, сидящие в маленькой вольере с табличкой: «Посажены за браконьерство. Охотились в заповеднике».

И что самое важное: они не просто веселят, как Миха. Они — запоминаются.

Возвращаюсь из города. На «пыхтуне» навстречу — большая группа туристов. Долетел обрывок разговора:

— Нет, а ты кошек-браконьеров видел?

— Здорово! Больше всего мне понравилось!

Нашего Витю (он обрубал ветки со сломанной бурей осины на корм зайцам) предупредили на полном серьезе:

— Эй, что делаешь? Здесь рубить нельзя, здесь заповедник, не знаешь? Смотри — посадят в клетку! (Явно под впечалением кошек, посаженных за браконьерство!)

Кролики. Казалось бы, совсем им не место в Живом уголке, где экспонируются дикие обитатели сибирской тайги. Но на их вольерке табличка: «Можете ли вы отличить кролика от зайца?» И вот перед ней толпятся посетители всех возрастов, азартно решая задачу: который из трех разномастных кроликов — заяц?

Провокация? Нет, ловкий маневр, приобщающий пассивного зеваку к активному процессу познания природы!

Да, великая вещь — оформление. И здесь важна любая, казалось бы, мелочь.

Наша находка — домик морских свинок капитана Флинта и Вили Мало. Пока свинки сидели просто в клетке, их почти не замечали. Теперь они — любимцы ребятишек.

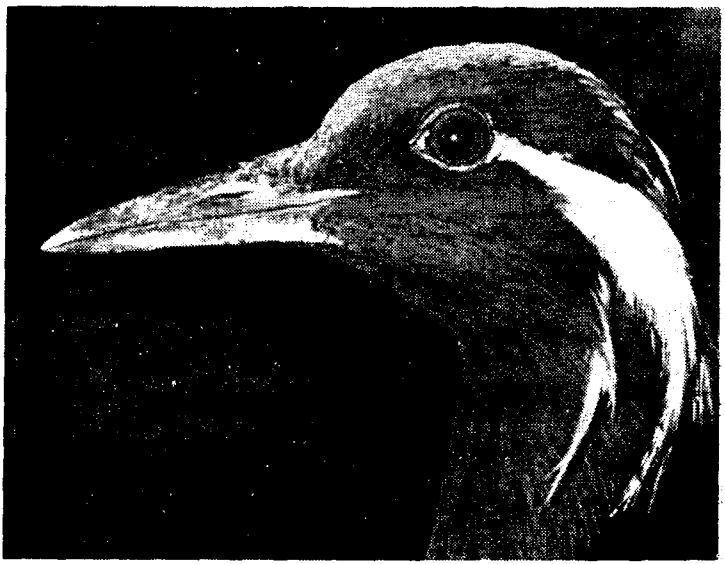
Домик получился просто чудо: вокруг низенькая ограда с калиткой, у домика — окошки, труба, даже скво-

речник. И так уютно смотрится он среди зелени! Ребятишкам очень нравится: даже пищат от восторга!

Как-то рассказываю, что «старый морской пират» (капитан Флинт) теперь остепенился, обзавелся домиком и мирно разводит клубнику на грядках... Контраст между романтическим именем и толстой свинкой вызывает веселый смех. Вдруг один из туристов прерывает меня восклицанием:

— Ого! Он уже и машину приобрел!

Гляжу: действительно, в уголке дворика стоит игрушечная голубая «победа». Как потом узнала, маленький Витя — сынишка лесника — поставил ее Флинту по соб-



Журавль-красавка

ственной инициативе, увлеченный придумкой с домиком.

Когда в Уголке были участники съезда врачей, один седой хирург с орденом на груди сказал серьезно (про свинок):

— Вот кто достоин памятника... за заслуги перед человечеством!

— Да, можно сказать, заслуженные деятели медицинских наук!— поддержал другой.

— И не только медицинских... Задолго до полета Гагарина такие вот маленькие «космонавтики» летали в космос!

Я часто использую в беседах с посетителями этот разговор. Слушают и проникаются уважением к маленьким забавным зверькам — помощникам науки...

В КАФЕТЕРИЯХ УМЫВАЛЬНИКОВ НЕ БЫВАЕТ!

Мы выделили всех случайных питомцев Уголка — попугайчиков, морских свинок, ежиков — в особый отдел: «Зверьки и птицы, которых мы рекомендуем для начинающих натуралистов».

Разноцветные говорливые попугайчики, изящные канарейки, голуби, золотистые хомячки собирают вокруг себя толпы детей и взрослых.

Многочисленные вопросы: как содержать? чем кормить?— навели нас на мысль организовать при нашем Уголоке «Консультацию имени доброго доктора Айболита», где желающие могли бы получить ответы на все основные вопросы содержания животных в Живых уголках и дома.

А как хорошо было бы создать при Уголке Библиотечку-читальню натуралиста, чтоб турист в свое свободное время (а свободного времени у туристов — особенно в дождливые дни!— вагон и маленькая тележка), мог познакомиться с такими книжками, как «Вам и внукам» Арманд, «До того, как умрет природа» и т. д. Эти книжки издаются у нас таким малым тиражом, что обычно не доходят до широкого круга читателей. Какие возможности для пропаганды дела охраны природы!

Пока это только мечты, но мы обязательно организуем такую библиотечку, как только у нас будет реальная возможность!

А будет ли?

...Вспоминается мне один небольшой эпизод. Однажды мы позавтракали в кафетерии, и, когда уходили с липкими от пирожных руками, я сказала уборщице, прибиравшей столики:

— Так у вас хорошо и славно, но почему бы вам не сделать еще одно — поставить где-нибудь в уголке умывальник, чтоб можно было сполоснуть руки?

— Милая ты моя,— снисходительно-ласково прощая мне мое невежество, ответила мне уборщица.— Нам об этом столько говорили. Так ведь у нас — кафетерий, а не столовая. В кафетериях умывальников не бывает.

Ох, как трудно подчас доказать тем, от кого это зависит, что умывальник в кафетерии — это хорошо!

Морская свинка капитан Флинт

СТРАУС ИЛИ ЦАПЛЯ?

В подавляющем большинстве наши посетители — народ катастрофически невинный в вопросах зоологии. Оправданием им служит плохая постановка преподавания естествознания в школе (об этом уже много писали), а также крайне малое количество у нас зоопарков — только 28 на всю огромную страну!

Наши красноярские ребятишки (у нас в Красноярске

до сих пор нет ни зоопарка, ни даже постоянного зверинца) плохо знают животных.

— Ой, посмотри, посмотри,— какой страус!

— Какой страус, когда это вовсе цапля!

А на самом деле это — и не страус, и не цапля, а серый журавль.

Журавль — символ Родины. Каждый знает песню о журавленке, который торопит вожака, правда? А вот настоящего журавленка, разгуливавшего по двору Уголка, одна девчушка приняла за новый вид бройлера, так сказать, последнее достижение отечественного птицеводства!

ИЗ ДЕВЯТИ — ТРИ!

Особенно плохо обстоит дело с мелкими птицами.

В большой клетке — девять самых обычных наших мелких воробьиных птиц. Певчий дрозд, овсяночка, снегирь со снегиркой, горихвостка, воробей, щегол, чечетка. Подвожу группу школьников:

— Ну-ка, знаете ли вы наших птиц? Кто мне скажет, какие это птицы?

Хором: Воробей!— Верно! А еще?— Щегол (один голос).— Снегирь — после долгой паузы неуверенно.

Это предел. Больше трех птиц никто (и учительница!) назвать не может.

Вина учителей. Часто совсем не знают родной природы. Только раз за все время попался учитель — любитель-птицелов. Держит птиц у себя дома, организовал при школе Живой уголок. Мальчики из его школы назвали птиц без запинки.

«ЗООЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ»

Каждый день я узнаю что-нибудь новое для себя.

О журавле-красавке:

— Цапля.

— Да ну — цапля! Аист.

О шотландской овчарке Кае:

— Росомаха.

Недавно услышала:

— Пойдем смотреть антилопу (о маралушке Рое).

Смешно? Скорее грустно. Какие же мы хозяева своей планеты, если так плохо знаем ее обитателей?

БЫТУЮЩИЕ ПОНЯТИЯ

Все уверены, что совы днем ничего не видят. Спорят, когда доказываешь, что это не так. Почти никто не знает, что совы и мелкие соколки — полезные птицы.

О соколе-чеглоке и пустельге говорят «кобчик». Собирательное наименование мелких хищных птиц. Так же, как крупных — «коршун».

ОПАСНЫЙ ЗВЕРЬ

Про Юльку-косулю — ласковое, милое существо — стандартный вопрос задают преимущественно девушки:

— А она не кусается?

О том, кто из зверушек чем питается, представления весьма туманные. С самым добрым намерением кидают Дикси (рысь) шоколадные конфеты и сахар, от которых она, пренебрежительно сморщив нос, отворачивается с глубочайшим презрением к человеческой необразованности.

А ОРЛЫ ХЛЕБ НЕ ЕДЯТ!

Несколько подростков методично швыряют чем-то в орлов. Ханум в панике мечется, ломая перья о сетку. Грозный заинтересован, но и он, наконец, испугался: взмахнул крыльями, закричал (попали в голову). Подхожу, готовая взять за плечи и выставить с территории Уголка, и вижу: кидают куски хлеба.

Медвежья услуга от чистого сердца!

ТРАНЗИСТОРЫ

Стихийное бедствие, как и всюду на природе,— транзисторы. Дикси их ненавидит и, завидя туриста с воющим ящичком на груди, заскакивает на крышу домика, сжимается в комок. В глазах загорается хищный зеленый огонь, кончик хвоста нервно шевелится — так бы и тиснула лапой — пфф!

Иногда орут (каждый свое) три-четыре транзистора. Прошу:

— Выключите, пожалуйста!

Удивлены.

Орел-могильник

— Почему?

— Звери очень устают за день.

Пожимают плечами. Со снисходительностью молодости к «причудам» старости.

НАПИСАННОМУ — ВЕРИТЬ!

К написанному доверие трогательное (очевидно, Кузьма Прутков забыт). Недавно слышала такой разговор:

— Какая странная рысь! (Про дворняжку Воробья).

Спутник настроен более критически:

— Это не рысь, это собака!

— Не спорь, пожалуйста! Написано — рысь, значит,— рысь!

ОНИ ТАК ЗАБАВНО ПОДПРЫГИВАЮТ!

Очень невысока (в общем!) культура поведения на природе. Это, кстати, одна из основных причин нарушений законов охраны природы. Да, да, — утверждаю с полной ответственностью,— громадное большинство нарушителей становятся таковыми только потому, что их никто не научил вести себя в гостях у природы. А этому нужно учить в раннем детстве.

— Вы ведь не будете в музее кричать, свистеть, бить палкой по витринам, хватать экспонаты руками, правда? Так почему же здесь вы ведете себя, как дикари?

— Это же не музей.

— Это музей живой природы. Здесь также нужно вести себя культурно.

В ответ удивленные взгляды.

...Тычут соломинками в мордочки морским свинкам, дуют сквозь сетку на хомячков.

— Ребята, не мучьте животных.

— Мы не мучаем. Мы только хотим, чтоб они побегали. Они так забавно подпрыгивают.

Одна девочка обиделась:

— Я ее глажу по головке, а вовсе не мучаю.

— А ты представь, что тебя погладят по головке за день сто раз! Как ты думаешь, это доставит тебе удовольствие?

Задумалась. Но не надолго. Очень уж велик соблазн! И снова украдкой тянется детская ручка — на этот раз потрогать черепаху.

Не жестокость. Не умышленное мучительство. Нет, конечно! Просто — невоспитанность. Вероятно, и родители вели бы себя со зверушками так же (что не мешает

им во всех прочих отношениях быть вполне воспитанными и культурными людьми).

В людях много доброты, искреннего желания сделать зверушкам хорошее (особенно в детях!). Но очень немногие понимают этих самых зверушек, знают, что для них хорошо, а что плохо.

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

Просыпаюсь на рассвете от неистового лая овчарки Каро. Бегу к вольерам. С изумлением вижу, что в воль-

Елена Александровна Крутовская со своими юными помощниками

ре волчицы Сороки стоит подросток. Прижался к сетке в том углу, до которого не достает натянутая цепь. Дверка вольеры закрыта на засов, у вольеры — второй подросток, постарше.

— Как ты сюда попал? Что тебе нужно?

Молчание.

— Выходи.

Вышел. Проводила обоих до калитки. Заперла калитку на засов. Только начала засыпать — снова Каро.

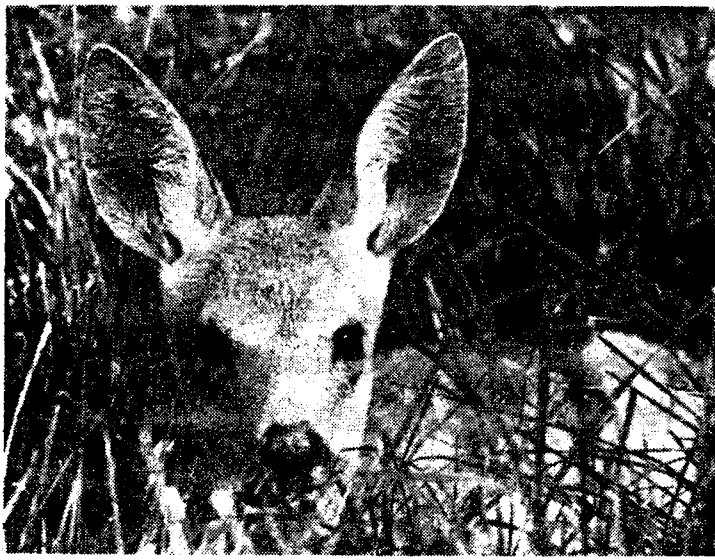
— Тревога! Тревога! В Уголке — чужой!

Опять бегу к вольерам. Опять та же картина: мальчишка в вольере волчицы. На этот раз один, без «ассистентов».

Признаюсь, тут я не выдержала: не вдаваясь ни в какие психологические подробности, крепко взяв за шиворот, довела до ворот и как следует поддала.

— Увижу еще — спущу Каро, понял?

Это он понял. И больше я его не видела.



Косуленок

Что это было? Вероятно, пари. Дескать, нам не страшен серый волк — на цепи.

СТРАНА ДИВ

Для совсем маленьких рабятишек Уголок — царство сказки.

Только раз за все время встретился пяти-шестилетний

карапуз, который очень скучал у нас в Уголке и тянул маму за рукав: «Пошли! Хватит, уже все посмотрели!» А родители не могли оторваться от вольер и жалобно упрашивали Вову: «Ну, погоди минутку, мы сейчас... посмотрим еще мишку.. Ой, а белочки-то?»—«Нет, а ты лисят видел?»

Попадаются и среди маленьких ребятишек такие, для которых все удовольствие в том, чтоб лупить палкой по вольерам, пугая зверей. А родители — с виду вполне культурные люди.

Дети — это «лакмусовая бумажка». Если ребенок так ведет себя, значит, под внешне культурным обликом его папы или мамы — обыватель, безразличный к природе.

Но громадное большинство детей приходит в Уголок, как в Страну Див.

ЮРА

Почти каждый выходной приходит Юра. Ему лет пять. Он приходит с папой и мамой, иногда — только с мамой. Мама рассказывает: в прошлый выходной не пошли на «Столбы», так Юра всех дома замучил: «Когда же пойдем к Елене Александровне, так давно не видели зверей!»

Если меня нет в Уголке, Юра подходит к веранде дома и вежливо просит, чтоб меня позвали. Когда я выйду, крепко вцепляется своей ручонкой в мою руку, словно боится, что я сейчас исчезну, и тянет меня к вольерам. С этой минуты я в его личном распоряжении, и он не уступает меня никому.

Почти ничего не говорит, больше вздыхает, а если скажет что-нибудь, то на ухо: так поверяют заветную мечту, которую трудно высказать громко.

Самая заветная мечта: иметь дома какого-нибудь зверька — хоть самого-самого маленького, вот такосенького!

Договорились о попугайчике. Против попугайчика папа не возражает. Теперь дело за клеткой.

— Это ваш внучек?— спрашивают те, кому пришлось ждать, пока мы с Юрой не закончили традиционный обход вольер и обсуждение вопроса о попугайчике.

— Это мой будущий помощник!— отвечаю я.

ХОЗЯИН ШУРИКА

Маленький человек, лет девяти не больше, один, без папы и мамы, пришел к нам в Уголок на «Столбы» (не ближний путь — семь километров пешком через лес!), принес в плетеной корзинке короткохвостого замурзанного сорочонка. Сорочонка зовут Шурик. Лапки у него совсем парализованы, сидит «на кулачках».

— Витаминов ему надо,— печально сказал мне человек.— Давать витамины — может, поправится? В голосе его была тревожная озабоченность: вдруг я не приму Шурика в Уголок? Что тогда?

Отдав мне сорочонка, он сразу же ушел. Должно быть, трудно было расстаться. Наверное, дома мама не позволила держать, а то разве отдал бы!

Шурик — имя-то какое ласковое! Значит, любил, если так назвал хорошо!

ОТ ИМЕНИ ЕЖИКА

Совсем малыш, года два-три. Папа поднял на руки, чтоб показать ежиков — самому не дотянуться. Я открыла крышку ежатницы, достала Мадам Пых. Мадам Пых высунула носик. Спрашиваю тоненьким голосом:

— Здравствуй! Тебя как зовут?

У малыша округлились глаза,— он отвечает не мне, а ежу (ведь ясно, что это ежик спросил!):

— Миша.

— А меня зовут Мадам Пых. Я приехала из далекого города, где много-много яблок,— из Алма-Аты. Очень рада с тобой познакомиться. Я тебе понравилась?

Вздыхает от полноты чувств. Еще бы!

После таких посетителей чувствуешь себя немножко Волшебником. До чего это хорошо — творить сказку! И вдруг — как ушат холодной воды.

— А скажите, для чего, собственно, все это? Ну, вот — все эти ваши клетки, этот ваш... Уголок? Поди, больших денег стоит содержать?.. Деньги-то государственные расходуются? Лучше бы образцовую звероферму организовали, вместо этого Уголка, по крайней мере, доход бы приносила...

Я уже не чувствую себя Волшебником. Моя гордая радость испарилась, как воздух из проткнутого шарика. Разом замечаю, как устала за день. Вспоминаю все промахи, все недоделки.

Хорошо сказал писатель Бианки, просто замечательно сказал:

«У входа в твою страну Див должна быть надпись: «равнодушным вход воспрещен».

Серая болезнь равнодушия в области наших взаимоотношений с природой, к сожалению, встречается у нас не так уж редко.

КРОКОДИЛ

Толстяк в городском костюме. Портфель, мягкая серая шляпа. Приехал на личной машине. Ходит по Уголку со скучающим, брюзгливым выражением лица.

— А где у вас крокодил?

— Крокодилы у нас только приходящие — они не типичны для нашей местности.

Тупо глянул. Даже не понял моей дерзости. Через минуту заработал мотор, машина тронулась, набирая скорость...

Изволили отбыть!

В добрый час! Такие безнадежны.

КРАСОТА В КИЛОГРАММАХ

Несколько пожилых мужчин. Грубые рабочие робы, сапоги. Из тех, кто меньше всего склонны к слезливым сантиментам, «охам» и «ахам». Долго стоят у загончика косуль, тихо переговариваясь. Подхожу и слышу.

— Как это можно... Таких убивать?

До этих — дошло.

— Чего вы кричите из-за какого-то килограмма мяса?— сказал мне как-то один — не буду называть его фамилии — очень ответственный товарищ, которому я высказала возмущение по поводу загубленного им маленького косуленка (загубленного просто из равнодушия, бесполезно).

Всего-навсего килограмм — рубля полтора-два на деньги... Действительно, из-за чего поднимать шум?

Равнодушие — это болезнь.

Если человек не видит несравненной красоты цветка или птицы, он болен, его надо лечить.

И начинать лечение надо в раннем детстве, пока болезнь еще не стала неизлечимой.

ДЕНЬ КРИТИЧЕСКОГО НАСТРОЕНИЯ

(Последняя страничка)

День дню не равен. Иногда за весь день не приходится сделать ни одного замечания: идет «хороший посетитель»— интересующийся, дружески настроенный, а назавтра — прямо язык устанет, пока добьешься, чтоб не дразнили и не пугали животных.

Сегодня «День критически настроенного посетителя»— все плохо. Вместо рыси — собаку посадили и выдают за рысь, лисы ободранные — скоро передохнут, соболь уже подох (хорек Митька, блаженствуя, валяется вверх пузом), вороны без хвостов. Одним словом,— сплошной обман и надувательство. Не стоило тащиться в такую даль!

Проходя по Уголку, слышу, как пышная особа в умопомрачительных пунцовых шортиках говорит своему спутнику:

— Пойдем, ничего тут нет хорошего. Пойдем куда-нибудь, на травке полежим.

Набегает подросток, едва не сбив меня с ног, свистит в два пальца:

— Эй, канаем отсюда, братва! Нечего тут киснуть!

Не радует и пожилая чувствительная блондинка, исходящая сантиментальными восторгами перед вольером белочек:— Ах, вы мои тютюсеньки, утютюшеньки, утютюнечки, мулечки-тюлечки...

Молодой эффектный брюнет вбежал в калитку совершенно запыхавшись. Мелькает робкая надежда: вот, наконец, и «хороший посетитель», настоящий любитель. Но, оказывается, он бежал в гору, потому что его напугали, будто в заповеднике рыси бродят запросто по дорогам... Шел же в Уголок с единственной целью — при-

обрести белку.— У нас нет лишних белок.— Не может быть, за деньги?... тоже нет? А если... сменять на крокодила?

(А что в самом деле? Сменять белку на крокодила? Такой случай! Странно, почему мы не в восторге?!)

Освещенный закатным солнцем, в величественной позе, раскрыв свой черный с мраморными разводами веер, стоит на своей горке Ункас. Я невольно приостанавливаюсь, залюбовавшись им. Глухарь — сказочная древняя птица, поющая свою песню песен в двух шагах от людей... Никогда не устану я любоваться этим чудом и гордиться и радоваться своей причастностью к нему!.. Приостановились и крепко сложенные, великолепно загорелые, очень довольные собой мужчины:

— А это кто — глухарь?

— В уху бы его!

Бывают же такие черные дни!

Но перед самым закрытием Уголка, уже в сумерках — группа загорелых до черноты, пропахших дымом костров ребят. Откуда они к нам? с Саян? с Байкала? Рюкзаки, фотоаппараты, разбитые о камни дальних дорог вибрамы... Слишком усталая и расстроенная неудачным днем нехотя подхожу к ним, чтоб вежливо попросить на выход — уже пора закрывать Уголок.

— Ой, до чего же у вас тут хорошо! Это вы все здесь устроили? Вы — сами? Наверное, очень счастливый человек, да?

В голосе тоненькой девчушки почтительное восхищение с оттенком хорошей молодой зависти. И все они — ребята и девушки — смотрят на меня снизу вверх, ведь вот сумела найти свою настоящую дорогу в жизни, а они... они еще до сих пор (самому старшему из группы, наверное, лет 25) не успели ничего сделать!

Славные мои ребята, а ведь вы угадали! Я действительно, очень счастливый человек. Но как это здорово, что именно сегодня вы догадались мне позавидовать!

Завтра будет хороший день. Обязательно!

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ ПЕРВЫЕ

Как это было 8
Фитька 22
Таныш 28
Лоська 33
Ройка 37
Джурка 41
Волчик 43
Косуленок Пик 60

ПРИЮТ ДОКТОРА АЙБОЛИТА

Дом для лесных сирот 72
Тайгиш Миха 78
Залисье 79
Пан Казимир 86
Дела птичьи 89

У НАС СОБАКИ

Дагни 96
Кай 101
Вулька 103
Никита — князь Серебряный 105
Анчар 120

ЛЮДИ ЗАПОВЕДНИКА

Первый директор 128
Первый метеоролог 130
Лесовод Мария Николаевна Ширская 132

ЛЮДИ И ЗВЕРУШКИ

(Из моей записной книжки)

Насажали воробьев 136
«Миха работает у нас на амплуа клоуна» 137
Модно 138
Открытие красоты 139
— Выгоните нам рысь! 139
На всех не угодишь 141
Великая вещь — оформление! 142
В кафетериях умывальников не бывает! 144
Страус или цапля? 145
Из девяти — три! 146
«Зоологические открытия» 146
Бытующие понятия 147
Опасный зверь 147
А орлы хлеб не едят! 147
Транзисторы 148
Написанному — верить! 149
Они так забавно подпрыгивают! 149
Чудеса в решете 150
Страна Див 151
Юра 152
Хозяин Шурика 153
От имени ежика 153
Крокодил 154
Красота в килограммах 154
День критического настроения *(Последняя страничка)* . 155

КРУТОВСКАЯ
Елена Александровна

БЫЛИ
ЗАПОВЕДНОГО
ЛЕСА

Редактор
О. А. Хонина
Художественный редактор
Т. Е. Ильющенко
Художник
В. В. Бахтин
Технический редактор
А. Г. Малышева
Корректор
В. Н. Клюшина

ИБ № 1305
Сдано в набор 13.04.90. Подписано к печати 20.06.90. АЛ03721.
Формат 84×108 1/32. Бум. офс. № 2.
Гарнитура Литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,93. Уч.-изд. л. 7,96.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 67. Цена 1 р. 40 к.

Красноярское книжное издательство, 660049,
г. Красноярск, пр. Мира, 98.
Типография «Красноярский рабочий», 660049,
г. Красноярск, пр. Мира, 91.

Крутовская Е. А.

К84 Были заповедного леса.— Красноярск: Кн. изд-во, 1990.— 157 с., илл.

ISBN — 7479—0218—0

Книга замечательного ученого орнитолога и очень талантливого человека Е. А. Крутовской состоит из рассказов, очерков, зарисовок, посвященных обитателям созданного ею в заповеднике «Столбы»— Живого уголка —«Приюта доктора Айболита», где нашли уход и любовь многие лесные сироты — зверушки и птицы, обиженные браконьерами и просто злыми людьми.

Книга иллюстрирована фотоснимками друга и супруга Елены Александровны Крутовской — Джемса Георгиевича Дулькейта.

К $\frac{1603000000—033}{М\ 147(03)—90}$ 60—90